

ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

Нам
30
лет!

Политические
Исследования

POLIS
Political Studies

2021

3

ПОЛИС

Политические Исследования 3'2021

Научный и культурно-просветительский журнал

Издается с 1991 г.

Выходит 6 раз в год

2021 № 3

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.00

ISSN (Print) 1026-9487

ISSN (Online) 1684-0070

Читайте в следующих номерах:

Апории ядерного сдерживания: теория и практика

Цивилизация, капиталистическая глобализация и либеральная демократия

Цивилизационный дискурс: идеологические изводы

Еще раз о концептуализации современного миропорядка

Другой мейнстрим – возможна ли альтернатива иерархии и гегемонии?

Учредители:

Некоммерческое партнерство “Редакция журнала “Полис”
 (“Политические исследования”)

Общероссийская общественная организация
 “Российская ассоциация политической науки”

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
 Российской академии наук

Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических
 и политических исследований

Московский государственный институт международных отношений
 (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Издатель:

Некоммерческое партнерство “Редакция журнала “Полис”
 (“Политические исследования”)

Главный редактор:

С.В. Чугров

Научный советник:

И.К. Пантин

Редакция:

А.Л. Бардин, А.Н. Кокарева, Л.Н. Кузнецова,
 В.В. Лапкин (первый зам. главного редактора)

Оргподдержка:

Е.В. Рыжова

Компьютерная верстка:

И.М. Ситников

Журнал включен в ядро РИНЦ (двухлетний импакт-фактор без самоцитирования – 2,311),
 в Scopus (Sociology and Political Science, SJR Q2, Cite Score Q2), Web of Science (ESCI),
 Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science, ERIH PLUS.

Журнал входит в Перечень ведущих
 рецензируемых научных журналов
 и изданий, в которых должны быть
 опубликованы основные научные
 результаты диссертаций на соискание
 ученых степеней кандидата и доктора наук.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ ЖУРНАЛА

ПИ № ФС 77-73112 выдано

Федеральной службой по надзору в сфере связи,
 информационных технологий
 и массовых коммуникаций 22 июня 2018 г.

©НП “Редакция журнала “Полис”, 2021

POLIS.Political Studies

www.politstudies.ru

www.polismag.ru

ISSN 1026-9487

9 771026 948003 >

Polis. Political Studies 3'2021

Journal on Political Science, Political Sociology, International Relations, Political Philosophy

Published since 1991
Issued six times a year

ISSN (Print) 1026-9487
ISSN (Online) 1684-0070

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.00
<http://www.politstudies.ru>

CONTENTS

6 Presenting the Issue

- 8 **A.V. Torkunov.** On the Eternal and the New
in the Current Context of World Politics
(on the 800th Anniversary of the Birth of Alexander Nevsky) **WE IN THE WORLD,
THE WORLD IN US**

- 17 **O.Yu. Malinova.** Amending the Russian Constitution
as Symbolic Politics: 1993-2020 **THEME OF THE ISSUE:
STUDYING OF THE
INSTITUTIONAL
TRANSFORMATIONS
IN RUSSIA**
- 38 **L.I. Nikovskaya, V.N. Yakimets.** Municipal Public Policy:
The Viability of its Institutions and Subjects
(the Cases of Kostroma and Yaroslavl)

- 57 **I.A. Safranchuk, F.A. Lukyanov.** The Modern World Order:
Structural Realities and Great Power Rivalries **ORBIS TERRARUM:
INTERNATIONAL
RELATIONS**
- 77 **E.A. Antyukhova.** NATO in the Crosshairs of COVID-19
- 91 **K.E. Koktysh.** Belarus: A New Geopolitical Reality?

- 111 **M.F. Chernysh, Yijin He.** Discourses of Social Justice
in the Chinese and Russian Cultural Contexts **POLITICAL DISCOURSE**
- 129 **I.A. Chikharev.** The Great Mediterranean
as a Multi-Dimensional Object of Political Research

- 147 **A.S. Akhremenko, V.E. Belenkov, A.P. Petrov.**
The Logic of Protest Campaigns:
From Empirical Data to Dynamic Models (and Back) **THEORY AND
METHODOLOGY
OF POLITICAL STUDIES**
- 166 **D.M. Romanov, K.V. Meshcherina, A.V. Korotayev.**
The Share of Youth in the Total Population as a Factor
of Intensity of Non-Violent Protests: A Quantitative Analysis

- 182 **A.L. Lukin.** Russia and the Korean Peninsula:
Political Realism and Empathy **REFLECTING ON
MATTERS IN PRINT**

192 Information for Our Authors

In the next issues: *The Aporia of Nuclear Deterrence: Theory and Practice*
Civilization, Capitalist Globalization, and Liberal Democracy
Civilizational Discourse: Ideological Versions
Conceptualization of the Modern World Order Revisited
Another Mainstream? Is There an Alternative to Hierarchy and Hegemony?

Founders: Noncommercial Partnership "Editorial Board 'Polis' ('Political Studies')"
Russian Public Organization "Russian Political Science Association"
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Noncommercial Foundation – Institute of Socio-economic and Political Researches (ISEPR Foundation)
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation

Polis. Political Studies journal has a media registration certificate
PI No. FS 77-73112 issued on June 22, 2018,
by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media.

The Journal has been included in Scopus
(Sociology and Political Science,
SJR Q2, Cite Score Q2),
and in the Web of Science
(Emerging Sources Citation Index),
Russian Science Citation Index (RSCI)
on the Web of Science platform, ERIH PLUS.

Полис. Политические Исследования 3'2021

6 Представляем номер

8 А.В. Торкунов

О вечном и новом в актуальном контексте мировой политики (к 800-летию со дня рождения Александра Невского)

**МЫ В МИРЕ,
МИР В НАС**

17 О.Ю. Малинова

Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993–2020

**ТЕМА НОМЕРА:
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ
ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ
В РОССИИ**

38 Л.И. Никовская, В.Н. Якимец

О состоятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики (на примере Костромской и Ярославской областей)

57 И.А. Сафранчук, Ф.А. Лукьянов

Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав

**ORBIS TERRARUM:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ОТНОШЕНИЯ**

77 Е.А. Антюхова

НАТО под прицелом COVID-19

91 К.Е. Коктыш

Белоруссия: новая геополитическая реальность?

111 М.Ф. Черныш, Хэ Ицзинь

Дискурсы социальной справедливости в китайском и российском культурных контекстах

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДИСКУРС**

129 И.А. Чихарев

Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований

147 А.С. Ахременко, В.Е. Беленков, А.П. Петров

Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно)

**ТЕОРИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

166 Д.М. Романов, К.В. Мещерина, А.В. Коротаев

Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа

182 А.Л. Лукин

Россия и Корейский полуостров: политический реализм и эмпатия

**РАЗМЫШЛЯЯ
НАД ПРОЧИТАННЫМ**

192 Информация для авторов журнала

Международный консультативный совет

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА (председатель), доктор политических наук, чл.-корр. РАН, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, Президент Российской ассоциации политической науки (Россия)
Бьорн ВИТТРОК, заслуженный профессор, Уппсальский университет (Швеция)
Александр ГАЛКИН, доктор исторических наук, почетный доктор Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Михаил ГОРШКОВ, доктор философских наук, академик РАН, научный руководитель Института социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
Владимир ГУТОВОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой теории и философии политики СПбГУ (Россия)
Петр ДУТКЕВИЧ, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Оттава (Канада)
Такаси ИНОГУТИ, президент, Университет префектуры Ниигата (Япония)
Борис КАПУСТИН, доктор философских наук, старший преподаватель Йельского университета (США)
Тимоти КОЛТОН, профессор, Гарвардский университет (США)
Стейн Угелвик ЛАРСЕН, заслуженный профессор Университета Бергена (Норвегия)
Мари МАНДРАС, профессор Школы международных отношений Института политических исследований, Париж (Франция)
Александр НИКИТИН, доктор политических наук, профессор, директор Центра евроатлантической безопасности ИМИ МГИМО МИД России (Россия)
Игорь ПАНТИН, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН (Россия)
Юрий ПИВОВАРОВ, доктор политических наук, академик РАН, научный руководитель ИНИОН РАН (Россия)
Ричард САКВА, профессор, Кентский Университет (Великобритания)
Нобуо СИМОТОМАИ, профессор, Университет Хосэй, Токио (Япония)
Анн де ТАНГИ, профессор, Институт политических исследований, Париж (Франция)
Филипп ШМИТТЕР, заслуженный профессор, Институт Европейского Университета, Флоренция (Италия)

Редакционная коллегия

Татьяна АЛЕКСЕЕВА, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политической теории МГИМО МИД России
Владимир ГЕЛЬМАН, кандидат политических наук, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге
Андрей ДЕГТЯРЕВ, кандидат философских наук, профессор факультета политологии МГИМО МИД России
Михаил ИЛЬИН, доктор политических наук, профессор, ординарный профессор НИУ ВШЭ
Полина КОЗЫРЕВА, доктор социологических наук, первый зам. директора Института социологии ФНИСЦ РАН, зав. центром лонгитюдных обследований Института социальной политики НИУ ВШЭ
Владимир ЛАПКИН, ведущий научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, первый зам. главного редактора журнала "Полис. Политические исследования"
Марина ЛЕБЕДЕВА, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой мировых политических процессов МГИМО МИД России
Ольга МАЛИНОВА, доктор философских наук, профессор, профессор НИУ ВШЭ
Борис МЕЖУЕВ, кандидат философских наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова
Андрей МЕЛЬВИЛЬ, доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных наук НИУ ВШЭ, заслуженный деятель науки РФ
Владимир ПАСТУХОВ, доктор политических наук, профессор Колледжа Св. Антония, Оксфорд
Сергей ПАТРУШЕВ, кандидат исторических наук, зав. отделом сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН
Яков ПЛЯИС, доктор исторических и политических наук, профессор, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ
Ирина СЕМЕНЕНКО, доктор политических наук, чл.-корр. РАН, зам. директора, руководитель Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН
Виктор СЕРГЕЕВ, доктор исторических наук, профессор, директор Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО МИД России
Леонид СМОРГУНОВ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой политического управления факультета политологии СПбГУ
Александр СОЛОВЬЕВ, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова
Сергей ЧУТРОВ, доктор социологических наук, профессор МГИМО МИД России
Елена ШЕСТОПАЛ, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

Главный редактор:	С.В. ЧУТРОВ
Научный советник:	И.К. ПАНТИН
Редакция:	А.Л. БАРДИН, А.Н. КОКАРЕВА, Л.Н. КУЗНЕЦОВА, В.В. ЛАПКИН (первый зам. главного редактора)
Организационная поддержка:	Е.В. РЫЖОВА
Компьютерная верстка:	И.М. СИТДИКОВ

International Editorial Council

Oksana GAMAN-GOLUTVINA (chairman), Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Prof., Head of Comparative Political Science Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, President of the Russian Political Science Association (Russia)
Archie BROWN, Emeritus Prof., Oxford University (Great Britain)
Timothy COLTON, Prof., Head of the Department of Government, Harvard University (USA)
Piotr DUTKIEWICZ, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor, Carleton University, Ottawa (Canada)
Aleksandr GALKIN, Dr. Sci. (Hist.), Prof., honorary Dr. of Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)
Mikhail GORSHKOV, Dr. Sci. (Philos.), Academician, Academic Supervisor, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Russia)
Vladimir GUTOROV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Department for Theory and Philosophy of Political Science, Saint Petersburg State University (Russia)
Takashi INOUCHI, President, Niigata Prefecture University (Japan)
Boris KAPUSTIN, Dr. Sci. (Philos.), Senior Lecturer, Yale University (USA)
Stein Ugelvik LARSEN, Emeritus Prof., University of Bergen (Norway)
Marie MENDRAS, Prof., Sciences Po University's School of International Affairs, Paris (France)
Aleksandr NIKITIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Director, Center for Euro-Atlantic Security, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs (Russia)
Igor PANTIN, Dr. Sci. (Philos.), Principal Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia)
Yuriy PIVOVAROV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of the Russian Academy of Sciences, Academic Supervisor, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Russia)
Richard SAKWA, Prof., University of Kent (Great Britain)
Philippe C. SCHMITTER, Emeritus Prof., European University Institute, Florence (Italy)
Nobuo SHIMOTOMAI, Prof., Hosei University, Tokyo (Japan)
Anne de TINGUY, Prof., Sciences Po Institute, Paris (France)
Björn WITTROCK, Emeritus Prof., Uppsala University (Sweden)

Editorial Board

Tatyana ALEKSEYEVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Theory Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Sergey CHUGROV, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Andrey DEGTAREV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Faculty of Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Vladimir GELMAN, Cand. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Faculty of Political Sciences and Sociology, European University at St. Petersburg, St. Petersburg, Russia
Mikhail ILYIN, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Professor in Ordinary of National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Polina KOZYREVA, Dr. Sci. (Soc.), First Deputy Director of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy of the National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Vladimir LAPKIN, Cand. Sci. (Chem.), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief, Polis. Political Studies, Moscow, Russia
Marina LEBEDEVA, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of World Political Processes Department, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Olga MALINOVA, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Prof., National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Andrey MELVILLE, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Dean, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, Honored Scientist of Russia, Moscow, Russia
Boris MEZHUEV, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Vladimir PASTUKHOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., St. Antony's College, Oxford, Great Britain
Sergey PATRUSHEV, Cand. Sci. (Hist.), Head of Comparative Political Studies Department, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Yakov PLEIS, Dr. Sci. (Hist., Pol. Sci.), Prof., Prof. of Political Science Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Irina SEMENENKO, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Head of the Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Viktor SERGEEV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Director, Center for Global Problems, Institute of International Studies, Moscow State Institute of International Relations (University), Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia
Yelena SHESTOPAL, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head the Chair of Sociology and Psychology of Politics, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Leonid SMORGUNOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Political Governance Department, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Aleksandr SOLOVYOV, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Political Analysis Department, Faculty of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor-in-Chief: S.V. CHUGROV

Academic Adviser: I.K. PANTIN

Editorial Staff: A.L. BARDIN, A.N. KOKAREVA, L.N. KUZNETSOVA,
V.V. LAPKIN (First Deputy Editor-in-Chief)

Organizational Support: E.V. RYZHOVA

Computer Layout: I.M. SITDIKOV

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Мы подводим промежуточные итоги в дни юбилеев — и очень больших, и поменьше. Их масштаб зависит от того, какую оптику применить и с какой исторической дистанции на них смотреть.

Этот номер “Полиса”, который читателям представляют первый главный редактор журнала и нынешний (надеемся, не последний), связан с двумя славными датами. Первая круглая дата — 800-летие благоверного князя Александра Невского, отца российской идентичности, государя, воина и святого. Значение этой символической фигуры, во многом определившей нынешнее лицо России и ее исторический выбор, анализирует **Анатолий Торкунов** в статье, открывающей номер, **“О вечном и новом в актуальном контексте мировой политики”**. Мы публикуем ее в рубрике **“Мы в мире, мир в нас”**, ставшей девизом нашего журнала со времени его основания.

Вторая дата в историческом масштабе много скромнее, но она, тем не менее, важна и глубоко символична для нашего профессионального сообщества, читателей и сотрудников “Полиса”. В конце 1991 г. старший из нас, первый главный редактор “Полиса” Игорь Пантин, подписал в печать первый номер нового журнала, а в середине февраля подписчики и розничная сеть получили книжку с пятью греческими буквами на обороте. С этой даты началась история первого в России политологического журнала, которому ныне исполнилось 30 лет.

В Советском Союзе были политические журналы (“Коммунист”, “Политическое самообразование”, “Партийная жизнь” и др.), но все они выражали одну точку зрения на политику — точку зрения ЦК КПСС. Новый журнал заявил о более широком подходе к изучению политики. Политическое знание для него включало теоретическую рефлексии политики как таковой, историю политических учений, теоретико-методологические и прикладные аспекты геополитики, глобалистики, политической философии, политической социологии, политической психологии и других политических дисциплин.

Изменился и подход к анализу политических процессов, происходящих в мире. Если раньше фокусом всех исследований было противопоставление социализма капитализму, с начала 1990-х годов мы стремимся представить читателю более конкретную и более современную концептуализацию политической картины мира с учетом новых исследовательских подходов к действительности.

За три последние десятилетия в мире произошли огромные изменения. Распался Советский Союз, а с ним исчезла Организация Варшавского договора, большинство стран Восточной Европы стали членами НАТО. Ушла в небытие перспектива формирования Большой Европы от Ла-Манша до Урала (а то и до Владивостока). Более того, страны ЕС оказались втянутыми в русло геополитических интересов США и пытаются диктовать России правила внутреннего и международного поведения, видимо забыв о том, кому они обязаны освобождением от фашизма в 1945 г. Резко усилилась роль транснациональных корпораций в мировой политике, нарастает ее хаотизация. Претендующий на мировую гегемонию официальный Вашингтон не останавливается перед многочисленными провокациями и прямым вмешательством в дела других стран. Наконец, страны поднимающихся рынков во главе с Китаем стали играть гораздо более важную роль в мировой экономике и политике.

Естественно, в этом многоголосии по-иному звучит голос России, меняется и ее отношение к происходящему в мире. Европеизация, бывшая путеводной звездой для многих поколений отечественных либералов, демократов и социалистов, показала свою ограниченность и перестала выражать ключевые тренды политики новой России. Европоцентризм стал препятствием для формирования альтернативных “коллективному Западу” путей исторического развития. В определенном отношении, думается, можно говорить о кризисе западной цивилизации, о невозможности на основе ее ценностей преодолеть этот кризис. Перед Россией и большинством человечества встает вопрос о том, какой цивилизации и каким образом удастся построить будущее нашей планеты с наименьшими потерями для человеческого общежития и человеческих отношений.

И Россия, и Китай сегодня стремятся развиваться по-своему. Но между ними есть важные политические различия. В Китае капиталистические формы хозяйственной жизни были приняты и одобрены коммунистами (конечно, на определенных условиях, с “китайской спецификой”), а бизнес с самого начала вынужден был считаться с установками коммунистической власти. В России же рыночные отношения стали результатом “либеральной революции” 1991 г., а бизнес в лице олигархов и криминальных элементов побывал у власти. Потребовались большие усилия, чтобы покончить с олигархическим произволом в стране и перейти к цивилизованным формам государственного устройства. Такого рода переход был реализован политическими силами во главе с В. Путиным. С этого времени основной удар против России стал направляться именно против Путина и его администрации, с использованием провокаций, русофобской риторики, очернением достижений нашей страны.

В этих условиях необходима сплоченность российского народа, естественно, при сохранении культурных и политических различий. Прежде всего надо заняться воспитанием молодежи, представляющей собою удобный объект для разного рода политических манипуляций. Нужна новая идеология, которая не просто противостояла бы крайностям коммунизма и либерализма, но предлагала бы новые решения, открывала перед Россией перспективы поступательного движения вперед на базе передовых технологий и научных знаний. Необходима также инновационная политическая теория, учитывающая новые, меняющиеся реалии современного мира. Наш журнал претендует на то, чтобы участвовать в выработке такой идеологии и такой теории.

Пандемия несколько изменила формат и нашей работы, и нашего юбилея. Журнал меняется. Наша и в прошлом высокая планка требований к научности материалов поднялась еще выше, а публиковаться стало труднее. Хотите печататься в “Полисе”? Нужно сосредоточить сто процентов ваших талантов и знаний, добавить еще десять процентов сверх того, и — с помощью редакции — родится текст, который будут изучать, цитировать, вставлять в учебные программы. Хотим, чтобы каждая статья была сгустком энергии интеллекта, а каждый номер — тщательно поставленным спектаклем в гармонии с нашим девизом “Мы в мире — мир в нас”.

Игорь Пантин,
Сергей Чугров

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.02

О ВЕЧНОМ И НОВОМ В АКТУАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

(к 800-летию со дня рождения Александра Невского)

А.В. Торкунов

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, академик РАН, ректор МГИМО МИД России, Москва, email: rectorat@inno.mgimo.ru

Торкунов А.В. О вечном и новом в актуальном контексте мировой политики (к 800-летию со дня рождения Александра Невского). — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 8-16. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.02>

Статья поступила в редакцию: 25.12.2020. Принята к публикации: 19.01.2021

Аннотация. В мае 2021 г. Россия отмечает 800-летие со дня рождения Александра Невского. В статье, приуроченной к этой дате, подчеркнуто, что в середине XIII в., когда Киевская Русь распадалась, а движение к чему-то иному только намечалось, на политическую авансцену выходит личность, способная побеждать даже тогда, когда победы казались невозможными. Принадлежа турбулентному времени, князь Александр Ярославич всеми силами стремился вытянуть Русь из исторического тупика. Он возвышается над многими удельными князьями той эпохи, да и над эпохой в целом. Стержнем, вокруг которого Александр Невский выстраивал практическую политику, был поиск оптимального позиционирования исконно русских земель в координатах Запад — Восток. От его результатов зависело, будет ли Русь низведена до уровня лимитрофа под прессингом и католического Запада, и кочевого Востока или сохранит себя, обретя цивилизационную самостоятельность. Тогдашний выбор — отпор на Западе (и, тем самым, сохранение православия как основы идентичности русских) и вынужденный компромисс с монголами, не имевшими притязаний на духовный контроль, — обеспечил приемлемое решение стратегической задачи. С тех пор и донныне скоординированная “игра на двух досках”, западной и восточной, остается лейтмотивом российской внешней политики. В этом аспекте, как и в целом ряде других отношений, на которых автор заостряет внимание, Александр Невский предстает основоположником политики становления нашего Отечества как государства планетарного масштаба.

Ключевые слова: Александр Невский, российская политика, стратегия игры на двух досках, стратегическая сосредоточенность, Евразия, Горчаков, Примаков.

Позволю себе начать на личной ноте статью, посвященную событию общенационального значения.

Более десяти лет назад сравнительно небольшим тиражом вышла коллективная монография, озаглавленная “Александр Невский. Государь, дипломат, воин” [Александр Невский... 2010]. В подготовке этого масштабного труда приняла участие представительная группа российских историков. Мне повезло поработать вместе с ними в качестве ответственного редактора и одного из авторов. Хочу выразить глубокое уважение коллегам, вложившим душу в наше общее детище. Аналогов тому, что мы тогда создали, в мировой руссиеведческой литературе нет¹.

¹ Считаю своим долгом поблагодарить за разнообразную и деятельную поддержку, оказанную этому проекту, активных участников программы “Александр Невский” Межрегионального общественного фонда “Центр национальной славы”, Фонд Андрея Первозванного, Московскую Патриархию и Уральскую горно-металлургическую компанию. Не могу не упомянуть об особом вкладе МГИМО, сотрудники которого были также представлены в авторском коллективе.

Сейчас, когда готовится уже третье издание этой книги, она видится мне как дар всему российскому обществу, заботливо и загодя подготовленный к 800-летию Александра Ярославича, родившегося в мае 1221 г., — в разное время князя Новгородского, великого князя Киевского и Владимирского, полководца-победителя в Невской битве и Ледовом побоище, искуснейшего дипломата, святого Русской православной церкви и, во всех этих ипостасях, — одного из величайших сынов нашей Родины.

Характерно и отрадно, что в своем отношении к этой дате люди науки и люди власти проявили единодушие. Президентский “Указ о праздновании 800-летия со дня рождения Александра Невского” был подписан еще 24 июня 2014 г., по горячим следам Крымской весны. Поступив таким образом задолго до юбилейного года, Владимир Путин одним этим дал понять: речь идет о событии, побуждающем связывать воедино историю и современность, выявлять и интерпретировать сквозные мотивы, определяющие траекторию нашего многовекового пути во времени и пространстве, дабы лучше понять, что ждет впереди и к чему готовить себя².

ВОЗВЫСИВШИЙСЯ НАД ЭПОХОЙ

Оглядываясь на немногие годы, прошедшие с тех пор, осознаешь, насколько велика интенсивность угроз, адресованных современной России. И это тоже побуждает переосмыслить, чем поколения, сменявшие друг друга на протяжении восьми столетий, обязаны Александру Невскому. К размышлениям на эту тему мне хотелось бы пригласить заинтересованного читателя, разумеется, имеющего свое представление об эпохе и жизненном пути святого благоверного князя.

Свидетельства, которыми мы располагаем об образе мыслей Александра Ярославича о его деяниях, нельзя назвать многочисленными. Однако же их достаточно, чтобы сделать вывод: без малого 800 лет назад на авансцену истории вышел политик, способный побеждать, когда победа казалась невозможной, способный решать проблемы своего времени так, чтобы и для потомков его подходы оставались актуальными.

Александр Ярославич, как мы видим сегодня, остро ощущал опасности, связанные с размыванием нравственных ориентиров, увязанием в “кризисе переходности”. Он стремился вытянуть Русь из исторического тупика, в котором она оказалась. Его личность возвышается над многими удельными князьями той эпохи, да и над эпохой в целом. В наши дни имя Александра Невского известно в основном подвигами на ратном и дипломатическом поприщах, а на Западе его именуют “воином и святым” (например, [Isoaho 2006]). Тем важнее для нас уяснить, что следствия его деяний — следствия поистине цивилизационного масштаба — по сей день заявляют о себе далеко за рамками военного дела и дипломатии.

Попытаемся зафиксировать те аспекты политики князя, в которых его дальновидность проявилась наиболее ярко и полно.

СТРАТЕГИЯ “ИГРЫ НА ДВУХ ДОСКАХ”

Смысловым стержнем, вокруг которого Александр Невский с юных лет и до конца своих дней выстраивал практическую политику, был поиск оптимального позиционирования исконно русских земель в координатах Запад — Восток. В чем состояло великое значение этого поиска? В том, что от его

² Путин В.В. *Указ о праздновании 800-летия со дня рождения Александра Невского. 24 июня 2014 года.* URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/46050> (accessed 31.03.2021).

результатов зависело, будет ли Русь низведена, под гнетом двустороннего прессинга католического Запада и кочевого Востока, до уровня усыхающего лимитрофа или сумеет сохранить себя, исподволь восстанавливая, а там и расширяя ареал бытия и все более весомо претендуя на *цивилизационную самостоятельность* по отношению как к Западу, так и к не-Западу³.

Суровые реалии века не позволяли никому из правителей тогдашней Руси дистанцироваться от этого круга проблем. Однако подступиться к их решению с опорой на то, что названо здесь стратегией “игры на двух досках” и видится сквозь последующие столетия как одна из магистральных линий российской внешней политики, оказался способным лишь один из них.

Уже на ранних этапах государственного служения Александр Ярославич вел себя на Западе с учетом той реакции, которую его шаги вызывали на Востоке. Маневрируя же на Востоке, держал в уме происходившее на Западе. На каждом из этих двух направлений его действия разительно отличались от действий на другом.

В экстраординарной ситуации, возникшей на Руси в середине XIII в., чреватой катастрофическими исходами, стойкая приверженность одному из двух вариантов была непозволительной роскошью. Ни тот, ни другой вариант в отдельности не вяжется с образом князя Александра Ярославича как расчетливого политика. Твердо стоя обоими ногами “на земле”, он определял, где выждать, где сделать быстрый ответный выпад, а где пойти на меры упреждающего характера — ради конкретного результата. Это и обеспечивало многие частные успехи, подкреплявшие его авторитет.

Но как бы прагматично ни смотрелись отдельные ходы князя в “игре на двух досках”, истинная сила его стратегии коренилась в том, что ее одухотворяли неутилитарные ценности, которыми формирующийся русский этнос успел проникнуться за предшествующие два с половиной века и с которыми он себя отождествлял⁴.

ПАТРИОТ-АЛЬТРУИСТ

Среди наиболее известных и часто цитируемых оценок роли князя в истории — обобщающее суждение Г.В. Вернадского: “Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке — имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа” [Вернадский 1925: 335]. Расставляя акценты подобным образом, видный русский и американский историк, сын великого мыслителя Владимира Ивановича Вернадского, обозначал причину выбора, сделанного князем в процессе “игры на двух досках”, в пользу решительного, вооруженного сопротивления Западу при готовности до поры до времени к дипломатическим компромиссам на Востоке. Если “псы-рыцари” лютовали во исполнение папского наказа об обращении Руси в католическую веру, то ордынцы, не менее щедро

³ Впрочем, большинство востоковедов подвергает сомнению объединение существенно различающихся цивилизаций под общим названием “Восток” и считают более научным другой термин — “не-Запад” (см., например, [Наумкин 2020]). Именно в смысле множественности незападных цивилизаций, желая избежать европоцентристской дихотомии и следуя идущей из глубины веков традиции, здесь используется условный термин “Восток”. О соотношении Востока и Запада в российской политике мне уже доводилось писать, в частности в статье, посвященной юбилею Лазаревского института и особенностям отечественного востоковедения [Торкунов 2015: 16-19].

⁴ Среди отечественных политологов закрепилось суждение, в соответствии с которым российская политическая культура, обретшая контуры еще во времена Александра Невского, на всех этапах была дуалистической, в которой “сугубый прагматизм, даже утилитаризм, уживается с космизмом” [Политическая компаративистика 2020: 395; Гаман-Голутвина 2019].

проливавшие русскую кровь, требовали выплаты дани и признания сюзеренитета, но не понуждали русских к отречению от веры отцов. Особенностью державы чингизидов, отмечал Г.В. Вернадский, была “широкая веротерпимость, или даже более — покровительство всем религиям” [там же].

Вынужденный выбирать из двух зол, Александр Ярославич избрал меньшее и не ошибся. Уступки, которые он сделал Монгольской империи, оправдали себя. Оставляя современникам надежду на лучшее будущее, связанное со сбережением основ их религиозно-культурной, а в перспективе и национальной идентичности, он в то же время поставил заслон смертельному врагу на Западе, настроенному на слом формирующегося самосознания русских посредством понуждения к переходу в католичество.

Говоря о “подвиге смирения”, Г.В. Вернадский имел в виду, что, решаясь на неимоверно трудный выбор, князь-победитель заранее мирился с тем разочарованием, осуждением и гневом современников, коим будут вторить и многие потомки. Приходилось мириться с вероятностью того, что померкнет сияние его воинской славы, что в нем перестанут видеть бесстрашного вождя и заступника Руси, а кто-то и вовсе объявит изменником.

Что это, если не акт самопожертвования в духе евангельского речения, которое, согласно Священному Писанию, было особенно дорого князю: *“Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих”* [Ин. 15:13]? Как свидетельствует “Житие Александра Невского”, в его системе ценностей, сложившейся смолоду, ключевое место занимал призыв, обращенный к немногочисленной дружине, дабы ободрить ее перед Невской битвой: *“Не в силе Бог, но в правде”* [Александр Невский... 2010: 253].

По совокупности всего, что известно о словах, делах и поступках князя, видный историк и географ Л.Н. Гумилев определял доминанту его поведения как альтруистический патриотизм, опять-таки возвышавший Александра Ярославича над современниками [Гумилев 2006: 132]. Соединяя политическое с духовным, внушая своим личным примером, что защищать Родину значит сражаться за правое дело и высшую справедливость, он внес вклад в становление характера нашего народа.

Но если так, то не готовил ли он переход от стратегии “игры на двух досках” в версии XIII в. к чему-то иному? “Когда исполнились времена и сроки, когда Русь набрала сил, а Орда, наоборот — измельчала, ослабла и обессилела, тогда стала уже ненужной Александрова политика подчинения Орде... Тогда политика Александра Невского естественно должна была превратиться в политику Дмитрия Донского” [Вернадский 1925]. И показательно, что смена одной политики на другую ознаменовалась не угасанием памяти об Александре Ярославиче, а прямо обратной тенденцией, вплоть до его канонизации в 1547 г. В русской православной традиции он находится в ряду наиболее чтимых святых — Иоанна Крестителя, Николая Чудотворца, Сергия Радонежского, Серафима Саровского...

В 1724 г. мощи св. Александра Невского, хранившиеся во Владимире, были перенесены в монастырь его имени, сооруженный по воле Петра Великого близ слияния Невы и Ижоры. За пять столетий до того в немногих километрах от будущего монастыря 19-летний полководец одержал одну из главных своих побед.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ВСЕМИРНОЕ ПРИЗВАНИЕ РОССИИ

Вехи и узы, соединяющие Александра Невского с Дмитрием Донским и Петром Великим и, при всех необходимых оговорках, власть светскую и ду-

ховную, направляют и выводят Русь в то необъятное географическое и культурно-историческое пространство, в котором она, последовательно одолевая Орду и присоединяя Сибирь, закрепляясь на Балтике, но еще раньше выйдя к Тихому океану, преобразует себя в Россию.

Для государства, раскинувшегося на тысячи и тысячи верст по обе стороны Уральского хребта, уроки стратегии “игры на двух досках” имеют непреходящее значение. Подтверждения этому мы найдем во всех периодах нашей истории — несмотря на существенные перемены ее мировоззренческих горизонтов. В иные времена казалось, что горизонты эти затуманились, а сама страна катится в бездну. Тем не менее каждая эпоха, в том числе современная, представляет собой вариацию одной и той же темы — Россия это один из центральных субъектов всемирно-исторического процесса. Во все эпохи и носители власти, и “властелины дум” словом и делом защищали идею, в соответствии с которой лишь в качестве деятельной и самостоятельной величины, способной оказывать весомое влияние на ход мировых событий, Россия не только обеспечит себе достойную позицию в координатах Запад — Восток, но сможет оставаться собой. Уверен, это последнее необходимо не только нам, гражданам России, но и остальному миру.

И великий жизненный подвиг Александра Ярославича состоялся благодаря органичному соединению прагматики и повседневности ратных и дипломатических трудов с духом альтруистического патриотизма, с готовностью “положить душу свою за друзей своих”. Разве не это сочетание воли к историческому действию с благородством помыслов находили в образе святого князя Виктор Васнецов и Михаил Нестеров, Николай Рерих и Павел Корин, Николай Черкасов, Сергей Эйзенштейн и Сергей Прокофьев?

12 РОССИЯ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ

Расширение и укрепление государства российского, усложнение его роли на мировой арене не могли быть ни линейными, ни плавными, не могли избежать откатов и даже катастроф.

Плата за державную самостоятельность и позицию одного из мировых лидеров — нелегкая обязанность непрерывно поддерживать достигнутый международный статус, обустроивая страну даже не по “мировым стандартам” соответствующего времени, а опережающим формированием таких “стандартов” и стремлением их воплощать в жизнь. Сверх этого — императив самоутверждения в пространстве политики внешней, где конкуренция всех со всеми считается более или менее очевидной нормой.

Тут мы видим логику поэтапного усиления того, что британский историк Пол Кеннеди называет имперским перенапряжением (*imperial overstretch*), выматывающим сверхдержавы вплоть до истощения и краха [Kennedy 1987: 488-535]. Эту логику изнурительного самоистязания и гонки иллюстрирует известная цитата из “Алисы в Стране чудес”: “Нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, надо бежать как минимум вдвое быстрее!”. Россию же XVIII-XIX вв., вошедшую в круг великих держав благодаря военно-политической мощи и неуклонно сокращавшую отставание от них в социально-экономическом плане, ситуация обязывала двигаться интенсивнее то ли втрое, то ли вчетверо — причем в момент, когда были на взлете и европейские экономики.

Реально ли, даже чудом развив такие темпы, было бежать в неизведанное, нигде не отступаясь — или, если взглянуть на проблему с другой стороны, не поддаваясь соблазнам иногда притормозить? Тем более что учиться премудростям

современного управления приходилось, за неимением иных наставников, у той же Европы, где очень многим было не по душе усиление России.

В середине XIX в. Российская Империя, перенапрягшись под бременем обязательств перед самой собою, накопленных внутренних противоречий, а также внешнего натиска, потерпела унижительное поражение в Крымской войне. В 1856 г. перед новым министром иностранных дел встала задача вывести страну из геополитического тупика — что он и сделал, отказавшись от интервенционистских заповедей Священного Союза и выстроив курс на поддержание мира у российских рубежей в начале эпохи Великих реформ.

С тех пор этот блестящий успех ассоциируется с формулой “Россия сосредотачивается”, принадлежащей самому министру — светлейшему князю Александру Михайловичу Горчакову. Отдать дань уважения этому выдающемуся дипломату, другу Пушкина и Тютчева в статье, посвященной юбилею святого благоверного князя Александра Ярославича, имеет смысл не только потому, что Горчаков был кавалером ордена Св. Александра Невского. Гораздо важнее, что, сделав мужественный выбор в пользу *стратегической сосредоточенности*, Горчаков нащупал путь от поражения к новым триумфам. Поступив таким образом, он показал себя достойным наследником Александра Невского.

Их драгоценный опыт не остался не востребуемым на крутых поворотах XX в. Советский народ и его лидеры также оставили нам примеры стратегической сосредоточенности в судьбоносные моменты истории. Как знать, жили бы мы сегодня в “стране огромной”, если в 1941 г. она не поднялась на священную войну с наследниками “псов-рыцарей”, если советский народ не поддержал бы наших дипломатов жертвенным порывом, делавших все возможное и даже невозможное для создания жизнеспособной антигитлеровской коалиции. Перелистывая эти страницы истории, как не вспомнить, что образ Александра Невского сыграл в 1941-1945 гг. огромную роль в мобилизации советских людей на борьбу с врагом [см. Александр Невский... 2010: 383-406].

Здесь видны разительные отличия от стратегической неспособности, проявившейся на закате недолгой советской истории. В критические для государства дни не хватило ни ума, ни сердца, ни воли. Восторженное “равнение на Запад”, насаждение “дикого” олигархического капитализма, попрание идеалов справедливости. Все это грозило России величайшей бедой. Она накрыла нас в 1990-х как “крупнейшая геополитическая катастрофа века”⁵.

Но какую бы недобрую память ни оставило это десятилетие, уже тогда были признаки, что Россия — в лице своих лучших людей и при поддержке близких друзей — стратегически сосредотачивается. Сошлемся на инициативу президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в 1994 г. о создании Евразийского Союза государств⁶, на мудрое предложение Евгения Примакова в декабре 1998 г. о создании “стратегического треугольника” Россия — Индия — Китай, на знаменитый “разворот над Атлантикой” в марте 1999 г., предпринятый опять-таки Примаковым в знак протеста против решения НАТО бомбить Югославию.

На чем сосредоточена современная Россия? В рамках статьи об Александре Невском ограничусь проблемой определения позиции в координатах Запад —

⁵ Путин В.В. *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации*. 25.04.2005. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (accessed 31.03.2021).

⁶ Назарбаев Н.А. О формировании Евразийского Союза государств. — Назарбаев Н.А. *Евразийский Союз: идеи, перспективы, практика. 1994-1997*. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. С. 38-50.

Восток, оптимальной для нашей страны на стыке второго и третьего десятилетий XXI в.

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ ПРОЕКТ ДЛЯ ЕВРАЗИИ

С самого начала 2000-х годов российское государственное руководство закрепляло тему Евразии в общественном сознании. В 2001 г. были учреждены Евразийское экономическое сообщество (для продвижения идеи формирования Таможенного союза, а затем и Единого экономического пространства) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). В том же году был заключен Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, двадцатилетие которого мы будем отмечать в июле.

Начало современной концептуализации “игры на двух досках” было положено в октябре 2001 г. в статье Владимира Путина “Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня”. Именно в ней сформулирована идея, которую можно считать основой этой концепции: выработать общие подходы к мировым проблемам сперва внутри сложившихся региональных структур, а затем — путем диалога между ними⁷.

Ключевым документом для формирования современной концепции “игры на двух досках” стала, конечно, Валдайская речь Владимира Путина в октябре 2014 г. Там президент впервые поставил под сомнение, что полицентричность — это оптимальный вариант глобального управления, так как для нее необходим консенсус ответственных глобальных сил, а в условиях кризиса отношений России и Запада сложно ожидать конструктивного взаимодействия даже для борьбы с общими угрозами. (В период же холодной войны найти такой консенсус получалось именно из-за баланса сил и уважения стран-победителей друг к другу.) Решение проблемы управления на мировой арене Путин декларировал во взаимодействии крупных региональных организаций, которые действуют в условиях экономической взаимозависимости⁸. Именно в логике “игры на двух досках” в мае 2014 г. был подписан договор об учреждении Евразийского экономического союза, а с 2015 г. стали предприниматься усилия по сопряжению ЕАЭС и китайской инициативы “Один пояс, один путь”⁹. В декабре 2015 г. концептуализация “игры на двух досках” была углублена в послании Федеральному Собранию, в котором Владимир Путин огласил идею консультаций между ЕАЭС, ШОС и АСЕАН о формировании Большого евразийского партнерства¹⁰.

Важно, что “поворот на Восток” не является отказом от игры на одной доске и переходом к другой. Подобное впечатление может возникнуть уже вследствие того, что российско-западные отношения находятся сегодня в глубоком кризисе. Но именно этот кризис, вызванный санкциями против России, обусловил избыточную резкость “поворота”. Ключевые азиатские партнеры России отказались

⁷ Путин В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня. — *Известия*. 04.10.2011.

⁸ Заседание Международного дискуссионного клуба “Валдай”. — *Президент России. Официальный сайт*. 24.10.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/46860> (accessed 11.04.2021).

⁹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. — *Президент России. Официальный сайт*. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (accessed 11.04.2021).

¹⁰ Путин В.В. *Послание Президента Федеральному Собранию. 3 декабря 2015 года*. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (accessed 11.04.2021).

участвовать в санкциях, а участие в них Японии изначально имело номинальный характер. Соответственно, к тем объективным факторам и обстоятельствам, которые его обуславливали со второй половины 2000-х годов, добавились в высшей степени субъективные [Торкунов, Стрельцов, Колдунова 2020]. Этот поворот осуществляется “с широко открытыми глазами”, пониманием возможных рисков и угроз. Так, стратегическое партнерство и сближение России и Китая основано на взаимном признании пределов возможного для обоих государств, гибкости в вопросах обоюдной поддержки, а также в выстраивании собственных внешнеполитических стратегий с учетом ключевых интересов партнера. Такой характер отношений исключает принятие жестких обязательств одним или обоими партнерами, но при этом обеспечивает достаточный уровень доверия и возможность координации усилий по отдельным, значимым для двух стран, вопросам.

Что же касается перспектив отношений с европейскими государствами и Евросоюзом, мы продолжаем надеяться, что наши давние партнеры осознают, что, сворачивая отношения с Российской Федерацией, они ущемляют собственные национальные интересы. Каждый беспристрастный человек, ознакомившись, например, с ежегодным официальным Обзором внешнеполитической деятельности Российской Федерации, может увидеть, что мы работаем на всех треках, на всех площадках взаимодействия с Европой, где такая возможность все-таки есть¹¹. И вслед за министром иностранных дел¹² я хотел бы повторить: мы готовы выйти на более конструктивную траекторию.

Сегодня, как никогда, важно свести к приемлемому минимуму риски и потери темпа в реализации наших стратегических планов и перспективных задач и двигаться вперед вопреки нарастающей глобальной турбулентности.

А еще — развивать в себе ту стратегическую сосредоточенность, благодаря которой добивался невозможного и одерживал победы Александр Невский.

15

DOI: 10.17976/pups/2021.03.02

ON THE ETERNAL AND THE NEW IN THE CURRENT CONTEXT OF WORLD POLITICS

(on the 800th Anniversary of the Birth of Alexander Nevsky)

A.V. Torkunov¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

TORKUNOV, Anatoly Vasilyevich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Full Member of RAS; Rector, MGIMO University, email: rectorat@inno.mgimo.ru

Torkunov A.V. On the Eternal and the New In the Current Context of World Politics (on the 800th Anniversary of the Birth of Alexander Nevsky). — *Polis. Political Studies*. 2021. No. 3. P. 8–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.02>

Received: 25.12.2020. Accepted: 19.01.2021

Abstract. In May 2021, Russia celebrates the 800th anniversary of Alexander Nevsky's birth. The article, written especially for this date, emphasizes that in the middle of the 13th century, in the context of the collapse

¹¹ См. *Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2020 году. Обзор МИД России*. Март 2021 г. С. 36–45. — МИД Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/activity/review> (accessed 12.04.2021).

¹² Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Высоким представителем Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности, заместителем Председателя Европейской комиссии Ж. Боррелем, Москва, 5 февраля 2021 г. — *МИД Российской Федерации. Официальный сайт*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4553286 (accessed 12.04.2021).

of Kievan Rus and the absence of a properly planned movement to something else, a person emerged on the stage of Russian national history who knew how to win when victories seemed impossible. A product of his turbulent times, Prince Alexander Yaroslavovich invested all his forces in pulling Russia out of the historical impasse in which it found itself. He towered not only over many regional landlords of that era, but also over the epoch as a whole. The core around which Alexander Nevsky built practical policy was to find the optimal positioning of originally Russian lands in the “West-East” coordinates. The results of this depended on whether Russia would be relegated to the level of the limitrophe border state under control of the Catholic West and the nomadic East, or would retain its civilizational independence. The choice between a rebuff to the West (and, thus, the preservation of Orthodoxy as the basis of the identity of the Russians) and an involuntary compromise with the Mongols, who had no claims to spiritual control, provided an acceptable solution to the strategic problem. Since then, and to this day, the coordinated game ‘on two boards’ – western and eastern – remains the defining characteristic of Russian behavior in the international arena. In this regard, as in a number of other respects on which the author focuses, Alexander Nevsky appears to be the Father founder of the Russian politics, the main result of which has been the formation of our Fatherland as a state of planetary scale.

Keywords: Alexander Nevsky, playing on two boards, Russian politics, Eurasia, strategic focus, Gorchakov, Primakov.

References

Isoaho M. 2006. *The Image of Aleksandr Nevskiy in Medieval Russia: Warrior and Saint*. Leiden: Brill Academic Publishers. 434 p.

Kennedy P. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. New York: Random House, 1989. 704 p.

Aleksandr Nevskii. Gosudar', diplomat, voyn [Alexander Nevsky. Ruler, Diplomat, Warrior]. 2010. Moscow: R. Valent. 536 p. (In Russ.)

Gaman-Golutvina O.V. 2019. Overcoming Methodological Differences: The Debate about Knowledge Politics in an Age of Uncertainty. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 19–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03>

Gumilev L.N. 2006. *От Руси до России. Очерки этнической истории* [From Rus' to Russia. Essays on the Ethnic History]. Moscow: Airis-press. 320 p. (In Russ.)

Naumkin V.V. 2020. Non-West Model: Does the Civilization-State Exist? — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 78–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06>

Politicheskaya komparativistika [Political Comparative Studies]. 2020. Ed. by O.V. Gaman-Golutvina. Moscow: Aspect Press.

Torkunov A.V. 2015. The Lazarev Institute: Cradle of Russian Oriental Studies. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 9–22. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.03>

Torkunov A.V., Streltsov D.V., Koldunova E.V. 2020. Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 8–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>

Vernadskii G.V. 1925. Dva podviga Aleksandra Nevskago [Two Feats of Alexander Nevsky]. — *Evrasiiskii vremennik*. Vol. 4. P. 318–337. (In Russ.)

Литература на русском языке

Александр Невский. Государь, дипломат, воин. 2010. Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Р. Валент. 536 с.

Вернадский Г.В. 1925. Два подвига Александра Невского. — *Евразийский Временник*. Париж. Кн. 4. С. 318–337.

Гаман-Голутвина О.В. 2019. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 19–42. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.03>

Гумилев Л.Н. 2006. *От Руси до России. Очерки этнической истории*. М.: Айрис-пресс. 320 с.

Наумкин В.В. 2020. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 78–93. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06>

Политическая компаративистика. 2020. Под. ред. О. В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс.

Торкунов А.В. 2015. Лазаревский институт восточных языков в контексте истории востоковедения. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 9–22. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.03>

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. 2020. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 8–21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.05.02>

10.17976/jpps/2021.03.03

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: ДИСКУССИИ О ПОПРАВКАХ К КОНСТИТУЦИИ РФ, 1993-2020

О.Ю. Малинова

МАЛИНОВА Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; главный научный сотрудник, ИНИОН РАН, Москва, email: omalinova@mail.ru

Малинова О.Ю. Конституционный процесс как символическая политика: дискуссии о поправках к Конституции РФ, 1993-2020. — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 17-37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03>

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы “Научный фонд Национального исследовательского университета ‘Высшая школа экономики’ (НИУ ВШЭ)” в 2020-2021 гг. (проект № 20-01-058).

Статья поступила в редакцию: 07.02.2021. Принята к печати: 24.02.2021

Аннотация. Конституция — не только политико-правовой документ, но и политический символ, выражающий сложное содержание и порождающий разные интерпретации. В статье дан обзор различных подходов к политико-символическому анализу конституций. Сосредоточившись на изучении соперничающих интерпретаций, автор анализирует старые и новые дискуссии о поправках к Конституции РФ. Исследование основано на материалах официальных сайтов и публикациях печатных и электронных СМИ. Показано, что политический кризис 1993 г., результатом которого стала “ельцинская” Конституция, сыграл определяющую роль в формировании идентичностей политических партий и объединений, возникших в 1990-х годах. Представители разных политико-идеологических сегментов рассматривали поправки к Конституции как инструмент изменения не только политических правил, но и доминирующих ценностей. Сравнение предложений об изменении Конституции, вносившихся различными политическими силами на протяжении четверти века, с поправками, принятыми в 2020 г., позволяет увидеть в них результат продолжительной символической борьбы. В 2020 г., решившись на масштабное изменение Конституции, сделавшее возможным обнуление прошлых президентских сроков В.В. Путина, властвующая часть элиты сочла возможным принять и некоторые поправки, касающиеся ценностей. Исследование выявило популистскую логику процесса принятия поправок: в роли арбитра, оценивавшего идеи, поступавшие “снизу” и обобщавшиеся рабочей группой, выступал президент, формальная легитимация была делегирована народу, а возможности влияния элитных групп, годами выступавших за поправки, оказались минимальными. Вместе с тем те положения двух первых глав Конституции, которые жаждали исправить критики, не были отменены вновь внесенными в нее дополнениями. При этом наиболее спорные поправки приобрели обтекаемую форму, допускающую неоднозначную трактовку. В силу этого во всех политических группах, выступавших за корректировку закреплённых в Конституции ценностных принципов, остались в той или иной степени неудовлетворенные как процессом, так и результатом.

Ключевые слова: символическая политика, конституционный процесс, политико-идеологический спектр, политический кризис 1993 г. в России, консервативный поворот, конституционная реформа 2020 г. в России, поправки к Конституции.

4 июля 2020 г. вступили в действие поправки к Конституции РФ, которые тремя днями ранее получили одобрение 77,92% граждан, участвовавших в общероссийском голосовании. О планах изменения Конституции было объявлено в Послании президента Федеральному Собранию 15 января того же года. Анонсируя свой пакет поправок, В.В. Путин подчеркивал, что они “не затрагивают фундаментальных основ Конституции, а значит, могут быть утверждены парламентом...”¹. Однако и количество принятых поправок (в текст внесено 206 изменений), и их легитимация всенародным голосованием свидетельствуют о том, что процесс вышел далеко за рамки “точечных коррективов”, о возможности которых говорилось прежде². Несомненно, это была наиболее фундаментальная ревизия принятой в 1993 г. Конституции.

Примечательно, что наряду с поправками, касающимися распределения полномочий и порядка формирования органов государственной власти, в Конституцию были добавлены и положения ценностного характера, в частности о вере в Бога, русском языке как языке “государствообразующего” народа, преемственности российской государственности, “защите исторической правды” и т.п. Споры об этих инициативах потеснили в медийной повестке главную тему конституционной реформы — планы реструктуризации власти. Можно было бы предположить, что поправки о ценностных принципах государственной политики были задуманы в качестве отвлекающего маневра. Есть основания полагать, что их интеграция в текст Конституции была не просто тактическим решением. Во-первых, предложения о поправках, аналогичных принятым в 2020 г., высказывались и прежде. Они неизменно вызывали дискуссии, демонстрировавшие отсутствие консенсуса относительно принципов воображения макрополитического сообщества, стоящего за новым российским государством. Вероятно, отчасти по этой причине подобным общественным инициативам не давали хода, даже если их смысл совпадал с генеральной политической линией. Как известно, вплоть до недавнего времени властвующая элита избегала занимать однозначную позицию в вопросах нациестроительства и политики идентичности, отдавая предпочтение обтекаемым формулировкам [Shevel 2011; Малинова 2010; Goode 2019 и др.]. Во-вторых, тщательно контролируемая кампания по принятию поправок изображалась как инструмент консолидации общества. Как не раз подчеркивал В. Путин, общероссийское голосование об изменениях в Конституции было призвано не только легитимировать новые полномочия для действующего президента и палат парламента, но и обеспечить “внутренний настрой граждан России на то, чтобы создать условия для поступательного, стабильного развития”³. В этом контексте решение принять очевидно спорные поправки о ценностных принципах государственной политики следует рассматривать как осознанный политический шаг. По-видимому, конституционная реформа 2020 г. не только завершает большой постсоветский конституционный цикл [Медушевский 2020: 42], но и является

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России. Официальный сайт*. 15.01.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/62582> (accessed 06.04.2021).

² Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию. — *Президент России. Официальный сайт*. 12.12.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/19825> (accessed 06.04.2021).

³ Путин В.В. Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. — *Президент России. Официальный сайт*. 03.07.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63599> (accessed 06.04.2021).

существенной вехой в российской символической политике. Именно этому аспекту политических событий 2020 г. и посвящена настоящая статья.

Конституция 1993 г., принятая в результате насильственного разрешения конфликта между президентом и Верховным Советом, никогда не была предметом политического консенсуса. Дискуссии об изменении начались едва ли не с момента ее вступления в силу [Шейнис 2014: 891-928]. Сравнение предложений об изменении Конституции, вносившихся различными политическими силами на протяжении четверти века, с поправками, принятыми в 2020 г., позволяет увидеть в них результат продолжительной символической борьбы. В силу особенностей процедуры изменения Конституции и распределения власти в современной России этот результат в решающей мере определялся позицией главы государства. Однако в поле символической политики президент и его администрация по необходимости взаимодействуют с другими производителями смыслов. Это взаимодействие также является предметом настоящего исследования.

КОНСТИТУЦИЯ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА: РАКУРСЫ АНАЛИЗА

В качестве Основного Закона, устанавливающего фундаментальные принципы политической, правовой и экономической систем государства, Конституция выполняет и политико-юридические, и символические функции. Опираясь на литературу, можно выделить несколько подходов к изучению последних. Со времен Э. Кассирера и Дж.Г. Мида способность оперировать символами, которые в рамках этой традиции понимаются как конвенциональные знаки, трактуется как фундаментальное свойство человеческого сознания, позволяющее постигать мир [Cassirer 2020; Mead 1956]. Этим обусловлена роль символов в политической коммуникации: по определению Г. Гилла, они “формируют язык, позволяющий выражать принципы, предположения, концепции и идеи, которые могут быть очень сложными, и таким образом упрощать их с помощью образов и аллегорий...” [Gill 2013: 3]. Однако политические свойства символов связаны не только с их способностью выражать сложное содержание в доступной форме, но и с их конвенциональной природой. Как заметил М. Эдельман, “те или иные смыслы становятся общепринятыми не потому, что они подсказаны объективной ситуацией; они учреждаются в процессе выработки взаимного согласия относительно значимых символов” [Edelman 1971: 33-34]. Этот процесс предполагает конкуренцию интерпретаций, которая происходит в контексте отношений власти и доминирования. Таким образом, возможны по меньшей мере два направления символического анализа политики: через функционирование символов и мифов, опосредующих политические процессы, — к пониманию самих процессов и через изучение соперничающих интерпретаций — к выявлению механизмов формирования представлений, определяющих восприятие политики [Малинова 2012]. В рамках каждой из этих перспектив открывается множество ракурсов для изучения символических функций конституций.

Прежде всего Конституция — это *текст*, содержание которого можно анализировать не только политико-правовыми, но и дискурсивно-семантическими методами. Так, финская исследовательница Катя Рууту провела концептуально-исторический анализ российских и советских конституций и показала, каким образом через введение новых и замещение старых конституционных понятий правящие элиты транслировали изменения политической программы государства [Ruutu 2010]. Германский славист Ульрих Шмид предложил

прочтение российских и советских конституций как литературных текстов, включающих нарративы, которые можно отнести к определенным жанрам — история о борьбе добра и зла (конституции 1918 и 1924 гг.), волшебная сказка (1936 г.), евангелие развитого социализма (1977 г.), перформанс, соединяющий советские и общечеловеческие ценности (1993 г.) [Schmid 2010]. Чешский исследователь Иржи Пришибань изучал новые конституции центрально-европейских стран с точки зрения процесса конституирования и кодификации новых идентичностей в посткоммунистический период и конструирования новых морально-политических систем [Příbáň 2004; Příbáň 2006]. Разумеется, арсенал подходов и методов, применимых для политико-символического анализа *содержания текстов* конституций, не исчерпывается этими примерами.

Вместе с тем Конституция — это не только политико-правовой документ, но и *политический символ*, выражающий сложное содержание. В силу этого Конституция буквально может иметь разный смысл для разных людей. В 1970–1980-х годах американский политолог Ларри Баас задался целью изучить эмпирически, что Конституция США означает для разных групп. На основании нескольких серий глубинных интервью Баас смог продемонстрировать наличие связи между особенностями *восприятия Конституции* и личным опытом, подтвердив таким образом необходимость эмпирического уточнения теоретических представлений о том, как функционирует данный символ [Baas 1979; Baas 1984]. В дальнейшем этот подход к изучению конституций не получил заметного развития. Хотя в некотором смысле ту же линию продолжают многолетние исследования Е.Б. Шестопал и ее коллег о восприятии власти и политиков в России [Власть и лидеры... 2019].

Конституция не только устанавливает, но и *символизирует основы политического порядка*. Ракурсы исследования отношений, соответствующие этой функции, могут быть различными. Классическим подходом является изучение *роли символов и мифов в функционировании политических институтов*, начатое американским политологом Мюрреем Эдельманом в 1960–1970-х годах. Значительная часть его знаменитой книги “Символическое использование политики” (1964 г.) посвящена анализу паттернов символического взаимодействия, лежащих в основе функционирования базовых политических институтов [Edelman 1972]. На процесс символизации можно посмотреть и с другой стороны, сосредоточив внимание на расхождениях между писаной Конституцией и символическими сигналами, посылаемыми реальными политическими институтами, как это сделал австралийский политолог Грэм Гилл, изучавший эволюцию *символизма* российских *политических институтов* в 1990–2000-х годах. Согласно его выводам, символизм Конституции 1993 г. противоречив: несмотря на то, что по некоторым важным вопросам ее авторитет неукоснительно признавался политическими акторами, *modus operandi* политической системы определялся практиками, не соответствующими ее духу. В силу этого сигналы, посылаемые Основным Законом, “не способствовали возникновению нарратива, подчеркивающего образ общества, основанного на институциональных правилах” [Gill 2013: 109].

Подход, предлагаемый в настоящей статье, следует второму из направлений политико-символического анализа, обозначенных выше. Мы сосредоточимся на дискурсах и взаимодействиях акторов, стремящихся *путем интерпретации и/или изменения Конституции упрочить или оспорить политический порядок*. Анализируя старые и новые дискуссии о поправках к Конституции, мы

выявим особенности представлений о ценностно-символических основаниях российской политики, продвигаемых разными общественно-политическими силами, что позволит оценить символическую борьбу, стоявшую за изменениями, принятыми в 2020 г. Поскольку система политических партий в России не в полной мере отражает спектр идеологических позиций, наше исследование ориентировано скорее на общественные дискуссии, нежели на партийные программы. Объектами анализа стали публикации официальных сайтов, а также печатных и электронных СМИ. Архив, собранный в рамках предыдущих исследований, был дополнен систематическим поиском в коллекции “Центральная пресса России” на платформе *East View*, включающей более 40 федеральных изданий разной политической направленности. Хронологические рамки проанализированного материала — с 2000 по 2020 гг.

КОНСТИТУЦИЯ КАК НАСЛЕДИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 1993 ГОДА

Конституция 1993 г., как и поправки к ней 2020 г., была принята в результате всенародного голосования. Тогда, в 1993 г., это позволило обойти Закон о референдуме РСФСР, согласно которому правом назначить референдум обладали только Съезд народных депутатов или Верховный Совет (в 2020 г. был использован сходный прием). Б.Н. Ельцин связывал легитимность Конституции с процедурой всенародного голосования и не раз подчеркивал, что ее принятие спасло страну от угрозы гражданской войны. Однако его оппоненты не без оснований считали новый Основной Закон “конституцией победителей”. Кризис 1993 г. оказался формирующим событием и для государственной, и для партийной системы. Отношение к Конституции и обстоятельствам, предшествовавшим ее появлению, стало одним из водоразделов, определявшим идентичности политических объединений, сформировавшихся в 1990-х годах. Политики следующего поколения относятся к Конституции более прагматично, однако и в их повестках она играет значимую роль.

Самые непримиримые противники “ельцинской” Конституции — коммунисты. В их дискурсе Конституция выступает символом всего плохого в политическом режиме, сложившемся при Ельцине и получившем дальнейшее развитие при Путине. Как выразился однажды Зюганов, “это не столько правовой документ, сколько подобие целлофанового мешка, который для удушения надели на страну”⁴. Обширный список их претензий включает пренебрежение социальными правами трудящихся, закрепление интересов “олигархата”, “сдачу позиций нашей страны как великой державы” и рецепцию ценностей Запада⁵. Хотя в период политического кризиса 1993 г. КПРФ, недавно возобновленная в качестве преемницы запрещенной после августовского путча 1991 г. КП РСФСР, не играла существенной роли, она позиционирует себя в качестве едва ли не главного хранителя памяти о трагических событиях [Малинова 2020]. Коммунистическая пресса доказывала нелегитимность процедуры, в результате которой была принята Конституция 1993 г.⁶ Как и некоторые другие парламентские партии, КПРФ критикует установленное Конституцией разделение

⁴ Зюганов Г. “Не простим, не допустим!”. — *Советская Россия*. 07.10.2003. № 112. С. 1.

⁵ Лукьянов А. “Конституция горя народного”. — *Правда*. 15.12.2003. № 133. С. 1; см. также: Зюганов Г. “Мы сражались за Советскую Родину”. — *Правда*. 21.09.2018. № 103. С. 1.

⁶ Воронин Ю. “Подлог вместо основного закона”. — *Правда*. 12.12.2013. № 138. С. 2.

властей и выступает за перераспределение полномочий в пользу парламента. Сознавая, что предлагаемые ими изменения не вписываются в существующий текст, коммунисты не раз вносили проекты федерального конституционного закона о Конституционном Собрании, в отсутствие которого невозможно править первую, вторую и девятую главы Основного Закона⁷.

В повестке другой старейшей парламентской партии, ЛДПР, тема Конституции занимает не столь центральное, но все же постоянное место. В. Жириновский любит вспоминать, как в октябре 1993 г. он пытался быть посредником между Кремлем и Верховным Советом, а затем способствовал успеху общенародного голосования, что не помешало ему критически оценивать исход конфликта и рассуждать о недостатках Конституции⁸. В 2008 г., когда впервые возникла реальная перспектива внесения содержательных поправок, предложенных президентом Д.А. Медведевым, ЛДПР сделала Конституцию главной темой партийного съезда⁹. Как известно, ее лидер не раз высказывался за изменения в Основном Законе; в разное время он предлагал отмену выборов губернаторов и укрупнение регионов, переход к парламентской республике, введение требования о рождении на территории России для кандидатов в президенты, увеличение срока президентских полномочий до семи лет и др. При этом фракция ЛДПР поддерживала все поправки, инициированные президентской ветвью власти.

Две другие парламентские партии — “Единая Россия” и “Справедливая Россия” — также временами активно включались в дискуссии об изменении Конституции, в том числе в части ее ценностно-символического содержания. Но поскольку они не вели свои политические родословные от событий 1993 г., им пришлось выступать с более конъюнктурных позиций.

22 В либеральном лагере отношение к Конституции не столь однозначно, в том числе и потому, что кризис 1993 г. расколол “демократов”. Для некоторых из тех, кто поддерживал экономические реформы и в принципе был на стороне Ельцина в его конфликте с Верховным Советом, насильственный способ разрешения кризиса оказался неприемлемым. Людей, которые не поддержали Указ № 1400 от 21.09.1993 и расстрел Белого дома, можно было обнаружить во всех партиях и блоках, возникших накануне декабрьских 1993 г. выборов в Государственную Думу и Совет Федерации. В тот период значительная часть “демократов” была на стороне Ельцина и разделяла легитимирующие нарративы о победе реформаторов над контрреформаторами и о предотвращении гражданской войны. Однако по мере уклонения вектора политического развития в сторону авторитаризма нарратив о победе реформаторов над противниками реформ утрачивал смысл. Обобщая, можно сказать, что либеральная общественность ценит демократический потенциал двух первых глав Конституции, не подлежащих изменению поправками, но признает заложенные в ней авторитарные тенденции. Как сформулировал это В.Л. Шейнис, “зафиксировав права и свободы на уровне мировых демократических стандартов”, Конституция создала систему разделения властей, которая открывала “широкое поле повсеместному нарушению декларируемых прав, беззакониям на разных уровнях, распоряжению властью по-феодалному, по-чиновничьи”¹⁰. Считая изменение

⁷ В последний раз — в марте 2020 г., накануне второго слушания законопроекта о поправках.

⁸ Жириновский В. Никакого компромисса! — *Независимая газета*. 04.10.2013. № 213. С. 4.

⁹ Костенко Н. Вскрытие Конституции. — *Ведомости*. 16.05.2008. № 88. С. 6.

¹⁰ Шейнис В. Возможности, которые мы упустили. — *Независимая газета*. 04.10.2013. № 213. С. 6.

Конституции “рано или поздно” желательным¹¹, представители этого крыла не раз писали о том, сколь опасно “открывать ящик Пандоры”, по крайней мере при существующем раскладе политических сил (по выражению Г. Сатарова, “не этими руками, не в этом состоянии общества”¹²). В свете нарастания авторитарных тенденций многие видели в Конституции “узкий демократический портал в будущее”, который следует беречь и защищать¹³. Вместе с тем это не мешало партии “Яблоко” рассматривать изменения, направленные на укрепление гарантий политических и социальных прав и переход к парламентской республике, как часть своей долгосрочной повестки.

Однако для радикальной антипутинской оппозиции, которую нередко тоже относят к либеральной части спектра, характерно иное отношение к Конституции. Это отчетливо проявилось в 2020 г.: в отличие от “Яблока” и “Открытой России”, А. Навальный счел борьбу за Конституцию, в которой “заложено бесконечное самовоспроизводство авторитаризма”, неактуальной. По его словам, “наша задача не защищать Конституцию, а бороться с узурпатором, а после победы принять Основной Закон, который ясно и на практике не допускает захват контроля над судами, СМИ и парламентом”¹⁴. Представляется, что это размежевание имело не только политические, но и поколенческие основания: то, что для политиков старшей когорты было продолжением борьбы, сформировавшей их идентичность, для более молодых радикалов стало вопросом текущей конъюнктуры.

Не будучи оформлена в виде устойчивых партийных проектов, консервативная часть политико-идеологического спектра, с одной стороны, слабо консолидирована, а с другой — в меньшей степени связывает свою идентичность с кризисом 1993 г. Наряду с “ветеранами”, в этом лагере немало молодых идеологов, начавших политическую карьеру в 2000-х годах. Первый консервативный проект изменения Конституции был подготовлен в 2005 г. именно такими “младоконсерваторами” на базе Института национальной стратегии (ИНС), лидерами которого были М. Ремизов и С. Белковский. По их мнению, хотя действующая Конституция “в целом сыграла свою историческую роль”, “зафиксировав... страну в промежутке между двумя распадами: состоявшимся распадом СССР и возможным распадом Российской Федерации”, она не может быть “инструментом государственного строительства”¹⁵. Желая упредить ослабление власти после завершения второго президентского срока Путина, авторы предлагали принять новую Конституцию. В этом проекте были намечены лейтмотивы консервативного дискурса об изменении Конституции: восстановление государственной идентичности во времени, абсолютный суверенитет, опора

¹¹ Шаблинский И. Конституционные поправки: Надуманные и назревшие. — *Независимая газета*. 15.10.2013. № 222. С. 3.

¹² Четверть века с одной Конституцией: не пора ли менять? (опрос экспертов). — *Новые известия*. 12.12.2018. URL: <https://newizv.ru/news/politics/12-12-2018/chetvert-veka-s-odnoy-konstitutsiei-ne-pora-li-menyat-opros-ekspertov> (accessed 10.04.2021).

¹³ Розов Н. Основной Закон: Конституция и режим несовместимы. — *Ведомости*. 11.12.2013. № 230. С. 7; Никитинский Л. Дни Конституции. — *Новая газета*. 07.12.2018. № 136. С. 16-17.

¹⁴ Навальный А. Нужно ли защищать Конституцию. — *New Times*. 20.01.2020. URL: <https://newtimes.ru/articles/detail/190039/> (accessed 23.01.2021).

¹⁵ *Конституция России. Новый строй*. М.: Институт национальной стратегии. 2005. С. 3. URL: http://www.intelros.ru/pdf/red_club/05.pdf (accessed 10.04.2021).

на национальные традиции при выработке собственного “цивилизационного стандарта”, принцип государственного патернализма, фиксация государство-образующего статуса православия и публичного статуса других традиционных для России вероисповеданий. Проект ИНС предусматривал принцип “разделения власти и управления” путем придания главе государства статуса “некоронованного монарха” и введения ответственности правительства перед парламентом. В отличие от других консервативных предложений, этот проект не предполагал закрепления государствообразующего статуса русского народа, но настаивал на замене формулы “многонациональный народ” формулой “многонародная нация”, усматривая в этом гарантию того, что “точкой свертки учредительного субъекта” служит “общность исторического проекта”, а не рамка административных границ¹⁶. Наконец, проект ИНС не разделял типичные для многих представителей консервативного крыла конспирологические установки, связывая необходимость разработки Конституции, основанной на национальных ценностях, не с тем, что нынешняя написана “под диктовку Запада”¹⁷, а с исторически обусловленным несовпадением цивилизационных интересов. Консервативно-патриотическая общественность, консолидировавшаяся в 2012 г. вокруг Изборского клуба, расценивает Конституцию 1993 г. как “манифест либерализма и космополитизма” и связывает с ее пересмотром возвращение России на “свою историческую почву”¹⁸.

Официальный дискурс также не мог обойти вниманием обстоятельства принятия Конституции. Поскольку В.В. Путин не считал нужным оправдывать действия своего предшественника в период кризиса, в 2000-х годах на смену ельцинским нарративам о победе реформаторов над противниками реформ и о превентивном насилии, предотвратившем гражданскую войну, пришел нарратив о *принятии Конституции как историческом выборе российского народа* [Малинова 2020]. В зависимости от контекста в речах Путина этот акт представлялся символом приверженности демократическому выбору, “открывающему России возможность войти в круг развитых мировых демократий”¹⁹, или источником принципов и ценностей, позволяющих проводить “независимую внешнюю политику”²⁰, при этом неизменно подчеркивалась роль Конституции в обеспечении политической стабильности. В дискурсе властвующей элиты голосование за Конституцию интерпретировалось как акт политической солидарности и благоразумия. Очевидно, что события 1993 г. стали для правящего класса своего рода травмой, память о которой побуждала с особой осторожностью относиться к перспективе переписывания Конституции. Неслучайно

¹⁶ Конституция России. Новый строй. М.: Институт национальной стратегии. 2005. С. 62-63.

¹⁷ Ср.: Проханов А., Соловьев В. Интеллигенция: кто она? — *Завтра*. 27.11.2013. № 48. С. 2; Поляков Ю. Чья эта Конституция? — *Изборский клуб*. 27.12.2014. URL: <https://izborsk-club.ru/4486> (accessed 10.04.2021).

¹⁸ Прокаев А. Вернуть Конституцию себе. — *Изборский клуб*. 12.03.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/18951> (accessed 10.04.2021).

¹⁹ Путин В.В. Выступление на открытом уроке, посвященном 10-летию принятия Конституции России. — *Президент России. Официальный сайт*. 11.12.2003. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/22249/audios (accessed 11.04.2021).

²⁰ Путин В.В. Выступление на приеме в честь празднования 25-летия принятия Конституции России. — *Президент России. Официальный сайт*. 12.12.2018. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/59392> (accessed 11.04.2021).

в 2013 г., в разгар особенно бурных дискуссий о правке Конституции, руководители обеих палат парламента выступили с призывом “крайне бережно относиться к Конституции”, напоминая о конфликтах, которыми сопровождалась масштабная правка Конституции РСФСР²¹. Возможно, упорное сопротивление принятию закона о Конституционном Собрании, полномочном разрабатывать новую Конституцию, является следствием этого травматического опыта.

Подводя итоги, можно отметить, что для всех сегментов политико-идеологического спектра Конституция 1993 г. была важным политическим символом. В дискурсе власти она символизировала стабильность и демократический выбор; для коммунистов была олицетворением катастрофы, ввергшей Россию в пучину олигархического капитализма; националистам она представлялась космополитической конструкцией, ограничивающей возможности для самовыражения русских и представителей других коренных национальностей страны; консерваторы видели в ней угрозу для самобытного развития и уступку Западу; либералы ценили потенциал закрепленных в ней прав и свобод, но признавали, что созданная ею конструкция власти оказалась препятствием для успешной демократизации. Это побуждало рассматривать поправки к Конституции не только как инструмент изменения политических правил, но и как средство борьбы за доминирование собственных ценностей.

ДИСКУССИИ О ПОПРАВКАХ К КОНСТИТУЦИИ: БОРЬБА ЗА ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВИЛ И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Неудивительно, что изменений в Конституции хотели многие. Но реализовать эти планы оказалось практически невозможно.

Как известно, положения глав, закрепляющих основы конституционного строя, права и свободы человека и гражданина и порядок изменения Конституции, не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. В случае поддержки инициативы об их изменении тремя пятими голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы должно быть созвано Конституционное Собрание, которое может подтвердить неизменность Конституции или разработать проект новой Конституции. Но федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании так и не был принят. В 1996-1997 гг. за него шла активная борьба между поддерживавшей его Думой, колебавшимся Советом Федерации и сопротивлявшимся ему президентом [Sharlet 1997: 222-223]. Законопроекты, вносившиеся в 2000-х годах, так и остались без движения. В 2012 г., на фоне волны протестов, Д.А. Медведев дал поручение своей администрации разработать законопроект о Конституционном Собрании (идея была подсказана на встрече с представителями внесистемной оппозиции²²), однако с возвращением В.В. Путина на пост президента вопрос был снят с повестки.

Поправки в главы Конституции, регулирующие федеративное устройство, порядок формирования и полномочия ветвей власти, а также основы местного самоуправления, могут быть приняты в порядке, предусмотренном для фе-

²¹ Нарышкин С. Верховенство права и развитие России. — *Российская газета*. 12.11.2013. № 254. С. 5; ср.: Замахина Т. Закон без ремонта. — *Российская газета*. 15.11.2013. № 258. С. 2.

²² Медведев Д.А. Встреча с руководителями незарегистрированных политических партий. — *Президент России. Официальный сайт*. 20.02.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/14539> (accessed 11.04.2021).

дерального конституционного закона, после чего требуют одобрения органами законодательной власти не менее чем двух третей субъектов Российской Федерации. Во второй половине 1990-х годов, когда народно-патриотическая оппозиция получила значимое представительство в Государственной Думе, а политические позиции Ельцина ослабли из-за проблем со здоровьем, шла активная борьба за изменение Конституции [ibidem]. Но в отсутствие широкой коалиции принятие поправок оказалось неразрешимой задачей.

После выборов 2003 г. “Единая Россия” получила конституционное большинство в Государственной Думе, что, казалось бы, открывало возможности для правки Основного Закона. Но Путин поспешил пресечь “всякие разговоры на тему необходимости изменений Конституции” и сосредоточиться на том, как “использовать все то, что она предоставляет”²³. Это не заглушило общественные дискуссии, но перевело их в плоскость исключительно символической борьбы, поскольку было понятно, что единственный актер, способный вернуть вопрос в реальную повестку, — это президент.

Первые содержательные поправки²⁴ были внесены в 2008 г. по инициативе президента Д.А. Медведева. Они касались увеличения сроков полномочий президента и Государственной Думы, соответственно, до шести и пяти лет. Поправки провели максимально быстро, против выступила только фракция КПРФ. Помимо политических, это событие имело важные символические последствия. Несмотря на то, что меры по укреплению федеральной вертикали власти и другие реформы 2000-2007 гг. существенно изменили политическую систему, они были осуществлены без правки Конституции [Oversloot 2007]. Более того, блюдя букву Основного Закона, Путин не стал искать способ баллотироваться в третий раз подряд. В 2000-х годах значительная часть политического класса стала считать неизменность Конституции основой стабильности. Даже те, кто полагал, что “Конституция не должна оставаться ‘ельцинской’”, относили ее изменение на будущее, когда общество станет более зрелым²⁵. Поправки 2008 г. создали прецедент, побуждавший строить планы дальнейших изменений в ближайшем будущем.

“Рокировка” Путина и Медведева, волна протестов 2011-2012 гг. и последующий сдвиг официальной риторики вправо стали катализаторами этого процесса. Наиболее острые споры о поправках разгорелись в 2013 г. В канун двадцатилетнего юбилея Конституции появилось несколько инициатив, затрагивавших текст первой главы, причем на этот раз они исходили от проправительственного лагеря. Депутат Е. Федоров (фракция “Единая Россия”), по-видимому, по собственной инициативе подготовил предварительный проект закона о поправках, предполагавший исключение из первой главы п. 2 ст. 13, устанавливающего запрет на государственную идеологию, и отказ от общепризнанных принципов и норм международного права как части правовой системы России²⁶. Идея об отмене запрета на государственную

²³ Путин В.В. Заключительное слово на заседании Совета законодателей. — *Президент России. Официальный сайт*. 09.12.2003. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22243> (accessed 11.04.2021).

²⁴ До этого изменения вносились лишь в статью 65, содержащую список субъектов РФ.

²⁵ Румянцев О. В проекте был принцип авторитарной власти. — *Известия*. 11.12.2003. № 28. С. 1.

²⁶ Идеинный багаж. — *Итоги*. 09.12.2013. № 49. С. 24.

идеологию и прежде пользовалась популярностью у коммунистов и других групп, желавших использовать Конституцию для закрепления “самобытных” национальных ценностей в противовес либеральным, “навязанным Западом”. Однако поскольку на этот раз предложение исходило от представителя “Единой России”, его стали обсуждать всерьез. Тем более что вопрос о конституционной защите традиционных ценностей поднимали и другие представители власти. В частности, председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин в статье, приуроченной к 20-летию Конституции, писал о проблемах, обусловленных попытками “путем пропаганды и правовых актов навязать нашему... обществу психологические и юридические новации, неприемлемые для его традиционной... нормативности”. Правда, он не призывал к изменению первой главы Конституции, напротив, напоминал о “рисках, связанных с любыми кардинальными конституционными новациями”²⁷.

Масла в огонь дискуссии подлила группа православных общественных деятелей, предложивших внести в Конституцию упоминание об особой роли православия в становлении России и ее культуры. Впрочем, глава РПЦ от данного предложения дистанцировался, подчеркнув, что Церковь не видит свой статус в качестве источника государственной идеологии²⁸.

Таким образом, идеи символических поправок, принятых в 2020 г., были брошены в общественную повестку еще в начале так называемого консервативного поворота [Evans 2015; Мельвиль 2017]. Правда, реализация этих идей связывалась с изменением первой главы, т.е. требовала созыва Конституционного Собрания. Эти инициативы вызвали бурные споры, но на том этапе не встретили поддержки по стороны власти. Против радикальной правки Конституции высказались руководители обеих палат Федерального Собрания, председатель правительства и председатель Конституционного Суда²⁹. А министр иностранных дел России С. Лавров дал интервью, в котором подчеркивал, что положения Конституции, закрепляющие верховенство международного права над внутренним законодательством, способствуют активному участию России в международной жизни³⁰.

Ожидалось, что в Послании Федеральному Собранию, запланированном на 12 декабря, в ознаменование 20-летия Конституции, Путин объявит о создании Совета по конституционному законодательству при президенте РФ, который сосредоточится на правке Основного Закона³¹. Но этого не произошло: президент подчеркнул, что “конституционный каркас должен быть стабильным”, и предложил ограничиться “точечными коррективами”. В частности — иници-

²⁷ Зорькин В. Конституционный вектор России. — *Российская газета*. 19.11.2013. № 260. С. 8. Позиция председателя Конституционного суда эволюционировала, в своей статье к 25-летию Конституции он обосновывал необходимость защиты российской “конституционной идентичности... перед лицом внешних вызовов” (Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции. — *Российская газета*. 09.10.2018. Федеральный выпуск № 7689 (226). URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html> (accessed 11.04.2021)). Впрочем, и эта статья предостерегала от кардинальных конституционных реформ.

²⁸ Идейный багаж. — *Итоги*. 09.12.2013. № 49. С. 25.

²⁹ См.: Нарышкин 2013; Замахина Т. 2013; Медведев Д. 20 лет: путь к осознанию права. — *Российская газета*. 11.12.2013. № 279. С. 1.

³⁰ Барщевский М. По какому праву. — *Российская газета*. 10.10.2013. № 227. С. 1.

³¹ Самарина А. Кремль заглянул в 2024 год. — *Независимая газета*. 12.12.2013. № 270. С. 1.

циировал объединение Верховного и Высшего Арбитражного судов³². В ту же “кампанию” в 2014 г. в Конституцию были внесены поправки, предоставлявшие президенту право предлагать кандидатуры прокуроров, а также право назначать до 17 членов Совета Федерации. Таким образом, вплоть до 2020 г. властвующая элита сохраняла приверженность принципу стабильности Конституции и тактике “точечных коррективов”, что, казалось бы, исключало реализацию инициатив о ценностно-символических поправках.

ПРИНЯТИЕ ПОПРАВОК К КОНСТИТУЦИИ В 2020 ГОДУ: ПОЛИТИКО-СИМВОЛИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССА

Формально и в 2020 г., когда В. Путин в послании Федеральному Собранию предложил обширный пакет поправок, было предложено придерживаться принципа стабильности Конституции. Президент подчеркнул, что необходимости принятия новой конституции нет, и положения первых двух глав “еще многие десятилетия будут оставаться прочной ценностной базой для российского общества”³³. Некоторые из озвученных Путиным предложений, по-видимому, требовали увязки с главами, не подлежащими изменению. Однако изменения решено было вносить исключительно в главы, допускающие поправки.

Необходимость масштабной конституционной реформы объяснялась прежде всего кардинальными переменами, произошедшими со времени принятия Конституции. Ее изменение представлялось символическим шагом, отмечающим смену этапов при сохранении прежнего лидерства³⁴. Нацелившись на создание институциональной конфигурации, позволяющей инкубенту остаться у власти после завершения четвертого срока, Путин был, очевидно, озабочен подведением итогов предыдущего двадцатилетия. Неслучайно кампания по обсуждению поправок происходила на фоне юбилейного интервью ТАСС “20 вопросов Владимиру Путину”, разбитого на семнадцать частей, которые публиковались с 20 февраля до 19 марта 2020 г. и создавали многочисленные поводы для комментариев СМИ³⁵. Обновление Конституции было призвано закрепить политические достижения Путина и создать условия для “поступательного, эволюционного развития России” на 30-50 лет³⁶. Правда, этому триумфалистскому нарративу несколько противоречило признание, что “внутри страны у нас... многое еще пока... сделано, как в народе говорят, ‘на живую нитку’”, прозвучавшее при обсуждении предложения об обнулении предыдущих президентских сроков Путина³⁷.

Второй аргумент в пользу поправок был связан с необходимостью гарантировать независимость и суверенитет России в условиях нарастающих внешних угроз. Начав изложение своих конституционных инициатив с темы защиты суве-

³² Путин В.В. *Указ. соч.* 12.12.2013.

³³ Путин В.В. *Указ. соч.* 15.01.2020.

³⁴ Нечто подобное имело место в 1937 и в 1977 гг., но тогда принятие новой Конституции увязывалось с достижением очередной вехи на пути построения коммунизма [Ruutu 2010].

³⁵ Двадцать вопросов Владимиру Путину. — ТАСС. 2020. URL: <https://putin.tass.ru/ru> (accessed 20.04.2021).

³⁶ Путин В.В. Пленарное заседание Государственной Думы. — *Президент России. Официальный сайт.* 10.03.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62964> (accessed 11.04.2021).

³⁷ Там же.

ренитета, Путин завершил его напоминанием о распаде СССР и новых угрозах, о которых следовало бы подумать “в свое время”³⁸. В дальнейшем к первоначальному списку мер, направленных на упрочение безопасности (закреплению приоритета Конституции над международным правом и введению дополнительных требований к лицам, занимающим высшие государственные должности), добавилось предложенное “снизу” положение о “традиционных ценностях”.

Заявленная Путиным процедура принятия поправок несколько отличалась от предусмотренной 9 главой Конституции. Хотя предполагалось, что принимать поправки будет парламент, “окончательное решение” было увязано с итогами голосования всех граждан страны. Как выяснилось позже, эта мера была необходима, чтобы и президент, и действующий состав Государственной Думы могли получить новые полномочия сразу после вступления поправок в силу, без проведения внеочередных выборов³⁹. Делегируя легитимацию поправок народу, Путин вместе с тем свел к минимуму роль политически организованной общественности. В послании он ясно обозначил свое несогласие с “политическими общественными объединениями”, которые “ставят вопрос о принятии новой Конституции” и трансформации президентской республики в парламентскую. Процедура обсуждения и принятия поправок не предполагала, что политические партии, годами строившие планы изменения Конституции, станут опосредующим звеном между инициировавшим поправки президентом и одобряющим их народом. Объявив о “самом широком публичном обсуждении”⁴⁰, Путин создал рабочую группу по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию.

Ее костяк составляли представители творческих профессий и общественники, не юристы. По словам Путина, это было сделано, дабы обеспечить “присутствие представителей всех страт общества”, поскольку Конституция — документ не только политический, но и “морально-этический”⁴¹. Первая порция поправок оказалась готова еще до того, как рабочая группа приступила к реальной работе: уже 20 января, через пять дней после оглашения послания, президент внес в Государственную Думу законопроект с поправками к 22 статьям Основного Закона. В дальнейшем рабочая группа стала и фильтром для предложений, в закрытом режиме поступавших “снизу”, и публичной ареной, на которой Путин комментировал предложения общественности. Дискуссии имели место и в Государственной Думе⁴², но они гораздо меньше освещались СМИ — за исключением пленарного заседания 10 марта, на котором прозвучало предложение В. Терешковой обнулить предыдущие президентские сроки, а затем с речью выступил Путин. Символические поправки о “традиционных ценностях”, о которых годами твердили коммунисты и национал-патриоты / консерваторы, были представлены как анонимные пожелания общественности, обобщенные рабочей группой. Созданный по случаю субститут был признан настолько успешным, что на встрече, состоявшейся уже после голосования за поправки, Путин предложил рабочую группу не распускать и поручить

³⁸ Путин В.В. *Указ. соч.* 15.01.2020.

³⁹ Путин В.В. *Указ. соч.* 10.03.2020.

⁴⁰ Путин В.В. *Указ. соч.* 15.01.2020.

⁴¹ Путин В.В. *Указ. соч.* 10.03.2020.

⁴² Платова Г. 2020. Дума поправила Конституцию. — *Советская Россия*. 25.01. № 7. С. 1.

ей мониторинг реализации в законодательстве новых положений Основного Закона страны⁴³. Стремительность, с которой происходило принятие поправок, а также ограничения, введенные из-за пандемии COVID-19, затруднили для оппозиции организацию собственных кампаний. Будучи внесен 20 января, законопроект о поправках уже 23 января был принят Государственной Думой в первом чтении (на этом этапе его поддержали все фракции).

Коммунисты сделали это, с одной стороны, приветствуя пересмотр Конституции, а с другой — в надежде провести свои поправки⁴⁴. Весь февраль коммунисты активно их пропагандировали при благосклонном отношении властей. Но 10 марта фракция КПРФ проголосовала против поправки об отмене президентских сроков и воздержалась от голосования за законопроект в целом (поскольку некоторые поправки, предложенные членами фракции, оказались включены). Не преуспев в борьбе за поправки в Думе, коммунисты решили провести “народный референдум” за свои поправки в интернете. Когда была объявлена новая дата Всенародного голосования по поправкам (1 июля), КПРФ призвала своих сторонников голосовать против поправок в Конституцию, поскольку они “не меняют сути Основного Закона, по которому Россию принуждали жить четверть века”⁴⁵. По данным июньского мониторингового опроса ВЦИОМ, этот призыв расколол электорат КПРФ: из тех сторонников партии, кто планировал участвовать, лишь 39% заявили, что будут голосовать против поправок, тогда как 43% предполагали их поддержать⁴⁶. Таким образом, тактика, выбранная коммунистами, принесла в лучшем случае ограниченный успех.

Внепарламентская оппозиция не смогла предложить общую тактику в отношении поправок. “Яблоко” призвало “не отдавать Конституцию в частные руки обнаглевшей бюрократии” и разработать поправки, защищающие “дух Конституции”⁴⁷. Было объявлено о создании Общественного Конституционного комитета, который начал работу над альтернативным президентскому пакетом поправок. Предполагалось, что их можно будет внести через региональные законодательные собрания, в которых у партии было представительство. Однако стремительность, с которой были проведены поправки, не оставила на это шансов. В июне по заказу “Яблока” Левада-Центр провел опрос, который показал значительную поддержку предложенного им альтернативного пакета поправок⁴⁸. Как и в случае народного референдума КПРФ, это была сугубо символическая акция: хотя обе старые партии и заявили таким образом свои позиции, ресурсов, чтобы вести активную кампанию в условиях карантинных ограничений, у них не было. Вместе с тем, как уже отмечалось, часть внесистемной оппозиции не сочла нужным включаться в эту символическую борьбу. Это помешало выработать единую стратегию мобилиза-

⁴³ Путин В.В. *Указ. соч.* 03.07.2020.

⁴⁴ См.: Зюганов Г.А. Конституция обязана защищать интересы народного большинства. — *Правда*. 30.01.2020. № 9. С. 1.

⁴⁵ Зюганов Г.А. КПРФ — за Конституцию справедливости и народовластия. — *Советская Россия*. 6.06.2020. № 57. С. 1.

⁴⁶ Поправки к Конституции: мнение сторонников основных партий. — *ВЦИОМ*. 10.07.2020. URL: <https://old.wciom.ru/index.php?id=236&uid=10322> (accessed 11.04.20).

⁴⁷ Явлинский Г.А. Конституция свободных людей — работа для будущего. — *Новая газета*. 22.01.2020. № 6. С. 8.

⁴⁸ Левада-Центр: поправки “Яблока” в Конституцию популярнее у россиян, чем поправки Путина. — *Сайт партии “Яблоко”*. 21.06.2020. URL: <https://www.yabloko.ru/levada> (accessed 11.04.2021).

ции условно либерального электората: в то время как одни политические группы данной части спектра призывали голосовать против поправок, другие предлагали бойкотировать голосование. К тому же ограничения на массовые мероприятия, обусловленные пандемией, затруднили мобилизацию. По официальным данным, против поправок проголосовали 21,27% пришедших на участки при явке в 65%.

Казалось бы, больше всего оснований для удовлетворения было у национал-патриотов / консерваторов: ведь многое из их предложений вошло в обновленный текст Конституции. Тем не менее публикации на сайте Изборского клуба, свидетельствуют о том, что и его члены испытывали смешанные чувства. Хотя включение “традиционных ценностей” в Конституцию было встречено с одобрением, многие были разочарованы тем, что они не заменили, а дополнили “либеральные”. По оценке соучредителя клуба Виталия Аверьянова, все существенное в конституционной реформе было заявлено Путиным еще в послании, последующие же дополнения общественности — “это декоративные элементы, а не изменение сути курса”⁴⁹. Его соратник по клубу Максим Шевченко даже призывал к бойкоту голосования, объясняя это тем, что “власть нам предлагает постмодернистский вариант”, погружая нас в “матрицу” бесконечных интерпретаций, которые “не порождают смысла, не ведут к развитию”⁵⁰. Наконец, некоторые, как С. Черняховский, были возмущены поспешностью и кулуарным характером обсуждения, обтекаемыми формулировками и тем, что голосовать за поправки пришлось в пакете (“Поправки в таком виде становятся актом продажи права первородства — за чечевичную похлебку”)⁵¹.

Второе чтение было назначено на 11 февраля, затем несколько раз переносилось и состоялось 10 марта, менее чем через два месяца после того, как об изменении Конституции было объявлено в президентском послании. 11 марта закон “О внесении поправок к Конституции Российской Федерации” был одобрен Советом Федерации и 12-13 марта поддержан законодательными собраниями всех 85 субъектов РФ. 14 марта президент подписал закон, а 16 марта Конституционный суд подтвердил соответствие поправок Конституции (на такой экспертизе, хотя и не предусмотренной 9 главой, настоял Путин). Общенародное голосование по поправкам первоначально планировалось на 22 апреля, объявленное нерабочим днем. Была выбрана дата между завершением православного поста и началом священного месяца Рамадан⁵², которая к тому же совпадала со 150-летием со дня рождения В.И. Ленина (что, впрочем, вряд ли принималось в расчет). Однако из-за пандемии голосование было отложено, и в конечном счете состоялось 1 июля. Гражданам было предложено одной галочкой выразить мнение относительно всего пакета поправок.

Хотя многие полагали, что поправки о ценностях были призваны стимулировать поддержку изменений в структуре государственной власти, основные

⁴⁹ Аверьянов В. Эту конституцию следовало бы не латать, а отбросить. — *Изборский клуб*. 10.03.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/18932> (accessed 11.04.2021).

⁵⁰ Шевченко М. Мы имеем дело с первой в истории Конституцией постмодернизма. — *Изборский клуб*. 09.03.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/18927> (accessed 11.04.2021).

⁵¹ Черняховский С. Спорная константа. — *Изборский клуб*. 12.06.2020. URL: <https://izborsk-club.ru/19451> (accessed 11.04.2021).

⁵² Путин В.В. Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. — *Президент России. Официальный сайт*. 26.02.2020. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62862> (accessed 11.04.2021).

политические группы, выступавшие за переписывание Конституции, остались в той или иной степени не удовлетворены результатом. Принятие поправок было обставлено таким образом, что президент выступал и инициатором процесса, и модератором обсуждения, и главным арбитром. Выбрав в качестве главной площадки публичных обсуждений рабочую группу, Путин практически лишил политически организованную общественность возможности влиять на результат. При этом формально легитимирующей инстанцией были назначены граждане, которым было предоставлено проголосовать за все поправки “оптом”.

ПОПРАВКИ О ЦЕННОСТЯХ: ОЖИДАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТ

В заключение проанализируем поправки к Конституции, закрепляющие основания российской идентичности и ценностные принципы государственной политики (см. *Приложение на сайте журнала*⁵³). Многие аналитики называли их символическими по контрасту с “реальными” изменениями, направленными на перераспределение власти. На наш взгляд, такое противопоставление некорректно, поскольку меры по перераспределению власти тоже имеют символические эффекты (являются “знаковыми”), а отражение в Конституции ценностных принципов оборачивается вполне реальным изменением правил [Малинова 2012]. Эта группа поправок интересует нас постольку, поскольку именно они частично воплощают чаяния политических сил, годами твердивших об изменении ст. 13, которая налагает запрет на признание какой-либо идеологии в качестве государственной. Эти чаяния нашли отражение в трех категориях поправок, касающихся оснований макрополитической идентичности⁵⁴, “традиционных” семейных ценностей и укрепления суверенитета.

Лишь последняя категория была намечена в списке, озвученном в президентском послании. Планы закрепления ценностных принципов без правки первой главы оформились на встречах Путина с рабочей группой. Отказавшись от первоначального предложения вносить изменения в преамбулу, правка которой напрямую не регулируется 9 главой, рабочая группа сосредоточилась на редактировании статей, устанавливающих полномочия федеральной и региональной властей. Мониторинговые опросы ВЦИОМ отчасти позволяют оценить степень поддержки этих поправок населением⁵⁵.

Большая часть поправок, касающихся ценностных оснований макрополитической идентичности, была включена в три статьи главы 3, регулирующей вопросы федеративного устройства. В виде дополнительных пунктов и подпунктов были оформлены следующие инициативы:

— о преемственности между Российской Федерацией, СССР и Российской империей; предложение озвучено режиссером Кареном Шахназаровым на встрече президента с рабочей группой 26 февраля и реализовано как констатация правопреимства международного статуса СССР (ст. 67¹, ч. 1) и “преемственности Российского государства” (ст. 67¹, ч. 2), включающей также память предков и упоминание Бога;

⁵³ URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Malinova-App-1.pdf>

⁵⁴ Данное понятие используется как зонтичное для разных определений сообщества, стоящего за Российским государством — в качестве российского или русского, национального или цивилизационного и т.д. [Малинова 2010].

⁵⁵ На сайте ВЦИОМ представлены только аналитические отчеты с основными цифрами. Кроме того, сама постановка вопроса — респондентов спрашивали о важности поправки — не позволяет в полной мере оценить степень поддержки. Однако некоторые выводы можно сделать, сравнивая оценки важности отдельных поправок.

— упоминание Бога, включенное по предложению патриарха Кирилла (ст. 67¹, ч. 2), оказалось увязано с памятью предков, “передавших нам идеалы”, что помогло обойти противоречие со статьей 14, определяющей РФ как светское государство; инициатива патриарха вызвала острые споры, и, как показывает опрос ВЦИОМ, была поддержана 54% респондентов при 39%, высказавшихся против;

— предложение сенатора Алексея Пушкова закрепить (в преамбуле) статус России как державы-победительницы трансформировалось в (ст. 67¹, ч. 3) декларацию обязательства государства *по защите исторической правды*; эта инициатива, поддержанная Путиным, встретила критику со стороны общественности, обеспокоенной перспективой цензуры высказываний, не совпадающих с официальным историческим нарративом; но на фоне международного “войн памяти”, которыми сопровождалась подготовка к празднованию 75-летия победы во Второй мировой войне, данная поправка оказалась самой популярной в рассматриваемой категории (ее признали важной 89% респондентов, 9% высказались против);

— упоминание о “государствообразующем” русском народе, на котором годами настаивали национал-патриоты и коммунисты, реализовалось в дополнение (к ст. 68, ч. 1), согласно которому русский язык является государственным “как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации”; ювелирная формулировка, придуманная рабочей группой, позволила соединить формулу преамбулы о “многонациональном народе” с упоминанием о статусе русского языка как языка “государствообразующего народа”, который является родным не только для этнических русских; но даже в таком виде эта поправка вызвала раздражение у представителей других этнических групп⁵⁶; вместе с тем самых упорных борцов за права русского большинства она не вполне удовлетворила⁵⁷; ее сочли важной 85% опрошенных ВЦИОМ (при 13% против);

— смягчить завуалированное признание русских “государствообразующим” народом были призваны дополнения (ст. 68, ч. 4) о признании культуры уникальным наследием многонационального народа РФ и (ст. 69, ч. 2), о гарантиях этнокультурного и языкового многообразия; таким образом, хотя и сделав шаг в сторону признания русской идентичности в качестве основания Российского государства, авторы поправок остались верны принципу амбивалентности, характерному для официальной позиции по “национальному вопросу” [Shevel 2011; Goode 2019].

— нашло свое место (ст. 69, ч. 3) и давнее предложение закрепить в Конституции требование *поддержки соотечественников, проживающих за рубежом*; уровень его одобрения населением оказался невысок, лишь 66%.

Поправки, призванные защитить *суверенитет РФ*, соответствовали давним пожеланиям консервативной общественности и, отчасти, коммунистов. Принцип приоритета Конституции РФ над международным правом, дискутировавшийся без малого десятилетие, вошел в первоначальный пакет президентских инициатив. Он реализовался в новой редакции статьи 79, предписывающей не исполнять решения межгосударственных органов в их истолковании,

⁵⁶ Муфтий Татарстана выступил против поправки о государствообразующем народе. 2020. — *Интерфакс*. 03.03. URL: <https://www.interfax.ru/russia/697585> (accessed 11.04.2021).

⁵⁷ Фефелов А. 2020. Суровый монолит и цветущая сложность. — *Завтра*. 4.03. № 9. С. 1.

противоречащем Конституции РФ. По свидетельству К. Косачева, в рабочей группе “вокруг данной темы... разногласий не было абсолютно”⁵⁸. Ее сочли важной 75% респондентов ВЦИОМ. К той же категории можно отнести поправку о *запрете на отчуждение территорий*, включенную в статью 67 по предложению актера В. Машкова. На заключительной встрече Путин особенно поблагодарил рабочую группу за эту инициативу, упомянув, что в ее честь “на одной из территорий России, для которых данная тема имеет особое значение” (в Южно-Курильске) даже установили памятный знак в честь 67-й статьи Конституции⁵⁹. По данным опроса ВЦИОМ, важной данную поправку сочли 87% опрошенных.

Наконец, стоит упомянуть об инициативе писателя и политика З. Прилепина, предложившего закрепить в Конституции статус России как ядерной державы. Путин эту идею не поддержал⁶⁰, но в итоге появилась статья 79¹, декларирующая миролюбивые *цели российской внешней политики* и приверженность принципу *невмешательства во внутренние дела*.

В третью категорию поправок о ценностных принципах государственной политики вошли дополнения, констатирующие *обязательства государства по отношению к детям* как “важнейшему приоритету государственной политики” (ст. 67¹, ч. 4) и защите семьи (см. ст. 72, описывающую предметы совместного ведения РФ и ее субъектов). Они вполне могли бы быть отнесены к категории социальных, если бы не включали характеристику *брака как союза мужчины и женщины* и слова о воспитании “патриотизма, гражданственности и уважения к старшим”. В такой редакции данные поправки были справедливо восприняты как жест поддержки консервативно-традиционалистских ценностей. Впрочем, дополнение о детях как приоритете государственной политики встретило несколько большую поддержку населения (93%), нежели закрепление традиционной формулы брака (81% при 17% – против).

Таким образом, в 2020 г. в Конституцию были включены многие положения, о которых мечтали критики статьи о запрете государственной идеологии. Однако они не заменили, а дополнили формулировки двух первых глав, которые им хотелось бы отменить. При этом наиболее спорные идеи, вроде закрепления государствообразующего статуса русского народа или идеи о Боге, приобрели обтекаемые формулировки, которые не могли удовлетворить радикально настроенных критиков. Наконец, добавление сентенций о ценностях в гл. 3 привело к появлению “многоэтажных” статей и в целом сделало структуру Конституции более сложной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конституция не только устанавливает, но и символизирует основы политического порядка. В силу этого ее изменение нередко становится частью программы тех, кто его оспаривает. Будучи принята в результате насильственного разрешения политического конфликта, Конституция РФ изначально не была предметом политического консенсуса. В разные периоды у нее были критики как слева, так и справа, стремившиеся не только к трансформации структуры государствен-

⁵⁸ Путин В.В. Встреча с рабочей группой по подготовке предложений о внесении поправок в Конституцию. — *Президент России. Официальный сайт*. 13.02.2020 URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/62776> (accessed: 11.04.2021).

⁵⁹ Путин В.В. *Указ соч.* 15.01.2020.

⁶⁰ Путин В.В. *Указ соч.* 26.02.2020.

ной власти, но и к корректировке закреплённых в ней ценностных принципов. В 2000–2010-х годах единственным актором, способным добиться принятия поправок, оставался российский президент. Изменения, принимавшиеся до 2020 г., не затрагивали основания макрополитической идентичности и ценностные принципы государственной политики, несмотря на то, что некоторые из обсуждавшихся предложений, по-видимому, соответствовали установкам власти.

Решившись на масштабное, хотя и “точечное” изменение Конституции, сделавшее возможным обнуление прошлых президентских сроков В.В. Путина, властвующая часть элиты сочла возможным принять и некоторые поправки, касающиеся ценностей. Анализ символической стороны процесса выявил его популистскую логику: в роли арбитра, оценивавшего идеи, поступавшие “снизу” и обобщавшиеся рабочей группой, выступал президент, формальная легитимация была делегирована народу, а возможности влияния элитных групп, годами выступавших за поправки, оказались минимальными. Вместе с тем вновь внесённые дополнения не отменили те положения двух первых глав Конституции, которые жаждали исправить критики. При этом наиболее спорные поправки приобрели обтекаемую и двусмысленную форму. В итоге во всех сегментах политического класса, выступавших за корректировку закреплённых в Конституции ценностных принципов, остались недовольные как процессом, так и результатом. Хотя некоторые поправки об идейных воззрениях встретили значительную поддержку у населения, все же они были восприняты с меньшим энтузиазмом, нежели социальные. По-видимому, роль ценностных поправок в мобилизации поддержки не была решающей.

Таким образом, наиболее важный символический функционал поправок оказался связан не с консолидацией элит, выступавших за “консервативный поворот”, и не со стимулированием поддержки масс, а с закреплёнием политических достижений первых 20 лет правления Путина, открывающих перспективу “поступательного, эволюционного развития” на следующие 30–50 лет. При этом решение вносить ценностные поправки в “изменяемые” главы при сохранении в прежнем виде глав “неизменяемых” привело к созданию избыточно сложной и недостаточно цельной конструкции, которая едва ли полностью снимет противоречия, провоцировавшие споры о Конституции 1993 г.

35

10.17976/jpps/2021.03.03

AMENDING THE RUSSIAN CONSTITUTION AS SYMBOLIC POLITICS: 1993-2020

O.Yu. Malinova^{1, 2}

¹ National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

² Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia

MALINOVA, Olga Yurevna, Dr. Sci. (Philos.), Professor, National Research University Higher School of Economics; Principal Researcher, Department of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences, RAS, email: omalinova@mail.ru

Malinova O.Yu. Amending the Russian Constitution as Symbolic Politics: 1993–2020. — Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 17–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.03>

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2020–2021 (grant № 20-01-058).

Received: 07.02.2021. Accepted: 24.02.2021

Abstract. Constitutions are not simply political and legal documents; they are also complex political symbols that convey a manifold content and invite various interpretations. This article provides a review of the approaches to political symbolical analysis of constitutions. After this more general view, the author focuses on the symbolic competition of interpretations and explores the discussions about amending the Russian Constitution that took place from 1993 to 2020. The research is based on publications by official websites and media. The author demonstrates that the political crisis of 1993, which resulted in adoption of “Yeltsin’s” Constitution, played a formative role in shaping the identities of political forces that consolidated in the 1990s. The groups occupying different positions in the political spectrum included different meanings in the Constitution. They considered amendments not just as a tool for changing rules, but also as a vehicle for their desired values. Comparing the amendments adopted in 2020 reveals their connections with the previous symbolic struggle. In 2020, soon after deciding to adopt significant but “doty” amendments to the Constitution which made it possible to “null” Vladimir Putin’s previous presidential terms, the Russian ruling elite opted for adding some value principles as were proposed before. Analysing the symbolism of the process behind crafting these amendments reveals their populist nature. The president was the true chief arbiter behind the proposals supposedly “from below” that were presented by a special working group. The legitimization of the amendments was delegated to the people who should vote for the total package. The elite groups, who had struggled to add amendments for years, were largely deprived of any opportunity to influence decisions. The new amendments did not cancel those parts of the “unchangeable” chapters that drew major criticism from both the Communists and the Conservators. The most disputable amendments were formulated rather ambiguously. Thus, overall, neither segment of critics of the Constitution turned to be really satisfied by the amendments.

Keywords: symbolic politics, constitutional process, political crisis of 1993 in Russia, political and ideological spectrum, conservative turn, constitutional reform of 2020 in Russia, the Constitution of Russian Federation.

References

- Baas L.R. 1979. The Constitution as Symbol: The Interpersonal Sources of Meaning of a Secondary Symbol. — *American Journal of Political Science*. Vol. 23. No. 1. P. 101-120. <https://doi.org/10.2307/2110774>
- Baas L.R. 1984. The Primary Sources of Meaning of a Secondary Symbol: The Case of the Constitution and Ms. Murphy. — *Political Psychology*. Vol. 5. No. 4. P. 687-705. <https://doi.org/10.2307/3791237>
- Cassirer E. 2020. *The Philosophy of Symbolic Forms*. 3 vols. London: Routledge. 1412 p.
- Edelman M. 1971. *Politics as Symbolic Action. Mass Arousal and Quiescence*. Chicago: Markham Publishing Company. 188 p.
- Edelman M. 1972. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana: University of Illinois Press. 201 p.
- Evans A. 2015. Ideological Change under Vladimir Putin in the Perspective of Social Identity Theory. — *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 23. No. 4. P. 401-426.
- Gill G. 2013. *Symbolism and Regime Change: Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. 246 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139381673>
- Goode P.J. 2019. Russia’s Ministry of Ambivalence: the Failure of Civic Nation-Building in Post-Soviet Russia. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 35. No. 2. P. 140-160. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2018.1547040>
- Mead G.H. 1956. *The Social Psychology of George Herbert Mead*. Chicago: The University of Chicago Press. 296 p.
- Oversloot H. 2007. Reordering the State (without Changing the Constitution): Russia under Putin’s Rule, 2000-2008. — *Review of Central and East European Law*. Vol. 32. No. 1. P. 41-64. <https://doi.org/10.1163/092598807X165569>
- Přibáň J. 2004. Reconstituting Paradise Lost: Temporality, Civility, and Ethnicity in Post-Communist Constitution-Making. — *Law & Society Review*. Vol. 38. No. 3. P. 407-432. <https://doi.org/10.1111/j.0023-9216.2004.00052.x>
- Přibáň J. 2006. The Time of Constitution-Making: On the Differentiation of the Legal, Political and Moral Systems and Temporality of Constitutional Symbolism. — *Ratio Juris*. Vol. 19. No. 4. P. 456-478. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.2006.00339.x>
- Ruutu K. 2010. Future, Past and Present in Russian Constitutional Politics: Russian Constitutions in a Conceptual-Historical Perspective. — *Review of Central and East European Law*. Vol. 35. No. 1. P. 77-110. <https://doi.org/10.1163/157303510X12650378240034>
- Schmid U. 2010. Constitution and Narrative: Peculiarities of Rhetoric and Genre in the Foundational Laws of the USSR and the Russian Federation. — *Studies in East European Thought*. Vol. 62. No. 3-4. P. 431-451. <https://doi.org/10.1007/s11212-010-9122-y>

Sharlet R. 1997. The Politics of Constitutional Amendment in Russia. — *Post-Soviet Affairs*. Vol. 13. No. 3. P. 197-227. <https://doi.org/10.1080/1060586X.1997.10641437>

Shevel O. 2011. Russian Nation-Building from Yel'tsin to Medvedev: Ethnic, Civic or Purposefully Ambiguous? — *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 2. P. 179-202. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.547693>

Malinova O.Yu. 2010. Symbolic Politics and Construction of Macro-Political Identity in Post-Soviet Russia. — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 90-105. (In Russ.)

Malinova O.Yu. 2012. Symbolic Politics: Contours of the Research Field. — *Simvolicheskaya politika* [Symbolic Politics]. Issue 1. Moscow: INION RAS. P. 5-16. (In Russ.)

Malinova O.Yu. 2020. Memory about the 1993 Crisis and Emergence of the Russian Constitution in the Political Discourse of 2000-2010s. — *Politeia*. No. 1. P. 39-60. (In Russ.)

Medushevsky A.N. 2020. Constitutional Reform in Russia: Substance, Directions and Implementation. — *Social Sciences and Contemporary World*. No 1. P. 39-60. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S086904990008510-3>

Melville A.Yu. 2017. Neoconservative consensus in Russia? (Principal Components, Factors of Sustainability, Potential of Erosion). — *Politeia*. No. 1. P. 29-45. (In Russ.)

Sheinis V.L. 2006. *Vlast' i zakon: Politika i Konstitutsii v Rossii v XX-XXI vekakh* [Authority and Law: Politics and Constitutions in Russia in 20-21st Centuries]. Moscow: Mysl'. Publ. 1088 p. (In Russ.)

Vlast' i lidery v vospriyatii rossijskikh grazhdan. Chetvert' veka nabludeniya [Authorities and Leaders in Russian Citizen's Perceptions. A Quarter of a Century of Observations]. 2019. Ed. by E.B. Shestopal. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

Литература на русском языке

Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018). 2019. Отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь Мир.

Малинова О.Ю. 2010. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 90-105.

Малинова О.Ю. 2012. Символическая политика: контуры проблемного поля. — *Символическая политика*. Вып. 1. М.: ИНИОН РАН. С. 5-16.

Малинова О.Ю. 2020. Память о кризисе 1993 года и рождении российской Конституции в политическом дискурсе 2000-2010-х гг. — *Полития*. № 4. С. 6-34.

Медушевский А.Н. 2020. Конституционная реформа в России: содержание, направление и способы осуществления. — *Общественные науки и современность*. № 1. С. 39-60. <https://doi.org/10.31857/S086904990008510-3>

Мельвиль А.Ю. 2017. Неоконсервативный консенсус в России? (Основные компоненты, факторы устойчивости, потенциал эрозии). — *Полития*. № 1. С. 29-45.

Шейнис В.Л. 2014. *Власть и закон: Политика и Конституции России в XX-XXI веках*. М.: Мысль. 1088 с.

О СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТОВ И СУБЪЕКТОВ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ (на примере Костромской и Ярославской областей)

Л.И. Никовская, В.Н. Якимец

НИКОВСКАЯ Лариса Игоревна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, РАНХиГС, email: nikovsky@inbox.ru; **ЯКИМЕЦ** Владимир Николаевич, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт проблем передачи информации РАН; профессор, РАНХиГС, email: iakimets@mail.ru

Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов и субъектов муниципальной публичной политики (на примере Костромской и Ярославской областей). — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 38-56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.04>

Статья поступила в редакцию: 18.06.2020. Принята к публикации: 11.11.2020

Аннотация. Анализируются итоги исследования муниципальной публичной политики (далее МПП) в Костромской и Ярославской областях. В предметном плане МПП связана с особенностями локального порядка социально ориентированного свойства, опирающегося на баланс интересов основных социальных групп местного сообщества и власти, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов во имя общего блага развития территории. Выявлены типологические особенности МПП: в Костромском городском округе, сформировался центрированный тип МПП, но с тенденцией к разрыву; в городском поселении Красном-на-Волге — разрывной тип. Ярославский городской округ также характеризуется сбалансированным типом публичной политики, в городском поселении Ростове Великом типологические свойства МПП в большей степени отличаются разрывными моментами. Выявилась тенденция — чем слабее выражен уровень социально-экономического развития муниципального образования (далее МО) и степень его урбанизации, тем ниже качество публичного взаимодействия между тремя секторами местного сообщества (муниципальная власть, малый и средний бизнес, некоммерческие организации). На базе индексного подхода представлены особенности состояния институтов и механизмов МПП в четырех муниципальных образованиях по критерию состоятельности. Впервые вводится показатель полноты функционала акторов и субъектов МПП и исследуются особенности субъектного среза на муниципальном уровне в четырех МО. В целом характер сложившейся МПП в исследуемых МО отличается свойствами государственного патернализма, что ограничивает возможности местного самоуправления как института гражданского общества.

Ключевые слова: муниципальная публичная политика, местное самоуправление, субъекты и акторы, институты и механизмы, состоятельность, функционал, индексные оценки.

АКТУАЛЬНОСТЬ И СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Политические, социальные, экономические интересы граждан связаны с интересами государства, прежде всего, через групповые интересы жителей одного города, села, района, реализуемые посредством самоуправления. Местное самоуправление выступает своеобразной школой гражданственности, демократической организации местной жизни. Оно приучает граждан

к самоорганизации, необходимой для качественного решения вопросов в соответствии с общественными интересами. Совмещение в работе органов местного самоуправления общественных и государственных полномочий — явление исключительное, богатое потенциальными возможностями для поиска и выбора оптимальных схем и механизмов взаимодействия общественности и власти, публичного и политического. Самоуправление ведет к усилению направленности управленческих процессов “снизу — вверх”, от периферии к центру; оно зависит от развития прямой демократии, расширения гласности, повышения действенности общественного мнения и пр. Поэтому местное самоуправление по праву относят к важнейшим институтам гражданского общества, занимающим пограничное положение между органами государственной власти и общественной самодеятельности.

Публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом — это существенный ресурс развития территорий и формирования доверия к деятельности власти. На первый план выходят вопросы о характере взаимоотношений государства и гражданского общества в публичной сфере, где происходит совместная выработка решений по значимым социальным проблемам. Публичную сферу можно определить как область общественной жизни, в которой происходит формирование общественного мнения [Habermas and the Public Sphere 1992]. По мнению Ю. Хабермаса, эта сфера опосредует отношения между государством и обществом и позволяет сформироваться публике как проводнику общественного мнения. Принцип публичности сделал возможным демократический контроль над деятельностью государства. Характер и качество функционирования механизмов публичной политики (ПП) зависят от таких факторов, как организация и обеспечение свободы доступа к источникам информации, главным образом в структурах власти, развитость политических структур общества, юридические, экономические и технологические условия деятельности средств массовой коммуникации. М. Риттер трактует категорию публичной политики через “демократию участия”, или “партиципаторную” демократию [Риттер 2001: 38].

39

На Западе тематика, связанная с публичной политикой, рассматривалась как органическая часть политической науки. Если традиции американского подхода были связаны с инструментальными проблемами повышения эффективности государственного управления и реализации государственной политики [Heidenheimer 1990], то европейская школа большее внимание уделяла действиям акторов, разработке и принятию управленческих решений [Андерсон 2008]. Эти подходы объединяет ставка на согласование интересов как цель политики; управление, понимаемое как коллективное решение общих проблем; открытость публичного пространства для заинтересованных участников и опора на *согласование* как принцип принятия решений [Беляева 2011; Anderson 2003: 16-27].

Тема российской публичной политики приобрела достаточно широкое звучание после “Гражданского форума” (Москва, 2001 г.), “Тольяттинского диалога” (2002 г.), III Всероссийского конгресса политологов РАПН “Выборы в России и российский выбор” (2003 г.), где прошла секция “Публичная политика как инструмент российского выбора”. В 2015 г. “публичная политика” в РФ выделена в качестве самостоятельного образовательного направления. Российские ученые отмечают сложность и многомерность содержательного наполнения этого концепта. Так, проведя анализ западных источников в от-

ношении понятия “публичная политика”, В.В. Желтов и М.В. Желтов делают вывод, что многообразие научных подходов можно объединить в три группы, в которых публичная политика означает *нормативную рамку действия*; комбинирует элементы *публичной силы и элементы экспертизы*; стремится навести *локальный порядок* [Желтов, Желтов 2009].

“Многомерность” феномена отмечают и европейские ученые [Сарапо 2009]. “Многослойность” предметного статуса публичной политики выделяют представители Кубанской школы политологии: “интерпретация публичной политики с позиций пространственных координат позволяет охарактеризовать ее как целостный феномен, включающий в себя информационно-дискурсивное, деятельностно-активистское и управленческое измерения одновременно. При этом подвижность границ публичной политики, ее аутентичность и действенность обуславливаются как характером публичного администрирования (политическим режимом), так и практикой гражданского самоопределения” [Мирошниченко 2015].

Российские исследователи публичной политики отмечают, что “с точки зрения дескриптивного подхода публичная политика представляет собой рамочную конструкцию, содержащую внутреннюю установку на наличие общегражданского профиля институтов управления, легитимных и рациональных целей их деятельности, дискурсивного характера принимаемых решений и кооперации управляющих и управляемых. Многие ученые видят в публичной политике средство достижения высокой репрезентативности гражданских интересов, качественного усиления ‘гражданских компетенций’ населения (Р. Даль), а, следовательно, и средство повышения качества правительственных программ, усиления подотчетности органов власти и гражданского контроля за их действиями” [Публичная политика... 2018: 54]. Понятен интерес к этому явлению, прежде всего, со стороны представителей государственного и муниципального управления, когда речь идет о соотношении политических и административных свойств государственной и муниципальной власти, о качестве и эффективности современного государственного и муниципального управления, о сочетании административного регулирования и форм общественного участия населения [Fung 2006: 66].

Очень точно обозначил предметную “топонимику” ПП А.Ю. Сунгуров, подчеркивая, что область исследований собственно публичной политики пересекается как с научным направлением “государственное и муниципальное управление”, так и с социологией общественных движений и гражданского общества в аспекте их взаимодействия в процессе подготовки, принятия и реализации управленческих решений и формирования “повестки дня” того или иного уровня сообщества [Сунгуров 2017]. Результативность предметного пересечения двух направлений для развития процессов ПП представлена в работах Санкт-Петербургской школы политологии: “Способности государства управлять неотделимы от способностей гражданского общества включаться в публичное управление, а также понимания того, что только интеграция способностей всех субъектов публичного управления повышает его общую результативность” [Сморгунов 2018: 35].

Представители европейской школы государственного управления заложили многие концептуальные положения изучения муниципальной ПП. Так, по мысли французского социолога Е. Фридберга, она являет собой “относительно автономное политическое создание, которое осуществляет на своем

уровне регулирования конфликтов между заинтересованными сторонами, а также обеспечивает артикуляцию и приводит в соответствие их индивидуальные и коллективные цели и интересы” [Friedberg 2015]. На важность исследования межсекторного партнерства и преодоления асимметрии интересов в публичном пространстве на местном уровне указывают П. Мюллер и Ж. Сюрель [Muller, Surel 1998: 13-14]. Именно муниципальная публичная политика, по их мысли, привносит социальную интегрированность взаимодействий на уровне локального порядка ключевых акторов межсекторного взаимодействия и добивается баланса их интересов.

В российском дискурсе направление, соединяющее субъектные и институциональные аспекты реконструкции феномена публичной политики, представлено в работах авторов статьи, в которых они на основе теоретических и прикладных исследований приходят к выводу, что ПП представляет собой широкий круг процессов и явлений. Во-первых, она являет собой особое качество государственного управления, которое все более ориентируется на идеи *постбюрократической организации*, предполагающей переход от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, той системе публичного управления, которая стала обозначаться через принципы *governance (совместного управления)*, исключающие жесткие вертикальные формы “господства — подчинения”. Во-вторых, активное гражданское участие и соответствующие процедуры в принятии властных решений. В-третьих, разработку с общественным участием различного рода программ для решения возникающих в обществе проблем, а также социальные технологии их реализации. В-четвертых, она охватывает процесс двусторонней коммуникации разнообразных общественных групп с органами власти, выстраиваемой большей частью симметрично, в диалоговом режиме [Публичная политика... 2018: 73-84].

41

Институт публичной политики призван стать условием и средством, позволяющим обществу формировать стратегическую повестку дня, создавать внутренние стимулы и ценности инновационного развития, переводить конфликты и столкновения в позитивно-функциональное русло, превращая их в элемент социальной динамики. С помощью разработанного авторами инструмента для количественной оценки и мониторинга состояния ПП [Якимец 2008] исследовались институты, механизмы и субъекты публичной политики в регионах России. За 12 лет исследований в 44 регионах было опрошено более 4 тыс. респондентов из трех секторов и получены следующие результаты: выявлена типология региональной ПП; рассчитан рейтинг институтов ПП; выявлено качество функционирования институтов ПП по критерию состоятельности. Это позволило описать институциональный дизайн региональной ПП и предоставить властям программы по “ремонту” несостоятельных институтов и мониторингу их состояния. В 2017 г. по заказу аппарата Президента Республики Татарстан было проведено исследование состояния муниципальной ПП и выявлена специфика функционирования ее институтов и субъектов в четырех МО [Публичная политика... 2018: 84-102].

В 2019 г. в рамках исследовательского гранта РФФИ¹ нами был апробирован на эмпирическом уровне концепт “муниципальной публичной политики” и показано, что он связан, прежде всего, с особенностями локального порядка

¹ Проект № 19011-31282 “Исследование состояния и возможностей совершенствования институтов и механизмов публичной политики на муниципальном уровне на основе индексного подхода”.

социально ориентированного свойства, опирающегося на баланс интересов ключевых социальных групп местного сообщества и власти, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов во имя общего блага развития территории. Для местных сообществ МПП выступает интегрирующим фактором; она может способствовать предотвращению социальных, экономических, этнических, религиозных конфликтов; является хорошим полигоном для большинства инновационных социальных проектов.

Исследование ставило целью выявить, насколько институты и механизмы, посредством которых местное сообщество *может влиять на муниципальную власть*, согласуются с ее готовностью встроить этот публичный ресурс в упрочение дееспособности инструментов, с помощью которых власть управляет местным сообществом. Это соответствует ключевой идее феномена публичной политики — продвижению гражданского участия в процессах управления через создание добровольческих ассоциаций, отстаивание общественных интересов [Риттер 2001]. В противоречивых условиях развертывания кризиса постоянно складываются ситуации социальной напряженности и острых моментов, требующие их конструктивного снятия и перевода в позитивное состояние. Очень важно уметь эмпирически диагностировать проблемы и выявлять качество институтов публичного взаимодействия, а также степень активности участвующих в нем субъектов.

Были предложены и апробированы два новых критерия исследования свойств МПП — состоятельность институтов и механизмов публичного взаимодействия, а также полнота функционала субъектной составляющей. Они четко выявляют дисфункции во взаимодействии власти и гражданского общества в публичной сфере и позволяют определить приоритеты в решении задачи повышения эффективности механизмов общественного диалога и партнерства при решении проблем местного сообщества. Исследования состоятельности институтов публичной сферы в регионах РФ продемонстрировали, что далеко не все институты публичной сферы могут быть “исправлены” с федерального и регионального уровней. Подключение ресурса и конструктивных возможностей диалога гражданского общества к усилиям власти по совершенствованию и поддержанию системы жизнеобеспечения социальной инфраструктуры территорий может привести, как показывает опыт, к позитивным результатам.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МПП И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН

Исследование состояния институтов и механизмов МПП в 2019 г.² показало, что МПП имеет свои особенности как социально-политическое явление. Именно на муниципальном уровне публичная политика получает выражение

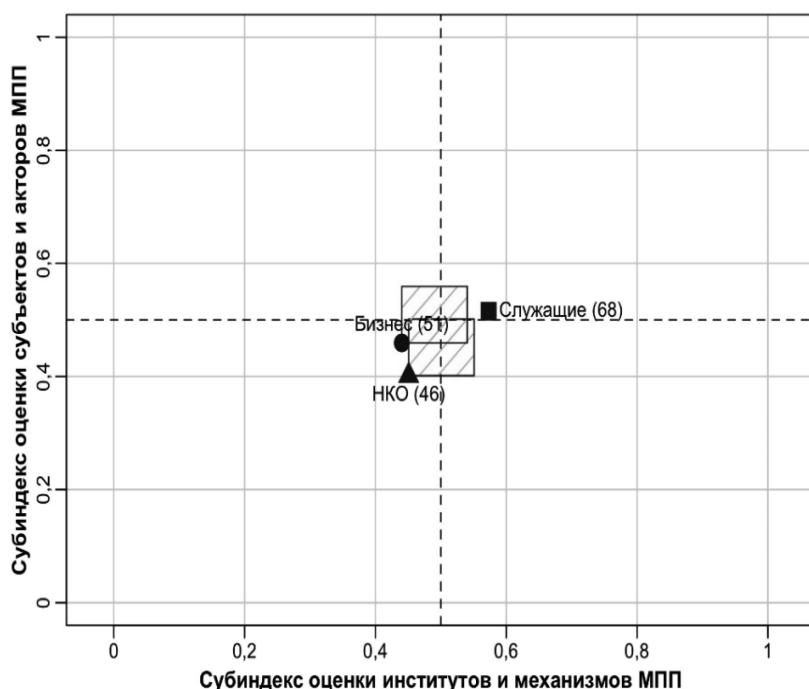
² Для обследования особенностей МПП были выбраны четыре МО двух областей ЦФО — Костромской и Ярославской. В Костромской области это — *Кострома* (городской округ) и *Красное-на-Волге* (городское поселение), в Ярославской области — Ярославль (городской округ) и Ростов Великий (городское поселение). Использовались методы экспертного опроса на основе малой целевой выборки. Малая целевая выборка — выборочная совокупность, которая позволяет отобрать респондентов, исходя не столько из количественных, сколько из качественных задач исследования: получения компетентной и продуманной оценки сложного комплекса отношений в рамках МПП. Всего в четырех МО было опрошено 359 респондентов: в Костромской области — 149 респондентов, компетентных представителей *трех сегментов* местных сообществ — муниципальной власти (61 респондент), малого и среднего бизнеса (47), руководителей и членов некоммерческих организаций (41), в Ярославской — 210 респондентов, представляющих муниципальную власть — 92 респондента, малый и средний бизнес — 61 респондент, НКО — 57 респондентов.

в утверждении определенного “местного порядка”. Было выявлено, что в МО двух областей ЦФО наблюдаются тенденции отрыва оценок качества функционирования институтов и механизмов МПП представителями муниципальной власти от оценок двух других публичных акторов — НКО-сообщества и малого бизнеса (причем в Костромской области этот тренд выражен более ярко). Муниципальная власть испытывает сильное влияние регионального уровня государственной власти. Это не могло не сказаться на снижении качества функционирования гражданского общества: его институты и акторы (профсоюзы и общественные объединения бизнеса, партии, СМИ и пр.), а также механизмы и институты межсекторного партнерства встраиваются в “вертикаль власти”, что на местном уровне, который наиболее приближен к чувствительным проблемам населения, приводит к появлению *разрывных факторов* и разбалансированности МПП.

Установлено, что городской округ Ярославль характеризуется близким к *центрированному типу* МПП (см. рис. 1), когда индексные значения трех групп консолидированы вокруг координат 0,5; 0,5, хотя оценки представителей НКО и МСБ расположились в некотором отрыве от оценок власти³.

Рисунок 1 (Figure 1)

Индексные оценки муниципальной публичной политики в городском округе Ярославль, 2019
Municipal Public Policy Index Scores, Yaroslavl Urban District, 2019

³ Отметим, что значения обоих субиндексов изменяются от 0 до 1. На рис. 1 и 3 треугольником отмечены среднегрупповые оценки НКО, кружком — бизнеса, квадратом — представителей муниципальной власти. Заштрихованные прямоугольники — это визуализация критерия Чебышева, используемая для оценки степени консолидированности позиций трех групп респондентов: если субиндексные оценки всех групп попадают в один прямоугольник, их значения консолидированы [Якимец 2008].

Оценки МПП, полученные из опросов в Ростове Великом, подтвердили гипотезу, что чем слабее выражен уровень социально-экономического развития МО и степень его урбанизации, тем ниже качество публичного взаимодействия между тремя секторами местного сообщества. Мы видим, что для Ярославля характерна *близкая к централизованному типу МПП*. Для Ростова наблюдается сдвиг в направлении усиления *разрывного типа*: индексные оценки представителей муниципальной власти ушли в отрыв от двух других групп — НКО-сектора и представителей МСБ. Самые критичные оценки институциональному дизайну МПП дали представители малого и среднего бизнеса Ростова. Они высказали наиболее негативные мнения по сравнению с представителями власти.

Оценки институтов и механизмов двух МО Ярославской области по критерию состоятельности⁴ показали (см. рис. 2), что из 15 институтов только 3 попали в зону состоятельных институтов: *работа системы образования, механизмы национального согласия и веротерпимости и интернет-площадки для сбора предложений граждан*.

К границе средней состоятельности подошли оценки *институтов поддержки гражданских инициатив, судебной, правоохранительной и избирательной системы, работы СМИ*. Несостоятельным оказался институт *муниципального здравоохранения*. Практически все участники фокус-группы и экспертной сессии подтвердили, что улучшение работы первичного звена системы здравоохранения в городе — это мандат полномочий, отнесенный к уровню региональной власти, хотя его дисфункции остро ощущают именно жители МО. Задача МПП — артикулировать проблему и донести ее до высшего этажа вертикали публичной власти. Тревожный сигнал для МПП то, что стал несостоятельным *институт отстаивания общественных интересов*. Он попал в “ловушку” правового согласования мандатов регулирования публичных проблем региональным и муниципальным законодательством.

В сегмент несостоятельных вошли также *институты общественных сходов, собраний и деятельности Общественной палаты города*. Также в зону *несостоятельных* попали *институты публичного контроля, защиты частной и муниципальной собственности, противодействия коррупции*. Отсюда мы видим, насколько “просела” гражданская составляющая местного самоуправления в Ярославле.

В Ростове Великом выявлено два *состоятельных института* (образования и национального и религиозного согласия) и довольно много *среднесостоятельных институтов*, которые стали таковыми благодаря высоким оценкам представителей муниципальной власти.

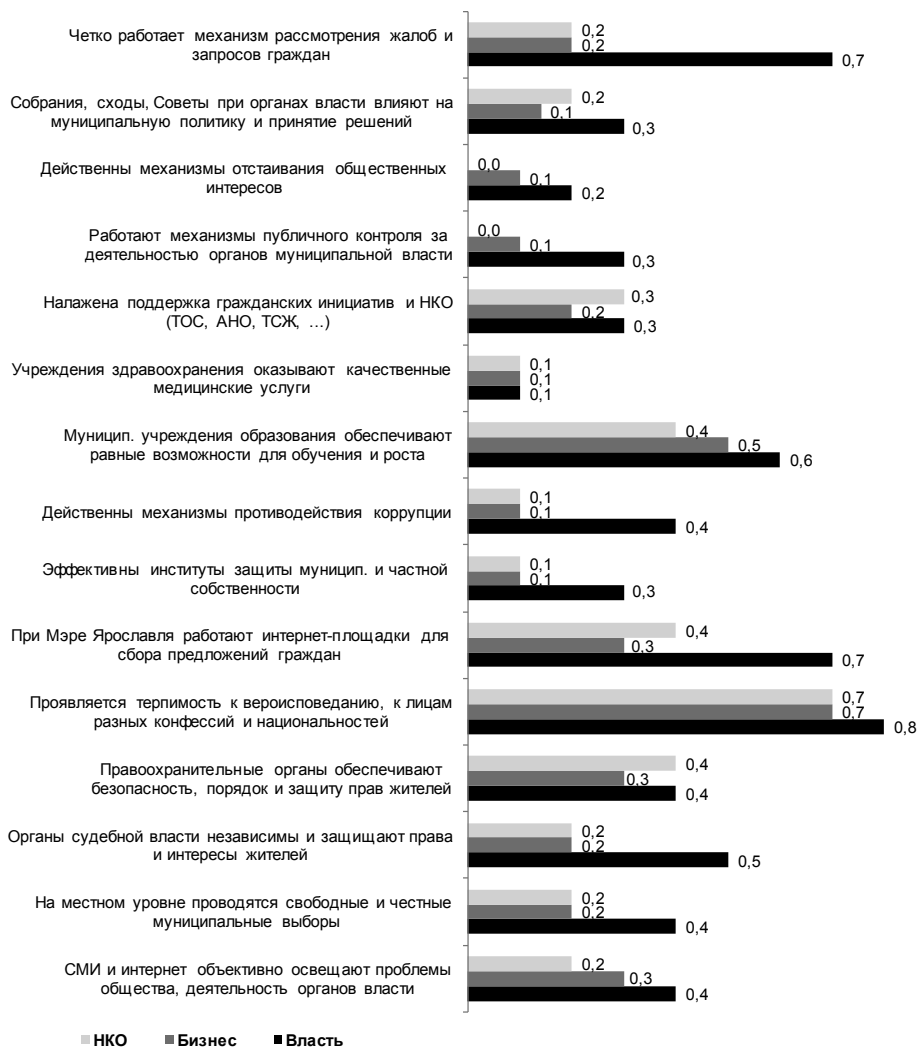
Суммируя результаты исследования МПП в Ярославле и Ростове Великом в 2019 г., отметим, что объективные слабости местного самоуправления (невысокий уровень имущественной и финансовой базы, урезанность правовых полномочий по решению острых публичных проблем, зависимость от

⁴ Суть критерия *состоятельности* в определении доли респондентов, проставивших тому или иному институту наивысшие оценки в 4 и 5 баллов. При этом изучаемые институты (механизмы) разбивались на три группы: *состоятельные институты МПП*, когда более 50% респондентов оценили высоко (справа от сплошной вертикальной линии на рис. 2) работу институтов (4 или 5 баллов); *среднесостоятельные*, если от 33 до 50% респондентов от всех трех групп (между пунктирной и сплошной линии на рис. 2) оценили работу институтов в 4 и 5 баллов; *несостоятельные*, если менее трети респондентов от всех трех групп (слева от пунктирной линии) оценили работу институтов в 4 или 5 баллов.

вышестоящего уровня власти) дополняются “рукотворными”, связанными с частой сменяемостью муниципальной власти: “У нас за 5 лет сменилось 6 мэров... Пока одному объясняешь — другой уже приходит. Мы не можем обсуждать стратегические вещи, потому что один приходит, одни ларьки ставит, другой — другие. Одному серая плитка нравится, другому — красная? У нас вот эта турбулентность туда-сюда, поэтому нет Стратегии развития города” (фокус-группа, представитель бизнеса).

Рисунок 2 (Figure 2)

**Состоятельность институтов и механизмов муниципальной публичной политики,
средняя оценка для трех групп. Ярославль, 2019 г.**
*Sustainability of Municipal Public Policy Institutions and Mechanisms,
Average Score for Three Groups. Yaroslavl, 2019*

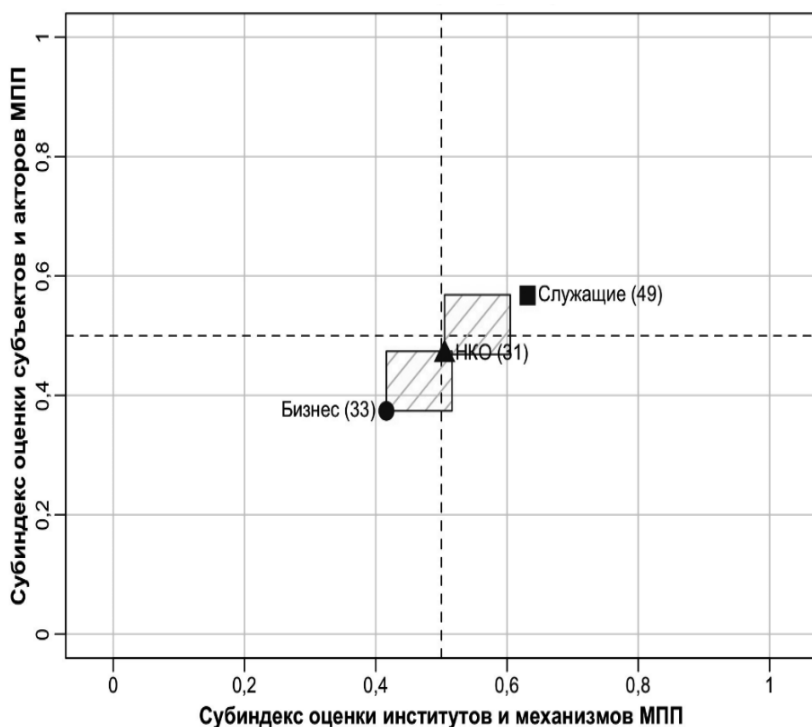

Недоработки новой команды мэра, пришедшего к власти в ноябре 2018 г., по выстраиванию работы с деловой и гражданской инициативой значительно снижают потенциал конструктивного взаимодействия в поле МПП города. Потенциал межсекторного партнерства сильно ослаб. Это проявилось в более критичных оценках представителей малого и среднего бизнеса и НКО-сообщества: *“Давайте посмотрим: власть высоко оценивает работу механизмов рассмотрения жалоб и запросов, а бизнес и НКО говорят: вообще механизм не работает. Разница в подходах основана на том, что власть живет сама по себе, а бизнес живет сам по себе, но при этом власть еще считает, что она бизнесу помогает”* (фокус-группа, представитель бизнеса). *“Реально за последние 5–10 лет внимание к инициативам снизу значительно ослаблено. Люди понимают, что от их действий ничего сильно не меняется, они и не участвуют”* (интервью представителя НКО).

В городском округе Костроме сложился *слаборазрывной тип* МПП (см. рис. 3). Индексные оценки власти завышены, а оценки бизнеса располагаются в квадранте с низкими оценками и при этом консолидированы с оценками НКО.

Рисунок 3 (Figure 3)

Индексные оценки муниципальной публичной политики в городском округе Кострома, 2019
Municipal Public Policy Index Scores, Kostroma Urban District, 2019

Критичнее всего оценки представителей МСБ: они чувствуют обделенность в реализации своих публичных интересов на местном уровне, поскольку не защищены от экспансии федеральных сетевых бизнес-структур. Более оптимистичные оценки НКО-сектора объясняются просто: его позитивный градус определяли “старые организации” (ветеранов, инвалидов, пенсионеров и пр.), социально поддержанные местной властью, а “инициативные” новые НКО, конкурирующие за субсидии, не чувствуют себя в публичном пространстве комфортно: *“Есть организации ветеранов, инвалидов и пр., они существуют на бюджетные деньги... А есть те, кто живет на деньги грантов, но они мизерные и вопрос в том, что поддержка могла быть выражена по-другому, т.е. осуществляться не финансово: информационная поддержка, и иные решения (помощь помещениями, арендой и т.д., вот здесь проблемы есть, а власть их не видит”* (фокус-группа, представитель НКО).

МПП в городском поселении Красное-на-Волге относится к *разрывному типу*, но с той спецификой, что оценки муниципальной власти и НКО-сообщества почти солидарны, а позиции бизнеса значительно отрываются от них, попадая в квадрант низких оценок. Как выяснилось, в большинстве своем местный бизнес работает “вахтовым методом”, его главные “экономические штабы” располагаются за пределами муниципальной территории, на областном уровне, налоги поступают туда же, поэтому представители бизнеса в Красном-на-Волге, связанные главным образом с ювелирным производством, отчуждены от реальных вопросов общественного развития городского поселения и мало посвящены в его проблемы. Эта ситуация подтвердила гипотезу о том, что особенности общего поля МПП во многом зависят от специфики социально-экономического развития территории и культурных условий функционирования ключевых акторов поля МПП.

В Костроме *состоятельными* оказались всего два института — *национального согласия и терпимости между различными конфессиями и институт выборов* (см. рис. 4).

В зону *средней состоятельности* попали шесть из 15 институтов — система образования, деятельность судебной власти и правоохранительных органов, интернет-площадки для обсуждения предложений граждан, поддержка гражданских инициатив, рассмотрения жалоб. Самыми *несостоятельными* оказались *система отстаивания общественных интересов, общественного контроля, защиты частной собственности и работа системы здравоохранения*. Качественные методы исследования показали доминанту исполнительных органов муниципальной власти: *“На принятие нормативных актов, каких-то судьбоносных решений население влияния не оказывает. Это все осуществляется руками Администрации, поэтому, хотим мы, не хотим, но люди видят, прежде всего, Администрацию, даже депутаты остаются немного в тени”* (фокус-группа, представитель НКО).

В Красном-на-Волге картина выглядит оптимистичнее. *Состоятельными* оказались шесть из 15 институтов и механизмов: *институт национального согласия и веротерпимости, муниципального образования, работа правоохранительной системы и судебной власти*, а также механизмы *общественного контроля и поддержки гражданских инициатив*. На границе *состоятельности* оказалась оценка системы муниципальных выборов и механизма рассмотрения жалоб и обращений граждан. В числе *среднесостоятельных* оказались четыре института и механизма — *работа общественных и консультативных структур, механизмы противодействия коррупции и защиты частной собственности и работа системы первичного звена муниципального здравоохранения*.

Рисунок 4 (Figure 4)

**Состоятельность институтов и механизмов муниципальной публичной политики,
средняя оценка для трех групп. Городской округ Кострома, 2019 г.**
*Sustainability of Municipal Public Policy Institutions and Mechanisms,
Average Score for Three Groups. Kostroma Urban District, 2019*

Только два института оказались в этом городском поселении в разряде *несостоятельных* — *институт отстаивания общественных интересов и работа СМИ*. Последние попали в эту категорию по причине коммерческой прагматичности, что вызывает негативную реакцию местного сообщества. Низкая состоятельность института отстаивания общественных интересов на местном уровне выявила зарегламентированность этого чувствительного для местного сообщества института, требующего правовой согласованности всех уровней “властной вертикали”. Хорошая оценка деятельности системы первичного звена системы здравоохранения в Красном-на-Волге связана с тем, что за нее солидарно взялись как региональная власть, так и администрация района, где собралась новая команда муниципальных руководителей социального блока, сделавшая ставку на открытость работы с НКО-сектором и населением. Были активно задействованы консультативные механизмы привлечения гражданской инициативы, что лишний раз доказало — *публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом всегда выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к власти*.

Сложившийся тип МПП в Костромской области отличается свойствами государственного патернализма, с акцентом на ведущую роль административно-исполнительных органов власти и очевидного влияния региональной власти, что несколько ограничивает возможности местного самоуправления как института гражданского общества.

Анализ институционального дизайна МПП по критерию *состоятельности* в МО двух областей показал, что институты и механизмы, посредством которых *общество может влиять на местную власть*, не отличаются высокой дееспособностью, а инструменты, с помощью которых власть может управлять местным сообществом, напротив, доминируют. Качественный анализ выявил запрос представителей гражданской и деловой инициативы на улучшение функционирования институтов и механизмов публичного взаимодействия муниципальной власти и активных групп местного сообщества в направлении нарастания действенности диалоговых и переговорных площадок на местном уровне, усиления респонсивности муниципальной власти. В обследованных МО гражданское общество и деловая инициатива продемонстрировали готовность к ответственному участию в процессах управления МПП, формирования местной “повестки дня”, артикуляции интересов своих целевых групп. Власть этот гражданский и деловой потенциал пока существенно недоиспользует.

СУБЪЕКТНЫЙ СРЕЗ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Интересными моментами характеризуется субъектный потенциал МПП, который оценивался на основании *критерия функциональной успешности субъектов ППФ*⁵. Согласно этому критерию практически во всех четырех МО наблюдается одна и та же устойчивая тенденция: три актора — *профсоюзы, отделения федеральных политических партий и само население* (кроме МО Красное-на-Волге) — попадают в зону низкой функциональности. Причем хуже всего ситуация с оценкой функционала профсоюзов. Эта ситуация имеет системный характер. Практически во всех обследуемых 30 регионах РФ нам указывали на слабость и неэффективность деятельности именно *профсоюзов* [Никовская, Якимец 2012]. В условиях острого кризиса “официальные” профсоюзы, входящие в ФНПР, оказались в ряде случаев недееспособны, а альтернативные им — крайне малочисленны, и в силу этого слабы. Наемные работники в условиях угрозы увольнений или неоправданных сокращений заработной платы чувствовали себя экономически и социально не защищенными. Результаты ряда исследований показывают, что большинство россиян воспринимают профсоюзные организации как *зависимые* структуры — как слишком слабые, чтобы добиться от правительства и работодателей необходимого решения, либо как нейтральные.

Политические партии как институты публичной политики лишний раз доказали, что они являются пограничными институтами гражданского общества, созданы и функционируют, главным образом, в целях легитимной борьбы за политическую власть. На местном уровне они попросту потерялись: “*Я пытаюсь работать с партиями на территории и не могу. Их представителей просто невозможно собрать и вести конструктивный диалог*” (фокус-группа, Кострома, мун. власть). В электоральное “межсезонье” партии особо себя не проявляют, разве что за исключением

⁵ На основе рассчитанных значений функциональности все субъекты разбивались на три группы: *субъекты (акторы) высокой функциональности*, если более половины (50 %) респондентов от всех трех групп респондентов оценили их деятельность в 4 или 5 баллов; *субъекты (акторы) средней функциональности*, если от 33 до 50% респондентов дали оценки в 4 или 5 баллов; *субъекты низкой функциональности*, если до трети респондентов (33%) оценили их деятельность максимальными баллами (4 или 5).

доминантной партии “Единая Россия”, которая пытается как-то еще встроиться в горизонт общественной и гражданской активности местного сообщества.

Население как субъект МПП представлено диффузно и аморфно. Местное самоуправление так и не приобрело своего подлинного субъекта — сообщества граждан территории. Оно в субъектном смысле осталось распыленным, предпочитающим прямые встречи с руководством, обращения с жалобами, прямое информирование, т.е. традиционный набор средств и методов взаимодействия с местной властью. Гораздо выше оказалась активность институционализированных групп интересов граждан — через современно работающие НКО, городские общественные палаты, ассоциации малого и среднего бизнеса, ТПП и пр. Причины этого явления — в сохранении советских стереотипов, государственного патернализма и иждивенчества.

Население в целом, как показывают наши исследования, неплохо оценивает потенциал всей системы органов МСУ, но реальных стимулов для своего участия не видит. Интерес к активности население реально проявляет только тогда, когда видит и ощущает результаты своей деятельности. Иными словами, чем выше ресурсная база органов МСУ, его возможность влиять на происходящее в муниципальном образовании, а также чем больше информированность и включенность заинтересованных жителей, тем более выражена общественная активность населения. Это показал опыт работы представителей социального блока муниципальной власти Красного-на-Волге: они сделали ставку на полное информирование населения о локальных проблемах и привлечение заинтересованных граждан к их решению.

Исследование выявило зарождение сетевой публичной активности на местном уровне. Краудсорсинговые платформы (“Активный гражданин”, “Мой город”) уже зарекомендовали себя как достаточно успешные сервисы с использованием многочисленных обращений и волеизъявлений граждан по благоустройству столицы. Такого рода положительный опыт мы наблюдали на примере Ярославля (проект “Делаем вместе”), Костромы, когда через сетевые форматы решались точечные вопросы благоустройства дворов, улиц, парков. Но в Костроме этот формат пока не получил полного воплощения в силу неготовности большей части населения к такой сетевой активности, а в Ярославле проект был “подпорчен” прямолинейной привязкой его к избирательной конъюнктуре.

ОСЛАБЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Обобщая, отметим, что субъектный потенциал гражданской составляющей местного самоуправления в поле МПП реализуется слабо: *“Нет взаимодействия! Поэтому мы и говорим, что мэрия, работая в существующих условиях, не имеет желания и возможности учитывать мнение населения... Власть должна захотеть слышать свое население!”* (эксперт. сессия, Ярославль). За этим фактом стоят серьезные проблемы.

Существуют две основные модели местного самоуправления: *европейская континентальная* и *англосаксонская*. В первом случае местная власть является нижним звеном в системе органов государственной власти и подчинена вышестоящим уровням публичного управления. Во втором случае система МСУ выделяется из общей структуры государственной власти и приобретает некоторую автономность, так как формируется гражданами и действует, прежде всего, в их интересах.

Заложенная в Федеральном законе № 131-ФЗ англосаксонская по духу модель местного самоуправления, столкнувшись с российской реальностью, дала набор различных вариантов реализации. Но главное состояло в другом:

установка на автономизацию местного самоуправления от органов государственной власти фактически не сработала. Ее воплощение попало в ловушку амбивалентного противоречия между тенденцией на усиление монолита “вертикали власти”, ее централизации, и попыткой сохранить принцип гражданского плюрализма. Победила тенденция *централизации власти*. Это обусловило укрепление единой вертикали государственности, повышение управляемости в административно-бюрократическом формате.

Укрепление централизации политико-властной системы потребовало сохранения, воспроизводства и усиления соподчиненности органов местного самоуправления и постепенной консолидации ресурсов влияния на более высоких уровнях власти. Существенную роль в этом отношении сыграл принятый в 2014 г. Федеральный закон № 136-ФЗ “О внесении изменений в статью 263 Федерального закона ‘Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации’” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”, которым вводится институт “перераспределения полномочий” между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов РФ. Такое перераспределение полномочий теперь может осуществляться законами субъектов РФ. И, согласно Докладу о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации, подготовленному исследователями РАНХиГС [Доклад о состоянии местного самоуправления... 2016: 11], в 40 субъектах РФ были приняты законы о перераспределении полномочий в пользу субъектов РФ: в 2015 г. эти законы затронули 3 200 муниципальных образований в 28 субъектах РФ, в 2016 г. — 5 200 муниципальных образований в 39 субъектах РФ.

В ряде субъектов РФ были реализованы “масштабные проекты по перераспределению полномочий”. Так, в Московской области законом от 24 июля 2014 г. № 106/2014-ОЗ “О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления муниципальных образований Московской области и органами государственной власти Московской области” у городских поселений было изъято 19 полномочий, у сельских поселений — 7, у муниципальных районов — 23, у муниципальных округов — 21 полномочие.

Концепция и практика перераспределения полномочий вошла в серьезный конфликт с конституционным положением о самостоятельности институтов местного самоуправления. По сути, мы наблюдаем постепенное встраивание органов местного самоуправления в вертикаль власти. Многие эксперты констатировали, что после принятия закона власть утерьяла свойство полноценно решать проблемы, реально задевающие интересы людей: *“Самый страшный ужас сотрудника органа муниципальной власти — прийти к общественности, выслушать ее и понять, что ты не можешь удовлетворить все то, что хотят от тебя люди, к которым ты пришел. Этот механизм требует правовой согласованности действий всех уровней и органов ‘властной вертикали’ и поэтому, чтобы удовлетворить запрос населения по проблеме общедомового имущества (ОДИ) многоквартирных домов, нам пришлось много поработать... Почему власти не идут к народу? Потому что ты идешь к народу и понимаешь, что нет быстрых способов и механизмов, чтобы помочь реализовать этот запрос, правовые рамки очень медленно меняются...”* (интервью руководителя департамента муниц. власти, Кострома).

Закономерно повсеместное во всех четырех МО попадание *института отстаивания и реализации общественных интересов* в разряд несостоятельных, поскольку ресурсы и властные рычаги оказались по факту сконцентрирова-

ны в руках региональных властей, а также зависимых от них руководителей районов. Местное (прежде всего городское) руководство было во многом лишено достаточных стимулов и возможностей для эффективного управления территорией, а население практически лишено мотивации активно участвовать в самоуправлении: *“Государство в принципе сформировало такую систему управления и финансового обеспечения принимаемых решений и полномочий, что каждая нижняя ветвь власти или местного самоуправления не имеет возможности эти полномочия реализовывать. С одной стороны, политика федералов понятна, но с другой стороны, у нас пропадает конкуренция за принятие решения!.. Эта реформа давно идет, и полномочия забирают на уровень выше, и мы к чему сейчас приходим, по сути? К тому, что городская власть становится ‘городским дворником’, потому что, по сути, остались единственные полноценные полномочия — проблемы благоустройства территории”* (эксперт. сессия, Ярославль).

Общий замысел реформы местного самоуправления, ее декларируемые базовые принципы имели бесспорно позитивный характер. Практическая же реализация Федерального закона № 131-ФЗ выявила множество нерешенных проблем и коллизий, которые чаще всего прятались в деталях. Поэтому в Закон было внесено более 600 поправок. Как отмечалось в аналитической записке Комитета по вопросам местного самоуправления Государственной Думы РФ, “выработанные европейским опытом принципы децентрализации управления, subsidiarity, самоорганизации граждан для решения вопросов местного значения еще не вполне адекватно отражены в российском законодательстве. Практика тоже отходит от представления о местном самоуправлении как институте гражданского общества. Зачастую она сводится к организации режима власти, обеспечивающего личные или корпоративные интересы, следовательно, искажает саму демократическую природу местного самоуправления” [Материалы... 2003].

Ситуацию усугубила отмена прямых выборов глав муниципальных образований, которая приобрела массовый характер после 2014 г., когда поправки в законодательство позволили регионам самостоятельно определять форму избрания глав муниципалитетов. По данным Минюста, к марту 2018 г. из 588 городских округов прямые выборы мэра остались только в 65 (11%), что больше, чем в 2017. Похоже, авторы реформы стали осознавать, что слишком “переадминистрировали” с принципом выборности и решили несколько отыграть назад⁶. Прямые выборы мэров, как показывают исследования, повышают респонсивность властей на запросы граждан, заставляют больше средств и времени тратить на решения проблем, связанных с созданием общественных благ на территории. Более того, в восприятии российского общества принцип выборности муниципальной власти оценивается как очень значимый. Как показали данные исследований ИС РАН российского общества за пятилетний период с 2014 по 2018 гг., 39% опрошенных респондентов считают очень важным выборность власти, а 41% — скорее важным [Двадцать пять лет... 2018: 170].

Многие исследователи отмечали постепенные изменения в системе публичной власти, сопровождающиеся централизацией полномочий на федеральном уровне и уровне субъектов РФ, что приводило к сужению не только политической автономии органов местного самоуправления, но и появлению рисков для развития локальных демократических институтов: эмпирические исследования свидетельствовали о фрагментарной включенности акторов гражданского общества (в силу отсутствия механизмов артикуляции интере-

⁶ Шкель С. Не встроились в вертикаль. К чему привела отмена выборов мэров в России. — Республика, 22.01.2019. URL: <https://republic.ru/posts/92886> (accessed 17.06.2020).

сов), неспособности вновь образованных низовых управленческих структур эффективно решать вопросы местного значения (в силу недостаточного ресурсного обеспечения и кадрового дефицита на поселенческом уровне), низком уровне политического участия.

В 2018 г. встраивание российских муниципалитетов в единую властную вертикаль фактически завершилось, выборность мэров ушла в прошлое. Власти утверждали, что отмена всенародных выборов глав муниципалитетов повысит эффективность управления, поскольку избранные градоначальники были независимы от региональной власти и пренебрегали принципами подчинения, исходящими “сверху”. Предполагалось, что “согласование” кандидатуры будущего мэра с региональной властью повысит координацию на разных уровнях власти и снизит конфликты между ними. Но на деле последствия централизации оказались неоднозначными и выхолащивающими гражданскую суть института МСУ. Большинство участников экспертных сессий в муниципальных образованиях обозначили природу складывающейся муниципальной власти как “реверсивную”, утрачивающую свойства конкурентности и субсидиарности. Во всех четырех МО мы наблюдаем снижение качества межсекторного социального партнерства, его ослабление в силу большей “заточенности” органов МСУ не на гражданскую составляющую своего функционирования, а на административную: *“У нас большая проблема: общественное мнение и общественные инициативы абсолютно на нулевом уровне, и они не поддерживаются властью и власть разделена с обществом”* (эксперт. сессия, Ярославль).

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА НА СТАРТЕ ФОРМИРОВАНИЯ

В ходе проекта во всех четырех МО установлено, что пока воспроизводится модель государственного патернализма, когда социально значимые решения принимаются в “режиме консультаций”, при активном контроле государственно-административных структур. Институты МСУ в этих МО стали заложниками неэффективности модели управления в формате “приводных ремней” вертикали управления. В процессе постоянных “реформенных мероприятий” региональным властям удалось перехватить инициативу в переформатировании содержательной сути местного самоуправления, они сумели ограничить самостоятельность муниципалитетов и встроить их в подчиненные им административно-властные вертикали. Результаты исследований ИС РАН подтверждают, что на протяжении всего постсоветского периода постоянно воспроизводился разрыв между “доктринальными представлениями и реальной организацией власти на местном уровне. Идея демократизации через развитие самоуправления, которое изначально понималось максимально широко, к началу 1990-х годов была редуцирована к значительно более узкому понятию ‘местное самоуправление’...” [Двадцать пять лет... 2018: 169]. Иными словами, авторы конституционных положений о МСУ в 1993 г. мечтали о формировании “чувства хозяина” на территории, а реальная практика воспроизвела модель “придатка” вертикали власти.

Муниципальная публичная политика в российском измерении пока находится в неразвитом состоянии, с явной асимметрией социальных интересов основных социальных акторов: запросы малого и среднего бизнеса реализуются не в полной мере, что показали его критичные оценки действенности институтов и механизмов публичного взаимодействия с местной властью; субъектные возможности современных НКО также явно недоиспользуются,

они слабо встроены в механизм принятия социально-значимых решений на муниципальном уровне. А ведь на локальном уровне за короткое время сформировался слой значимых социальных “игроков”, показавший способности на выдвижение и реализацию муниципальной “повестки дня”, формирование механизмов общественного диалога, сохранения и преумножения человеческого и социального капиталов.

Многие дисфункции в жизнедеятельности местных сообществ могут быть сняты за счет активного и умного сотрудничества власти с гражданскими и деловыми инициативами, целенаправленной работы соответствующих отделов муниципальных органов власти по вовлечению местной активности в региональные и федеральные проекты, развития социального капитала, своевременной диагностики и “снятия” проблемных узлов публичного взаимодействия. Локальный опыт решения острой проблемы с организацией первичного звена здравоохранения в Красном-на-Волге доказал результативность даже в условиях ограниченных ресурсов. Проблема была диагностирована, публично озвучена и встроена в формат проектного решения всех уровней власти при активном участии общественного сектора района. Там, где местные власти сочли проблемы “первички” в системе здравоохранения не зоной своей ответственности, больше всего и зрело социальное недовольство, поскольку МПП по своей природе не признает ведомственных и административных барьеров, а требует целенаправленной работы по преодолению асимметрии секторных и уровней властных дисбалансов.

Исследование показало, что степень и качество публичной политики на местном уровне является важным фактором, определяющим социальное равновесие и стабильность локального порядка и местного сообщества. Публичный принцип взаимодействия с гражданским обществом выступает существенным ресурсом развития территорий и формирования доверия к деятельности власти, создавая условия для общественного диалога и решения социально значимых проблем. Это снижает социальную напряженность и переключает социальную энергию в созидательное русло.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.04

MUNICIPAL PUBLIC POLICY: THE VIABILITY OF ITS INSTITUTIONS AND SUBJECTS (The Cases of Kostroma and Yaroslavl)

L.I. Nikovskaya^{1,3}, V.N. Yakimets^{2,3}

¹ *Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

² *Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

³ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). Moscow, Russia*

NIKOVSKAYA, Larissa Igorevna, Dr. Sci. (Soc.), Principal Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, email: nikovsky@inbox.ru; **YAKIMETS, Vladimir Nikolaevich**, Dr. Sci. (Soc.), Principal Researcher, Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, email: iakimets@mail.ru

Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Municipal Public Policy: The Viability of its Institutions and Subjects (The Cases of Kostroma and Yaroslavl). — Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 38-56. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.04>

Received: 18.06.2020. Accepted: 11.11.2020

Abstract. This article describes the findings of a study into the municipal public policy (MPP) of four municipal entities (ME) in the Kostroma and Yaroslavl regions. The focus of MPP is placed on the peculiarities of local properties oriented around social order, based on the balance of interests between major local community social groups and local authorities, cross-sector partnerships, and the principles of the coordination of interests for the common good of development on the territory. On this basis, the typological features of MPP are studied. It is shown that in Kostroma (an urban district) a centered-type MPP has formed, albeit with a certain tendency to break. In Krasnoe-on-Volga (another urban settlement) an MPP with potential breakage has instead formed. Yaroslavl is characterized by its balanced MPP. In Rostov Veliky, the MPP's properties stand out to a large extent due to their fragmentary nature. In general, there is a tendency that the less pronounced the level of socio-economic development of a municipality and the degree of its urbanization, the lower the quality of public interaction between the three sectors of the local community. Based on the index approach, the analysis of the features of institutions and mechanisms of MPP in four municipalities – according to the criterion of the viability of the necessary institutions – is presented. An indicator to show the completeness of the functional of actors and subjects of MPP is introduced, and the features of the subject activities at the municipal level are studied in four MEs. The nature of the existing MPPs in the analysed municipalities is characterized by state paternalism, which somewhat limits the possibilities of local self-government as an institutions of civil society.

Keywords: municipal public policy, local self-government, institutions and mechanisms, subjects and actors, solvency, subject functionality, index estimates.

References

- Anderson J.E. 2003. *Public Policymaking: An Introduction*. Boston: Houghton Mifflin Company. P. 1-34.
- Capano G. 2009. Introduction: The Multidimensional World of Policy Dynamics. — *European and North American Policy Change: Drivers and Dynamics*. Ed. by G. Capano, M. Howlett. London: Routledge. P. 1-12. <https://doi.org/10.4324/9780203875810>
- Friedberg E. 2015. *Le Pouvoir et la Règle. Dynamiques de l'action organisée*. Paris: SEUIL. 329 p.
- Fung A. 2006. Varieties of Participation in Complex Governance. — *Public Administration Review*. Vol. 66. No. 1. P. 66-75. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6210.2006.00667.x>
- Habermas and the Public Sphere*. 1992. Ed. by C. Calhoun. Cambridge: The MIT Press. 485 p.
- Heidenheimer A.J. 1990. *Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe, and Japan*. New York: St. Martin's Press. 416 p.
- Muller P., Surel Y. 1998. *L'analyse des politiques publiques*. Paris: Montchrestien. 153 p.
- Anderson J. 2008. Publichnaya politika: Vvedenie [Public Policy: Introduction]. — *Publichnaya politika: ot teorii k praktike* [Public Policy: From Theory to Practice]. Saint Petersburg: Aletheia. P.11-34. (In Russ.)
- Belyayeva N.Yu. 2011. Evolution of the Concept of Public Policy: Attention for “Motive Forces” and for Governing Entities. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 72-87. (In Russ.)
- Doklad o sostoyanii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii: sovremennyye vyzovy i perspektivy razvitiya [Report on the State of Local Self-Government in the Russian Federation: Current Challenges and Development Prospects]. 2016. Moscow: RANEPa, NRU HSE. (In Russ.)
- Dvadsat' pyat' let sotsial'nykh transformatsii v otsenkakh i suzheniyakh rossiyan: opyt sotsiologicheskogo analiza* [Twenty-Five Years of Social Transformations in the Assessments and Judgments of Russians: Experience in Sociological Analysis]. 2018. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir. 384 p. (In Russ.)
- Materials of Parliamentary Hearings on the Topic: on the Draft Federal Law “On General Principles of Local Self-government Organization in the Russian Federation” on April 3, 2003, 2003. — *Analiticheskiy vestnik*. No. 22. Part II. Series “State Building and Constitutional Rights of Citizens”. (In Russ.)
- Miroshnichenko I.V. 2015. Publichnaya politika kak slozhnosostavnoy kontsept politicheskoy nauki [Public Policy as a Complex Concept of Political Science]. — *Sovremennaya politicheskaya real'nost' i gosudarstvo: slozhnye metody issledovaniya* [Modern Political Reality and the State: Complex Research Methods]. Krasnodar: Kuban State University. P. 31-49. (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. Publichnaya politika kak indikator vzaimodeystviya vlasti i obshchestva (po rezul'tatam monitoringa publichnoy politiki v regionakh Rossii) [Public Policy as an Indicator of Interaction Between Government and Society (Based on the Results of Monitoring Public Policy in Russian Regions)]. — *Political Expertise Journal*. 2012. Vol. 8. No. 4. P. 125-142. (In Russ.)

Publichnaya politika: instituty, tsifrovizatsiya, razvitiye [Public Policy: Institutions, Digitalization, Development. Ed. by L.V. Smorgunov]. 2018. Moscow: Aspect press. 384 p. (In Russ.)

Ritter M. 2011. Publichnaya sfera kak ideal politicheskoy kul'tury [The Public Sphere as an Ideal of Political Culture]. — *Grazhdane i vlast': problemy i podkhody* [Citizens and Government: Problems and Approaches]. Saint Petersburg: Letniy Sad. P. 38-45. (In Russ.)

Smorgunov L.V. 2018. Problemy вовлечения v publichnost' [Problems of Engaging in Publicity]. — *Sotrudnichestvo v publichnoy politike i upravlenii* [Cooperation in Public Policy and Management]. Ed. by L.V. Smorgunov. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University. P. 35-38. (In Russ.)

Sungurov A.Yu. 2017. Public Policy: Basic Directions of Research (World and Russian Experience). — *Publichnaya politika*. No. 1. P. 8-28. (In Russ.)

Yakimets V.N. 2008. Indeks dlya otsenki i monitoringa publichnoy politiki [Index for Estimating and Monitoring of Public Policy]. — *Publichnoe prostranstvo, grazhdanskoe obshchestvo i vlast': opyt razvitiya i vzaimodeystviya* [Public Space, Civil Society and Power]. Moscow: RPSA, POSSPEN. P. 107-121.

Zheltoy V.V., Zheltov M.V. 2009. Publichnaya politika [Public Policy]. — *Politicheskaya sotsiologiya* [Political Sociology]. Moscow: Akademicheskii projekt. 638 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

Андерсон Дж. 2008. Публичная политика: Введение. — *Публичная политика: от теории к практике*. СПб.: Алетейя. С. 11-34.

Беляева Н.Ю. 2011. Развитие концепта публичной политики: внимание движущим силам и управляющим субъектам. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 72-87.

Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа. 2018. Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир. 384 с.

Доклад о состоянии местного самоуправления в Российской Федерации: современные вызовы и перспективы развития. 2016. М.: РАНХиГС, НИУ ВШЭ.

Желтов В.В., Желтов М.В. 2009. Публичная политика. — *Политическая социология*. М.: Академический проект. 638 с.

Материалы парламентских слушаний на тему: О проекте федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ” 3 апреля 2003 г. 2003. — *Аналитический вестник*. Вып. 22. Ч. II. Серия: Государственное строительство и конституционные права граждан.

Мирошниченко И.В. 2015. Публичная политика как сложносоставной концепт политической науки. — *Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследования*. Краснодар: КубГУ. 2015. С. 31-49.

Никовская Л.И., Якимец В.Н. 2012. Публичная политика как индикатор взаимодействия власти и общества (по результатам мониторинга публичной политики в регионах России). — *ПОЛИТЭК. Политическая экспертиза*. Т. 8. № 4. С. 125-142.

Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. 2018. Под ред. Л.В. Сморгунуова. М.: Аспект Пресс. 384 с.

Риттер М. 2001. Публичная сфера как идеал политической культуры. — *Граждане и власть: проблемы и подходы*. СПб.: Летний Сад. С. 38-45.

Сморгунуов Л.В. 2018. Проблемы вовлечения в публичность. — *Сотрудничество в публичной политике и управлении*. Под ред. Л.В. Сморгунуова. Изд-во СПбГУ. С. 35-38.

Сунгуров А.Ю. 2017. Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт). — *Публичная политика*. № 1. С. 8-28.

Якимец В.Н. 2008. Индекс для оценки и мониторинга публичной политики. — *Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия*. М.: РАПН, РОССПЭН. С. 107-121.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.05

СОВРЕМЕННЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: СТРУКТУРНЫЕ РЕАЛИИ И СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

И.А. Сафранчук, Ф.А. Лукьянов

САФРАНЧУК Иван Алексеевич, кандидат политических наук, директор Центра евроазиатских исследований Института международных исследований, МГИМО МИД России; доцент департамента международных отношений, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: i.safranchuk@inno.mgimo.ru; **ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович**, профессор-исследователь, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: flukyanov@hse.ru

Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав. — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 57-76. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05>

Сафранчуком И.А. статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-04.

Статья поступила в редакцию: 20.02.2021. Принята к публикации: 15.03.2021

Аннотация. Статья предлагает рассматривать существующий мировой порядок, т.е. систему взаимодействия ключевых мировых и региональных игроков, не как переходную, а как устойчивую. Авторы исходят из того, что в последние тридцать лет в мире имели место серьезные трансформации, связанные с изменением материального положения многих стран: в результате сложился обновленный состав значимых мировых и региональных игроков. Это формирует новый, полицентричный *hardware* мировой системы. Ее *software* определяется современными структурными реалиями, которые авторы концептуализируют как сочетание материальной глобальности и идейной негомогенности: второе подталкивает к конкуренции, первое задает ограничения для масштабов ее эскалации. Выделяются формы конкуренции между ведущими державами, которые служат заменой открытому конфликту: не прямое воздействие на конкурентов и управляемое столкновение интересов. Модальность такой конкуренции исключает реализацию неолиберальных, институциональных построений, но в ней также оказывается невозможно зафиксировать баланс сил, как предписывают неореалисты. В результате имеет место и не *win-win*, и не *win-lose* взаимодействие главных игроков. Авторы концептуализируют современную конкуренцию в терминах “дилеммы заключенного” — как *lose — not-lose*, а международное взаимодействие в рамках такой конкуренции как построение гибких коалиций в модальности *not-lose — not-lose*, соответственно объединяющих тех, кто не заинтересован в проигрыше друг друга.

Ключевые слова: мировой порядок, сотрудничество, соперничество, глобализация, международные отношения.

Последние три десятилетия состояние мира обозначали в западной литературе как переходное — от биполярного к другому мировому порядку. Характеристики последнего корректировались, но в целом с конца 1980-х до первой половины 2010-х годов общепринятым было представление о неизбежности какой-то формы доминирования Запада в рамках “либерального мирового порядка”.

Понимание проблем, которые затягивают “переходный” статус, несколько раз менялось. В середине и второй половине 1990-х годов в центре внимания был экономический и политический транзит посткоммунистических режимов, от скорости которого зависело окончательное торжество западоцентричного мира [Huntington 1991; Przeworski 1991; Carothers 2002]. Потом много внимания уделяли темам несостоятельных государств [Harvey 2003; Ikenberry, Rotberg 2004; Newman 2009; Acemoglu, Robinson 2012], “стран-изгоев” [Lake 1994; Derrida 2005; O’Reilly 2007] и международного терроризма [Mann 2003; Barber 2004; Ferguson 2005; Tellis 2004; Hindle, Schmid 2009]. Затем внимание постепенно переключилось на возвышающиеся державы, новых лидеров, чей голос на международной арене уже нельзя было игнорировать. Соответственно, параметры их участия в мировой системе становились предметом дискуссий в контексте либо фрирайдерства (*free-riding*) (злоупотребления международной системой для получения односторонних преимуществ), либо даже ревизионизма, т.е. использования своего значимого положения для пересмотра кодифицированных или некодифицированных правил и нормативных установок международных отношений [Tammen et al. 2000; Davidson 2016; Schweller 2015]. Впрочем, возвышение новых держав способствовало и дискуссиям многосторонности и многополярности современного мира [Sakwa 2020]. По мере роста Китая в отдельную тему выделилась проблема “гегемона” и “претендента”, т.е. смены наиболее сильной державы современного мира, для нее стала широко использоваться метафора “ловушки Фукидида” [Allison 2015], что вело к дискуссиям, с одной стороны, о значимости незападных игроков и незападного мира [Popov, Dutkiewicz 2017; Цыганков 2020], а с другой, об обновлении отношений между великими державами в треугольнике Россия – Китай – США [Грэм 2020; Graham 2020].

На концептуальном уровне главный спор все это время шел между неолибералами и неореалистами, которые, интерпретируя текущие события со своих теоретических позиций, ожидали их реализации по итогам переходного периода. Таким образом, современные мировые дела и поведение ведущих держав либо описывались с точки зрения какого-то из теоретических подходов – реальность вписывалась в теорию, либо объявлялось, как необходимо изменить реальность с позиций одной из теорий, чтобы сократить переходную стадию и быстрее прийти к соответствующему теоретическому идеалу.

Основные школы во многом остаются в режиме ожидания будущей реализации своих программ. Одни уверены, что их подходу нет разумной альтернативы, либералом надо быть хотя бы из страха (*liberalism of fear*): ничем не ограниченная сила слишком опасна в современном мире, но институциональный либерализм “дает надежду на будущее вкупе с институциональными предохранителями, чтобы не допустить упадок” [Keohane 2012: 136]. Другие уверены, что “большой проект” (*grand design*) либералов – иллюзия, и попытки претворить ее в жизнь мешают складыванию нормального реалистского мира [Mearsheimer 2018, 2019].

Российское научно-экспертное сообщество вносило свой вклад в изучение обозначенных выше ключевых тем интеллектуального контекста мировой политики [Lukin 1999; Melville 2000; Naumkin 2005; Safranchuk 2018; Шаклеина 2019; Истомин, Байков 2019; Денисов 2020; Sushentsov, Wohlforth 2020], но также давало и свои оригинальные трактовки самой

категории мирового порядка и особенностей его формирования в разные периоды [Никонов 2002; Богатуров 2002; Косолапов 2002; Баталов 2003; Барановский 2010; Арбатов 2014; Симония, Торкунов 2015; Цыганков 2018; Кортунов 2016; Войтоловский 2019; Барановский 2019; Караганов 2019; Дынкин, Телегина 2020]. У российских ученых преобладало неприятие западноцентричных взглядов на мировой порядок. При этом, не разделяя западные представления о желательности (тем более неизбежности) универсального либерального миропорядка и/или не веря в его возможность, российские ученые расходились во мнениях о том, как России себя вести в условиях практических попыток установить либеральный миропорядок, по-разному они видели и альтернативу западноцентричному либеральному миропорядку. При этом у российских экспертов, как и у их западных коллег, преобладало отношение к настоящему как к чему-то переходному.

Во многом соглашаясь, что миропорядок находится в транзитной стадии, российские и западные ученые расходились в том, что является конечным пунктом этого “транзита”, и даже в его направлении. А в последние годы и те, и другие все чаще говорят об обрушении или осыпании миропорядка.

В настоящей статье принят иной подход. Ожидания формирования гармоничного мирового порядка, распространенные на исходе и сразу после завершения холодной войны, не оправдались. Впрочем, само по себе отсутствие такового не позволяет говорить о переходном состоянии современного мира. Авторы исходят из того, что значительные перемены уже произошли, а то, что имеет место сейчас, — не преддверие чего-то и не переходный период, который интересен исключительно тем, что наступит за ним. Сложившиеся материальные реалии и нормативные установки в совокупности формируют мировой порядок — систему взаимоотношений ведущих государств, причем достаточно стабильную, т.е. воспроизводящуюся. Исследовательская цель данной статьи — разбор нынешней реальности, установление закономерностей и причинно-следственных связей, т.е. концептуализация современного состояния (и попутно верификация и уточнение положений основных теорий, ключевые положения которых сработали не совсем так, как предполагалось).

59

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА В КОНЦЕ XX И НАЧАЛЕ XXI вв.

Ко времени окончания холодной войны ключевые авторы теорий международных отношений подошли с представлениями, в рамках которых появление американской супергегемонии, которое вскоре произошло, считалось невозможным.

Либералы в начале 1970-х годов концептуализировали размышления о том, что послужило причиной упадка в межвоенный период, а что сделало возможным успешное развитие после Второй мировой войны. Они приходили к выводу, что международный хаос 1930-х годов был связан с отсутствием государства-гегемона: не было державы, способной поддерживать правила и порядок, это привело к депрессии и мировой войне. Лидерская же роль США после 1945 г., их вклад в организацию международного сотрудничества сделали вторую половину XX в. временем экономического роста и развития демократии. Для классических либералов, признававших функционально положительную роль гегемона, было важно, чтобы последний наполнял свое лидерство

правильным, с их точки зрения, содержанием — поощрял сотрудничество, способствовал социальному прогрессу и т.д. Однако с середины 1960-х годов развернулась дискуссия о феномене взаимозависимости как одном из следствий развития международного сотрудничества [Cooper 1968; Young 1969], еще интенсивнее она стала в 1970-х [Keohane, Nye 1977; Transnational Relations... 1972]. Либеральные авторы прослеживали трансформацию взаимосвязанности (*interconnectedness*) во взаимозависимость (*interdependence*), придавая последней новые качества.

Государства и негосударственные игроки в значительной степени испытывают на себе последствия событий в других государствах или в международной системе в целом (связи без последствий — это взаимосвязанность, а не взаимозависимость), в таких последствиях есть взаимность, но не обязательно симметричность. Для крупных игроков подобные последствия, т.е. уязвимость к внешним эффектам, признавалась более высокой. Из этого следовало, что крупные державы относительно слабеют, утрачивая власть над мировыми делами. Одних это вело к “теории средних держав”, согласно которой роль тех, кто раньше был в тени “больших”, возрастет, у них появится свобода действий и возможность проявить себя [Holbraad 1984; Wood 1987; Higgott, Cooper 1990] (в дальнейшем их роль в мировых делах действительно возрастала, становились более значимыми их двусторонние отношения [Пятаков 2020]). Но магистральная либеральная мысль заключалась в том, что гегемонистический порядок становится невозможен, значит для реализации либеральных нормативных установок необходимы иные средства, а именно — международные институты, нормы, правила. Все вместе они создавали бы самоподдерживающуюся и саморазвивающуюся систему, которая вовлекала бы всех и не нуждалась в могущественном и “идейно правильном” гаранте. С оформлением таких взглядов [Keohane 1984] классический либерализм, как считается, трансформировался настолько существенно, что стал “новым”, неолиберализмом (или институциональным либерализмом).

Реалисты полагали, что взаимозависимость не ведет к качественным изменениям. Они рассматривали международные институты как инструменты политики государств и не считали, что власть сильных ослабевает [Waltz 1970; Rosecrance, Stein 1973]. Государства одинаковы в устремлениях, но различаются в возможностях, и структурное распределение возможностей как раз ведет к соперничеству, а не к сотрудничеству (с оформлением таких взглядов реалисты тоже стали “новыми”). Поэтому тяга к гегемонии ради обеспечения собственной безопасности [Waltz 1979] или ради власти над другими [Mearsheimer 2001] оказывается естественной для государств. Но поскольку также естественным образом устремления одних встречают сопротивление других, формируются балансы сил, которые исключают на практике абсолютную, общемировую гегемонию. К концу 1980-х годов реалисты ожидали относительного ослабления США и превращения их в один из ключевых центров многополярного мира [Kennedy 1988], а не в супергегемона.

На деле с окончанием холодной войны США получили гигантское материальное и идейное превосходство. И в таких условиях, вопреки теоретическим построениям неореалистов, распределение возможностей и сил стало настолько асимметричным в пользу Соединенных Штатов, что это демотивировало других игроков от соперничества с ними. Все, кроме тех, кто

не имел никаких возможностей договориться с США (так называемые государства-изгои), старались вписаться в систему с американским лидерством, ужиться с американским превосходством, а не уравновешивать и тем более не оспаривать его¹. Мировой лидер-гегемон и поддерживаемый им порядок воплотились на практике. Это противоречило теоретическим выкладкам неолибералов о том, что в условиях взаимозависимости такое невозможно. Превосходство Соединенных Штатов и их способность влиять на мировые дела были столь существенны, что это перебивало эффект ограничения силы вследствие взаимозависимости.

В дальнейшем обе теории в некоторой степени подстраивались под реалии американского превосходства.

Среди неолибералов популярность обрели идеи, что американское лидерство можно поддерживать новым набором средств, так называемой мягкой силой. При первом представлении этой идеи [Nye 1990] она не получила широкого признания, оставаясь в тени и неолиберальной интерпретации постгегемонизма, и неореалистской интерпретации баланса сил как естественного препятствия для мировой гегемонии. Но в дальнейшем мягкая сила вышла у неолибералов на первый план и в начале 2000-х годов была полностью оформлена в самостоятельную концепцию [Nye 2004]. Будучи изначально описанием именно американского инструментария для эры после доминирования традиционной силы, концепция мягкой силы вскоре превратилась в рекомендуемую всем остальным сферу конкуренции. Хотя Дж. Най изначально считал, что мягкая сила приходит как бы после жесткой (с помощью “мягкой” можно добиться того, чего нельзя добиться “жесткой”, но это не значит, что “мягкой” можно получить то же, что и “жесткой”), а вскоре стал ставить их в комплекс — “умная сила” (т.е. не после, а вместе) [Nye 2009], широкое распространение получили взгляды, что мягкая сила — это вместо “жесткой”. В такой интерпретации особенно концептуализация мягкой силы как главного направления международного соперничества в XXI в. подразумевала, что именно Америка имеет заведомую фору в этом соперничестве, ибо потенциал ее “мягкой силы” количественно и качественно превосходил всех остальных.

Среди неореалистов примерно в то же время получила распространение так называемая наступательная версия их школы [Mearsheimer 2001]. Тем самым оба теоретические подхода либо объясняли (как свойственно объективистски настроенным реалистам), что же происходит с американской внешней политикой, либо рекомендовали (как свойственно нормативистски настроенным либералам), что с ней делать. Но они все равно оставались на своих базовых позициях по принципиальным вопросам. Реалисты считали, что мировая гегемония невозможна, даже если стремление к ней естественно, поэтому должны складываться балансы сил. А либералы полагали, что США надо постепенно передавать свою власть над мировыми делами международным институтам [Bhagwati 2004; Drucker 1999; Soros 2004], а самим в долгосрочной перспективе отходить в сторону [Nye 2003]². Таким образом,

¹ Не только для России, но и для всего мира это хорошо было концептуализировано в подходе “плюралистической однополярности” [Богатуров 1996, 2002].

² При этом в рамках неолиберального направления на протяжении десятилетий последовательно подтверждается и базовая либеральная идея: “хороший” гегемон — это гарант международного сотрудничества, открытости и стабильности системы [Keohane 1984; Nye 1990; Ikenberry 2001, 2018].

по принципиальным вопросам оба основных теоретических подхода ожидали реализации своих программ в будущем, реалии же современного мира интерпретировали с точки зрения того, насколько они реализуются, а не анализировали мир таким, как он есть.

Мир же менялся. В результате коллапса биполярной системы в начале XXI в. произошли значительные структурные трансформации. Ряд государств совершили материальный прорыв. Это, прежде всего, Китай и Индия. После временного ослабления вернула свои возможности Россия. Но и другие страны БРИКС и “Большой двадцатки” сделали заметные шаги вперед [Denisov et al. 2019]. Экономическая значимость этих игроков почти всегда подкреплена военным потенциалом: на пятнадцать государств “Большой двадцатки” приходится около 80% всех мировых военных расходов. Сложился круг тех, кого можно назвать обновленным составом ведущих мировых игроков, в прежней терминологии — великих держав (Россия, США, Китай, Индия, ЕС в целом), и значимыми региональными державами, способными оказывать влияние, хотя и в разной степени, на общемировую повестку (Германия, Франция, Великобритания, Япония, Республика Корея, Турция, Саудовская Аравия, Иран, Бразилия, Австралия).

Сформировался, образно говоря, новый *hardware* мировой системы [Лукьянов и др. 2020: 20-21]. Во многом это именно тот “материал”, который ожидали получить и неореалисты, и неолибералы, т.е. мир без полного американского доминирования, глобально взаимозависимый, на что обращали внимание неолибералы, и структурно многополярный, на что указывали неореалисты. Таким образом, в наличии *hardware* мировой системы — материальная, физическая полицентричность. Однако нет того *software*, неизбежность и/или желательность создания которого обосновывают две основные теоретические школы.

Ведущие мировые игроки далеки от того, чтобы доверить свою судьбу международным институтам и режимам, как предписывает неолиберализм. Но они также не признают и не фиксируют балансы сил, которые становились бы фундаментом для стабильности, а их поддержание — базой для сотрудничества, как должны были бы делать в соответствии с неореалистским подходом.

НОВЫЕ СТРУКТУРНЫЕ РЕАЛИИ: ГЛОБАЛЬНЫЙ НЕЦЕЛОСТНЫЙ МИР

То явление, которое к концу XX в. стали называть глобализацией после нескольких десятилетий дискуссий о растущей взаимозависимости мира, ее нового (или не вполне) качества, можно в более широком контексте считать слиянием двух процессов, которые на протяжении двух-трех предыдущих веков развивались взаимосвязано. А именно — повышение физической связанности мира (материальной глобализации) и увеличение его идеаторной цельности (идейной гомогенности, универсализации). Процессы не были линейными, нередко происходило то, что разобщало народы — прерывало между ними физические связи, противопоставляло их идейно. Но в конечном счете все наиболее значимые политико-экономические и социальные потрясения, будь то колониализм или итоги больших войн, способствовали формированию общей мировой экономической и политической системы, повышали связанность мира [Chanda 2008].

Обмен идеями не был симметричным. Сильные и победители навязывали свои мировоззренческие установки тем, над кем получали контроль или влияние. Однако те, кто слабее, и сами не гнушались заимствовать у более сильных.

Прежде всего речь шла о заимствованиях материальных, но нередко они переплетались с заимствованиями мировоззренческими. Реципиенты пытались разделить эти два вида заимствований; например, весь XIX в. в Османской империи шли дебаты о том, как перенять только военно-технические, материальные достижения Запада без его социальных и политических практик [Lewis 2002: 82-95]. Но в середине XX в. теория модернизации обосновала взаимосвязанность материального развития и широкой социальной модернизации [Lipset 1960: 45-76]. Холодная война, хотя и разделила мир на два враждующих лагеря, тоже внесла вклад в универсализацию. Обе системы претендовали на универсальность и распространяли свои экономические, а также связанные с ними ценностно-философские модели. Кстати, и тот, и другой лагерь использовали (а западные государства и сообщества до сих пор используют) практику обусловленности, когда материально-техническая помощь увязывается с введением тех или иных идейно-политических институтов.

Крах СССР мог интерпретироваться с идеалистических позиций — как венец гегелевского процесса диалектического развития [Fukuyama 1989], или с рационалистических — как торжество западного геополитического субъекта, США и союзников [Krauthammer 1990]. Однако в любом случае мир виделся и глобальным, и в значительной степени универсальным. К концу XX в. материальная глобальность и идейная универсальность достигли исторических пиков, и их стали полностью отождествлять.

Однако в начале XXI в. процесс прервался. Материальная глобализация перестала быть эквивалентна идейной универсализации (гомогенности). Материально мир остается глобально целостным, даже несмотря на заметную в последнее десятилетие тенденцию к фрагментации, но совершенно утрачено стремление к идейной гомогенности, общему ценностному пространству [Safranchuk 2020]. Процесс универсализации прекратился.

В конце XX — начале XXI в. десятки развивающихся государств использовали свои материальные успехи для подкрепления собственной “самости”, противодействуя “растворению” в универсальных (либеральных) ценностях³. Вклад в замедление и разворот тренда на универсализацию внесло и то, что, как ожидалось, должно было его окончательно закрепить — интернет и соцсети. Социальные сети способствовали не сплочению, а, напротив, атомизации обществ и образованию мало связанных друг с другом ячеек по взглядам и интересам. Вместо того чтобы разносить из мировых центров “благую универсальную весть”, современные либеральные ценности, новые технические средства усилили альтернативные голоса; вместо закрепления универсализации развилось многообразие и началась фрагментация коммуникационного поля; вместо стирания идентичностей, как некоторые ожидали [Lash 2002], стала происходить их автономизация [Nyе 2003: 95-99]⁴. Все это оправдывало постановку вопроса о том, что демократия и либерализм перестают быть тождественны [Zakaria 2003].

³ Тема того, как прилежные “ученики”, добивающиеся успеха за счет заимствования базовых моделей развития, с течением времени начинают критически относиться ко многим чертам своих “учителей” и защищать свою “самость”, интересным образом появилась в знаменитом интервью “отца” сингапурских реформ Ли Куан Ю в его беседе с Ф. Закарией для журнала *Foreign Affairs* в 1994 г. [Zakaria, Yew 1994].

⁴ Впрочем, в последнее время глобальные технические платформы нарастили свои усилия по отсеиванию нежелательного контента, действуя как раз в рамках универсальной либеральной парадигмы.

Материально глобальный, но идейно неуниверсальный (даже не стремящийся к этому, а, скорее, движущийся в направлении дальнейшей деуниверсализации) мир — вот современная структурная реальность, у которой есть имманентное противоречие. Для существующего уровня материальной глобальности мир чересчур негомогенен, для нарастающего уровня неуниверсальности — избыточно материально связан в глобальном масштабе. Слишком разные субъекты слишком тесно связаны друг с другом.

В материально глобальном, взаимосвязанном, “тесном” мире со слабой идейной гомогенностью повышается чувство опасности, растет запрос на политизацию и секьюритизацию всех повесток. Соперничающим державам в таких условиях трудно нащупать и зафиксировать балансы сил. Поэтому центральный для реалистов и неореалистов элемент стабильности системы не работает так, как работал в прошлом. Одновременно мир слишком неуниверсальный, чтобы эффективно функционировали международные и глобальные институты, страны доверяли им свою судьбу, достигали в их рамках согласия по практическим вопросам. Как следствие, институциональный элемент, который неолибералы кладут в основу стабильности системы, тоже не действует в полную силу.

Таким образом, дисбаланс между материальной глобальностью и идейным многообразием мешает обеим основным теориям. Если бы какой-то из элементов все-таки взял верх, сложились бы условия, в которых одна из теорий могла возобладать. Велик соблазн “подправить” реальность с помощью политических средств — либо затеять проект идейной реуниверсализации, либо подтолкнуть мир в сторону материальной деглобализации. В обоих случаях в пользу одной из теорий будет ликвидирован невыгодный и той, и другой структурный дисбаланс, который описан выше. Развилка “идейная универсализация или материальная деглобализация” имеет сейчас не только теоретическое, но и политико-практическое измерение.

Однако идейная универсальность — по сути, единообразие и единомыслие — могут быть только навязаны, и попытки сделать это будут восприняты как угроза безопасности и суверенитету и вызовут жесткое сопротивление. Идея о материальной деглобализации, особенно глубокой, тоже вызывает отторжение у большей части международного сообщества (хотя в разной степени в разных странах), поскольку модели социально-экономического развития большинства стран опираются именно на материальную глобализацию. Таким образом, сочетание материальной глобальности и идейной неуниверсальности, дисбаланс между одним и другим, хотя и “мешает” основным теориям, является устойчивой структурной реальностью, которая определяет поведение глобальных и региональных держав.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОПЕРНИЧЕСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА

Прямое военное столкновение между ведущими игроками остается если не невозможным вовсе, то маловероятным, или по крайней мере никем из них не рассматривается как разумный вариант соперничества. При этом тяга к конкуренции, причем жесткой, очень велика, она приобретает две основные формы. Во-первых, попытки ослабить своих конкурентов за счет непрямого воздействия, во-вторых, готовность к управляемому (когда масштабы и интенсивность не выходят из-под контроля и не приобретают “независимую” динамику эскалации) столкновению интересов в важных регионах.

Все ведущие мировые игроки имеют внутренние проблемы экономического и социального порядка. Это открывает обширные возможности для так называемых гибридных войн, попыток надавить на внутренние слабости конкурента невоенными средствами. На характер соперничества влияет и то, что в регионах расположения почти всех ведущих игроков есть недружественные территории, которые могут быть использованы как катализатор их внутренних проблем. Давление на конкурента/соперника стараются осуществлять не собственными руками, а через недружественную страну, которая, находясь в географической близости от объекта воздействия и связанная с ним конфликтными отношениями, служит рычагом для передачи и повышения негативного воздействия.

Большинство ведущих глобальных и значимых региональных игроков вовлечены в гибридные войны. Такая форма конкуренции ведет к постоянной напряженности по многим направлениям, конкурентные отношения запутанны и противоречивы, в них нет симметрии и прямых паритетов. Все это затрудняет достижение и признание баланса сил, создание механизма его поддержания. Конкуренция заикливается на этапе “до баланса сил”. В то же время описанный вид конкуренции не дает (по крайней мере, пока) даже самым жестким противоречиям принять форму открытой большой войны. Она приобретает характер не открытой военной конфронтации, а “осады” друг друга с помощью региональных партнеров. Иными словами, никто не пытается победить другого, но все стараются взять конкурентов измором.

Одновременно ведущие мировые игроки ведут активную политику вне регионов своего расположения, прежде всего по причине экономических интересов. Интересы ведущих игроков сталкиваются в разных региональных ситуациях – на Балканах, в Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Африке и Южной Америке. В некоторых случаях столкновение переходит в военный конфликт, выливаясь в региональные противоборства с той или иной степенью вовлечения ведущих игроков, как в Сирии, Ливии или Украине [Naumkin 2018; Маркедонов и др. 2020; Маркедонов, Силаев, Неклюдов 2020].

Эффективные для себя формы и методы участия в региональных конфликтах ведущие мировые игроки пока еще не вполне определили. Непосредственное и масштабное участие не всегда дает желаемый результат, более того, в ряде случаев снижает перспективу его достижения. Но и опосредованные действия не очень эффективны. Ведущим мировым игрокам важно иметь и использовать военные экспедиционные возможности для непосредственного участия в конфликтах за пределами региона своего расположения. Это необходимо для защиты своих интересов и активов. Делать это надо так, чтобы не перегружать себя военными обязательствами. Все ведущие игроки постепенно этому учатся; Россия более успешно – в Сирии, США менее успешно – в Ираке и в Афганистане [Сафранчук 2017а, 2017б].

Отдельной быстро растущей сферой непрямого и необязательно признанного участия крупных игроков становятся частные военные компании (их деятельность может выходить за рамки чисто военных задач, распространяясь на политическую и коммуникационную сферу), которые хорошо соответствуют описанным выше особенностям современных конфликтов. Частные военные компании не стали самостоятельными игроками, хотя в 1990-е годы казалось, что дело идет именно к этому. Тогда они были способны самостоятельно вести полноценные локальные конфликты и быть значимой силой в небольших региональных кол-

лизиях на стороне ТНК, международных и неправительственных организаций, а также правительств стран третьего мира. Но в дальнейшем главными клиентами наиболее успешных частных военных компаний стали правительства крупных государств. Теперь по-настоящему эффективными “частники” могут быть только в такой связке (государства — источник техники и кадров), как субподрядчик в реализации интересов крупных мировых игроков.

Для глобальных игроков важным элементом эффективного участия в региональных делах, особенно вооруженных конфликтах, является взаимодействие с региональными партнерами. Интересы последних и их интерпретации ситуаций могут существенно отличаться от подходов глобальных игроков, и последние вынуждены учитывать эти взгляды. В региональных ситуациях оказываются переплетены сразу несколько повесток, местные и внерегиональные противоречия, что затрудняет и полноценное разрешение региональных противоречий, и фиксацию устойчивых балансов сил.

Опасения, что внутренние слабости и уязвимости будут использоваться конкурентами, усугубляются по той причине, что ни один из ведущих игроков не может закрыться от мира и за счет этого защитить себя от стороннего воздействия. Конкретные проявления зависимости от мира отличаются: это может быть зависимость от внешних рынков, технологий или капиталов, даже внешнего потребления своего долга. Попытки снизить такую зависимость предпринимаются все время, и некоторые приносят результат, подтачивая феномен глобализации. Но, как минимум, в обозримой перспективе связанность всех ведущих мировых игроков с внешним миром неизбежна, а значит, сохранится и зависимость, и открытость, и связанная с этим уязвимость.

Однако мировые игроки не просто находятся в непрерывном процессе принятия мер и контрмер, стараясь приобрести относительные преимущества друг против друга. Они также вынуждены реагировать на глобальные обстоятельства. Их источником являются не прямые державы-конкуренты, а международная среда в широком смысле слова. В последние десятилетия их стало принято называть “новыми вызовами” или “глобальными проблемами”. Это — изменение климата, дисбалансы в мировой экономике, международный терроризм и т.д. Путь, казавшийся наиболее разумным для решения этих проблем, а именно — международное, даже глобальное, сотрудничество, в современных условиях неприменим в полной мере. Наиболее наглядная иллюстрация — вопрос экологии и изменений климата, который действительно имеет глобальное измерение и затрагивает всех без исключения. Даже и в этой сфере мы наблюдаем суверенизацию “зеленых повесток”, которые превращаются в инструменты экономического развития и конкурентные преимущества отдельных акторов. Не будучи способны решить эти проблемы, значимые мировые игроки, тем не менее, могут снизить для себя последствия от их проявления и приобрести большую устойчивость. Это также становится полем для конкуренции.

Обобщить особенности соперничества значимых игроков в современном мире можно следующим образом. Разность, следствие неуниверсальности, толкает их к конкуренции. “Теснота” взаимозависимости, следствие материальной глобальности, не дает возможностей для открытого столкновения, ограничивая пределы эскалации (чему способствует и фактор ядерного оружия). Та же взаимозависимость позволяет вмешиваться во внутренние дела соперников, и именно здесь за счет гибридных войн реализуется потенциал

конкуренции, эскалация которой в открытом противостоянии имеет четкий предел. В силу осознания игроками собственной разности вмешательство других во внутренние дела воспринимается особенно остро, провоцируя контрмеры. Большинство крупных стран мира переживают процессы болезненной социально-политической трансформации, протекающей везде по-своему, и любой намек на попытки повлиять извне на эту трансформацию расценивается как диверсия.

Интенсивная конкуренция распространяется на множество сфер, носит несимметричный характер, фиксация баланса сил невозможна. Желание использовать слабости других переплетается с намерением не дать им надавить на собственные “болевы́е точки”. Это приводит к противоречиям в политике всех ведущих мировых игроков, подрывает доверие между ними, а значит, еще сильнее затрудняет достижение общего понимания и баланса сил.

Ключевыми элементами конкуренции становятся способность к проецированию влияния вовне и собственная внутренняя устойчивость (*resilience*). Ведущие игроки одновременно открыты для активного вовлечения в мировые дела и пытаются закрыться от внешнего воздействия на собственные внутренние слабости. Это создает дилемму: вовлеченность в мировые дела или концентрация на внутренних, у которой есть и военно-политическое измерение — вкладывать ресурсы в военный потенциал или социально-экономическое развитие. Ни один из ведущих мировых игроков пока не нашел удовлетворительного подхода к этой дилемме (универсальный вряд ли вообще возможен). Но сравнительными преимуществами в отношении конкурентов будет обладать тот, чье решение обозначенной дилеммы будет наиболее эффективным.

Концептуализировать подобные отношения между значимыми мировыми игроками можно в категориях, заимствованных из теории игр — “дилеммы заключенного”, как она применяется для анализа международных отношений.

Традиционной модальностью конкуренции на международной арене можно считать “игру с нулевой суммой” (*win-lose*), когда выигрыш одного примерно равен проигрышу другого. Так происходило, когда в результате дипломатической или вооруженной борьбы одна держава теряла территории, а другая приобретала, когда побежденный выполнял условия победителя и т.д. Конечно, выигрыш и проигрыш не обязательно симметричны, но, по крайней мере, приобретение одного являлось убытком другого. Мировые войны XX в. тоже представляли собой “игру с нулевой суммой”.

Холодная война с ее экзистенциональной компонентой противостояния двух систем, руководствовавшихся альтернативными философско-политическими и социально-экономическими началами, была, с одной стороны, предельной формой “игры с нулевой суммой” — битвой не на жизнь, а на смерть. С другой стороны, накал и масштаб соперничества, а также его максимальная “цена” — ядерная катастрофа, стимулировали рассуждения о том, что “игра с нулевой суммой” (*win-lose*) может закончиться взаимным проигрышем (*lose-lose*), а альтернативой является компромисс, т.е. взаимный выигрыш (*win-win*), достигаемый переговорным путем. Холодная война не нашла компромиссного разрешения: она завершилась физическим и идеологическим крушением одной из сторон (хотя встречались попытки представить ее итоги как *win-win*). Но противопоставление *win-win* и *lose-lose* как двух альтернативных опций, из которых нужно сделать выбор (а он очевиден), было распространено по-

сле холодной войны. Это хорошо стыковалось с либеральным направлением мысли о качественных последствиях глубокой взаимозависимости.

Описанные выше особенности конкурентного взаимодействия в современном мире не укладываются ни в одну из этих категорий — ни *win-win*, ни *lose-lose*, ни *win-lose*.

В материально глобальном и идеаторно неуниверсальном мире первое делает взаимный проигрыш возможным, и либеральная мысль хорошо это объясняет, но второе не дает шансов на выработку компромиссных *win-win* решений по стратегическим вопросам, вокруг которых идет конкуренция. Потому что слишком мало “общего” на идейном (ценности и мировоззренческие установки) и на практическом (интересы и доверие) уровне. Для *win-win* решений мир слишком неоднороден. Чтобы провалиться в *lose-lose*, современные игроки слишком компетентны и опытные, их рефлексия по поводу собственных действий создает барьеры для неконтролируемой эскалации. Материальная глобальность сужает пространство для “игры с нулевой суммой”. В этом “тесном” мире реально что-то отнять у другого довольно сложно, по крайней мере, с приемлемыми издержками и без неизбежного “эффекта бумеранга”. Лишить соперника победы, т.е. повысить цену его действий до неприемлемого уровня, легче, чем, собственно, победить⁵.

Конечно, во многих конкурентных ситуациях есть элементы “игры с нулевой суммой”. Например, в борьбе вокруг газопровода “Северный поток-2” есть “приз” — доля европейского газового рынка. Однако игра вокруг этого проекта не сводится только к этому “призу”, в ней есть и существенный элемент, связанный с Украиной. А здесь Россия проиграет, если сохранит ту степень зависимости от украинского газового транзита, которую позволит сократить “Северный поток-2”, но США не получат эквивалентного выигрыша в абсолютных категориях: для них выигрыш будет относительным — осложнение стратегического положения России. Подобную ситуацию можно наблюдать и во многих других конкурентных ситуациях.

В качестве еще одного примера можно привести отношения в треугольнике Россия — Европа — США. В российской внешнеполитической дискуссии после холодной войны присутствовал следующий постоянный мотив: сложности в налаживании партнерства с ЕС связаны с тем, что Европа занимает подчиненное Америке положение в сообществе коллективного Запада. Военное присутствие Соединенных Штатов и обязательства Европы в рамках НАТО не позволяют ей эмансипироваться и перейти к формату глубокого партнерства с Россией. Между тем с точки зрения объединения и развития потенциалов сторон это было бы естественным и рациональным действием.

Изменения на мировой арене в конце XX и особенно начале XXI в. привели к тому, что трансатлантические связи, как минимум, сильно видоизменяются, а, вероятнее всего, слабеют. Интересы Европы и Америки и даже их ценностные представления довольно серьезно расходятся, как и потребность друг в друге (если анализировать не риторiku, а реальные задачи). Процесс этот

⁵ Описываемый феномен наглядно продемонстрировало участие крупных стран в региональных войнах на Ближнем и Среднем Востоке: понятия “победа” в них просто не существует. Например, дискуссии в США об исходе иракской или афганской кампаний шли не о достижении победы, а о выработке эффективной *exit strategy*. Исключением стала кампания против ИГИЛ (запрещено в России), но это по-своему уникальный случай серьезного вызова государствам со стороны мощного террористического негосударственного формирования, что заставило на время объединить усилия (или, скорее, действовать параллельными курсами).

нелинейный, однако, как представляется, неизбежный. Так вот отход Европы от США, как показывает практика, никоим образом не означает ее приближения к России. Скорее наоборот, чем очевиднее приметы размежевания, тем выше страх европейцев остаться лицом к лицу с Россией и стремление найти способы от нее отгородиться. В итоге отношения в некотором смысле менее прагматичны, чем это было на пике холодной войны. Россия ничего не приобретает от трансатлантического расхождения, эффект обратный.

Таким образом, в современной мировой политике при наличии конкуренции в модальности *win-lose* расширяется конкуренция в другой модальности, в ней “убыль” одного не обязательно означает “прибыли” другого, т.е. приобретения вторым того, что потерял первый.

В глобальном неуниверсальном мире потеря одного может не давать другому приобретения в абсолютных категориях. В выбранных понятиях это можно обозначить как *lose — not-lose*: конкуренция прежде всего идет за то, чтобы глобальные и региональные проблемы, которые не имеют решения в современных условиях, сказывались на других больше, чем на себе. В простых терминах: усложнить жизнь другому, на какое-то время сделать конкуренцию для соперника более затратной и тяжелой в относительных величинах, чем для себя, высвободив свои ресурсы для внутреннего развития. Соответственно, основное соперничество разворачивается в сфере устойчивости — за то, кто сумеет в большей степени ее обеспечить и укрепить, создав задел для противостояния неизбежным новым вызовам.

Впрочем, концентрация на себе — культивирование собственной идейной “самости” и эгоистичное поведение, укрепление индивидуальной устойчивости не исключают международного сотрудничества. Ведь когда подобного рода конкуренция разворачивается между множеством глобальных и региональных игроков, собственные позиции могут быть укреплены не только когда кто-то проигрывает, но и наоборот, когда кто-то не проигрывает, поскольку он генерирует вызовы и помехи конкуренту. Это создает базу для сотрудничества в модальности *not-lose — not-lose*.

Такие коалиции мягче, чем союзы для “игр с нулевой суммой” или международное взаимодействие в модальности *win-win*. Коалиций может быть множество, они ситуативны, могут противоречиво и несимметрично пересекаться. Враг нашего партнера по одной *not-lose — not-lose* коалиции может оказаться нашим партнером в другой коалиции того же типа. А наш партнер по одной коалиции может оказаться в другой коалиции заодно с нашим врагом по первой. Гибкое международное взаимодействие вносит существенный вклад в укрепление собственных позиций.

На перспективу можно аналитически выделить несколько вариантов развития рассматриваемой модели мировой системы. Во-первых, такая система отношений может все-таки оказаться тупиковой, так как предполагает высокую интенсивность конкуренции и малые абсолютные выгоды от нее. Тогда возможно возвращение к неолиберальной или неореалистской программе и деятельное изменение структурных реалий. Для “либерализма из страха”, где стали бы возможны *win-win* сценарии, должна появиться воля к новой идейной универсализации современного мира и согласие на нее значительной части международного сообщества. А для привычной конкуренции по лекалам неореалистов необходима существенная материальная деглобализация, резкое снижение взаимозависимости (что потребует изменения моделей внутреннего развития многих государств).

Этого не происходило в последние два десятилетия, и сейчас такие перспективы кажутся маловероятными, поэтому такой первый сценарий приводится скорее для аналитической полноты, но нам видится наименее вероятным.

Во-вторых, конкуренция *lose — not-lose* чревата “игрой на выбывание” (*play-off*). “Выбывание” может иметь разные формы. Прежде всего, коллапс одного из значимых игроков, его неспособность продолжать интенсивную конкуренцию в результате либо потери ресурсов и способности влияния вовне, либо утраты внутренней устойчивости, либо неспособности поддерживать приемлемый баланс между тем и другим. Но и добровольный уход в изоляцию, выключение из интенсивной международной борьбы — тоже “выбывание”. При сокращении количества активных значимых игроков возможна трансформация системы, существенное ее изменение.

В-третьих, поскольку международное сотрудничество по типу *not-lose — not-lose* осуществляется за счет создания гибких и пересекающихся коалиций, на каком-то этапе возможно формирование настолько широкой коалиции такого рода, что она решит закрепить свое доминирующее положение за счет укрепления сотрудничества внутри себя уже в категориях *win-win*, а по отношению к неучастникам — *win-lose*.

И в-четвертых, можно допустить, что кто-то из значимых игроков (или их коалиция) найдет эффективные внутренние решения для, казалось бы, нерешаемых индивидуально глобальных проблем. Такой игрок либо начнет постепенно накапливать преимущества в конкурентной борьбе и в конечном счете выиграет ее у других, став новой доминирующей державой, либо за счет своей успешности станет примером для подражания, чей опыт будут готовы перенимать. В обоих случаях вероятно снижение интенсивности конкуренции и естественное изменение распределения возможностей игроков, т.е. изменение общей конфигурации системы.

Стоит сделать еще одно замечание, возвращающее к ключевому понятию устойчивости. Никакая мировая система не может быть стабильной без стабильности ее структурных единиц — государств. В описанной модели мирового устройства рациональное поведение отдельных государств направлено прежде всего на поддержание их собственной устойчивости, и все они заинтересованы в том, чтобы международная обстановка не подрывала их усилия. Соответственно, увязка между внешним и внутренним компонентом государственной политики становится более тесной, а устойчивость международной системы отношений находится в зависимости от устойчивости конкретных государств и наоборот.

В условиях фундаментальных социально-политических, технологических, климатических проблем, которые будут только усугубляться, как минимум, в обозримой перспективе, формирование “жесткого” упорядоченного мирового устройства не выглядит вероятным. Поэтому описанная модель, адаптивная по своей сути, может оказаться достаточно долгосрочной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Структурные реалии современного мира характеризуются одновременным существованием материальной глобальности и идейной неуниверсальности, неоднородности. Именно сочетание этих двух элементов создает новые, специфические условия, в которых не работает в полной мере ни одна из двух

основных теорий. Вернее, они работают ограниченно как критические теории по отношению друг к другу. В условиях идейной неуниверсальности справедливы неореалистские суждения о невозможности для мировой системы большого либерального проекта (*grand design*), построенного в модальности *win-win*. А в условиях материальной глобальности подтверждаются хорошо разработанные неолиберальной мыслью ограничения для силовой политики и для конкуренции по типу *win-lose*.

Сложившиеся структурные реалии достаточно устойчивы, так как в мире наблюдается сопротивление и идейной универсализации (скорее, можно ожидать дальнейшей деуниверсализации), и материальной деглобализации. В таких условиях формируется новая стабильная (воспроизводящаяся) модель взаимоотношений значимых мировых игроков. Это жесткая конкуренция, где проигрыш одного не является эквивалентным выигрышем другого (т.е. это не классическая “игра с нулевой суммой”), и тем не менее в таком проигрыше есть заинтересованность — конкуренция идет за перекладывание проблем и издержек взаимозависимости на других. Это можно охарактеризовать как конкуренцию *lose – not-lose*. А международное сотрудничество идет вокруг построения множества конфигураций коалиций в модальности *not-lose – not-lose*, объединяющих по разным вопросам тех, кто заинтересован в непроигрыше друг друга.

Описанная система будет развиваться и трансформироваться в будущем. Однако это не означает, что она представляет собой нечто временное, переходное на пути к чему-то иному. Нынешняя система полноценна и определяется структурными реалиями. Ее важнейшая особенность — сочетание постоянного стремления игроков влиять на других и мировую ситуацию в целом с сохранением устойчивости к внешнему воздействию. Устойчивость (*resilience*) и способность ее обеспечить без таких предельных форм, как изоляция, — важная, но пока недостаточно концептуализированная категория международных отношений. Еще раз повторим: нынешняя система воспроизводима и поэтому стабильна. Ее главный недостаток — высокая интенсивность конкуренции при низких абсолютных выгодах для любого из значимых мировых игроков (впрочем, абсолютные выгоды, низкие в процессе конкуренции, могут быть получены по ее итогам).

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.05

THE MODERN WORLD ORDER: STRUCTURAL REALITIES AND GREAT POWER RIVALRIES

I.A. Safranchuk^{1,2}, F.A. Lukyanov²

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

² National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

SAFRANCHUK, Ivan Alekseevich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Director, Center of Euroasian Research, Institute for International Studies, MGIMO University; Associate Professor, Department of International Affairs, National Research University Higher School of Economics, email: i.safranchuk@inno.mgimo.ru; LUKYANOV, Fyodor Alexandrovich, Research Professor, National Research University Higher School of Economics, email: flukyanov@hse.ru

Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. The Modern World Order: Structural Realities and Great Power Rivalries. — Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 57-76. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05>

Acknowledgements. In the part of the article prepared by I.A. Safranchuk, the work was financially supported by MGIMO University, project No. 1921-01-04.

Received: 20.02.2021. Accepted: 15.03.2021

Abstract. The article suggests that the contemporary mode of interactions between leading global and regional actors is not transitional, but sustainable, thus constituting the world order for the near future. Providing a theoretical context, the article claims that over the last thirty years neoliberal and neorealist schools of thought have prevailingly focused on verifying their pre-established explanatory models with post-Cold War examples, rather than studying these realities as such. This article is based on the assumption that tremendous developments have occurred in this period. The new set of global and regional actors can be taken for the new, multipolar hardware of the global system; its software is shaped by new structural realities, within which actors operate. These are conceptualized as the mismatch between material globalization and the decline of ideational universalism: the latter determines conflict while the former limits escalation. The article outlines the mode of competition within these structural realities, i.e., indirect coercion. This mode makes neoliberal institutional world order unfeasible; however, within this mode it also becomes virtually impossible to strike a balance of power as is so central to the neorealist theory. Within the terms of the game theory, interactions between leading actors fit neither win/win nor win/lose scenarios. The article conceptualizes great power interactions as lose/not-lose competition and not-lose/not-lose collaboration.

Keywords: world order, cooperation, competition, globalization, international relations.

References

- Acemoglu D., Robinson J. 2012. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, Crown Business. New York: Crown Publishers. 544 p.
- Allison G. 2015. The Thucydides Trap: Are the US and China Headed for War? — *The Atlantic*. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/united-states-china-war-thucydides-trap/406756/> (accessed 14.02.2021).
- Barber B. 2004. *Fear's Empire: War, Terrorism, and Democracy*. New York, London: W.W. Norton & Company. 220 p.
- Bhagwati J. 2004. *In Defense of Globalization: With a New Afterword*. New York: Oxford University Press. 345 p.
- Carothers T. 2002. The End of the Transition Paradigm. — *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 1. P. 5-21.
- Chanda N. 2008. *Bound Together: How Traders, Preachers, Adventurers, and Warriors Shaped Globalization*. New Delhi: Penguin Viking. P. 391.
- Cooper R.N. 1968. *The Economics of Interdependence: Economic Policy in the Atlantic Community*. New York: Columbia University Press. 296 p. <https://doi.org/10.7312/coop93392>
- Denisov I., Kazantsev A., Lukyanov F., Safranchuk I. 2019. Shifting Strategic Focus of BRICS and Great Power Competition. — *Strategic Analysis*. Vol. 43. No. 6. P. 487-498. <https://doi.org/10.1080/09700161.2019.1669888>
- Derrida J. 2005. *Rogues: Two Essays on Reason*. Stanford: Stanford University Press.
- Drucker P.F. 1999. *Management Challenges for the 21st Century*. New York: Harper Business. 198 p.
- Ferguson N. 2005. *Colossus: The Rise and Fall of the American Empire*. London: Penguin Books. 416 p.
- Fukuyama F. 1989. The End of History? — *The National Interest*. Vol. 16. P. 3-18.
- Graham T. 2020. China — Russia — US Relations and Strategic Triangles. — *Polis. Political Studies*. Vol. 6. No. 6. P. 62-72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05>
- Harvey R. 2003. *Global Disorder: America and the Threat of World Conflict*. London: Constable. 352 p.
- Higgott R., Cooper A. 1990. Middle Power Leadership and Coalition-Building in the Global Political Economy: A Case Study of the Cairns Group and the Uruguay Round. — *International Organisation*. Vol. 44. No. 4. P. 589-632.
- Hindle G.F., Schmid A.P. 2009. *After the War on Terror: Regional and Multilateral Perspectives on Counter-Terrorism Strategy*. London: RUSI Books 151 p.
- Holbraad C. 1984. *Middle Powers in International Politics*. London: Springer. 244 p.
- Huntington S.P. 1991. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman: University of Oklahoma Press. 384 p.
- Ikenberry G.J. 2001. American Power and the Empire of Capitalist Democracy. — *Review of International Studies*. Vol. 27. No. 5. P. 191-212. <https://doi.org/10.1017/S0260210501008087>
- Ikenberry G.J. 2018. The End of Liberal International Order? — *International Affairs*. Vol. 94. No. 1. P. 7-23.
- Ikenberry G.J., Rotberg R.I. 2004. When States Fail: Causes and Consequences. — *Foreign Affairs*. Vol. 83. No. 3. P. 137. <https://doi.org/10.2307/20033986>
- Kennedy P. 1988. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. London: Hyman. 677 p.
- Keohane R., Nye J. 1977. *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. New York: Little, Brown, and Company. 300 p.

- Keohane R.O. 1984. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton, N.J: Princeton University Press. 307 p.
- Keohane R.O. 2012. Twenty Years of Institutional Liberalism. — *International Relations*. Vol. 26. No.2. P. 125-138. <https://doi.org/10.1177/0047117812438451>
- Krauthammer C. 1990. The Unipolar Moment. — *Foreign Affairs*. Vol. 70. No. 1. P. 23-33. <https://doi.org/10.2307/20044692>
- Lake A. 1994. Confronting Backlash States. — *Foreign Affairs*. Vol. 73. No. 2. P. 45-46.
- Lash S. 2002. *Critique of the Information*. London: SAGE. 234 p.
- Lewis B. 2002. *What Went Wrong? Western Impact and Middle Eastern Response*. New York: Oxford University Press. 189 p.
- Lipset S.M. 1960. *Political Man: The Social Bases of Politics*. New York: Doubleday & Company. 477 p.
- Lukin A. 1999. What Went Wrong in Russia? Forcing the Pace of Democratization. — *Journal of Democracy*. Vol. 1. No. 2. P. 35-40. <https://doi.org/10.1353/jod.1999.0028>
- Mann M. 2003. *Incoherent Empire*. London: Verso. 284 p.
- Mearsheimer J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company. 592 p.
- Mearsheimer J. 2018. *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. London and New Haven: Yale University Press. <https://doi.org/10.2307/j.ctv5cgb1w>
- Mearsheimer J. 2019. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. — *International Security*. Vol. 43. No. 4. P. 7-50.
- Melville A.Yu. 2000. Post-Communist Russia as a Challenge to Transition Theories. — *Handbook of Global Political Policy*. Ed. by S. Nagel. NY, Basel: Routledge. P. 461-487.
- Naumkin V.V. 2005. *Radical Islam in Central Asia: between pen and rifle*. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield. 283 p.
- Naumkin V. 2018. Syrian Surprises. — *Russia in Global Affairs*. (In Russ.) URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/syrian-surprises/> (accessed 01.03.2021).
- Newman E. 2009. Failed States and International Order: Constructing a Post-Westphalian World. — *Contemporary Security Policy*. Vol. 30. No. 3. P. 421-443. <https://doi.org/10.1080/13523260903326479>
- Nye J.S. 1990. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. New York: Basic Books. 370 p.
- Nye J.S. 2003. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone*. New York: Oxford University Press. 241 p.
- Nye J.S. 2004. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs. 208 p.
- Nye J.S. 2009. Get Smart: Combining Hard and Soft Power. — *Foreign Affairs*. Vol. 88. No. 4. P. 160-163.
- O'Reilly K.P. 2007. Perceiving Rogue States: The Use of the "Rogue State" Concept by U.S. Foreign Policy Elites. — *Foreign Policy Analysis*. Vol. 3. No. 4. P. 295-315.
- Popov V., Dutkiewicz P. 2017. *Mapping a New World Order: The Rest Beyond the West*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 232 p.
- Przeworski A. 1991. *Democracy and the Market*. New York: Cambridge University Press. 210 p.
- Rosecrance R., Stein A. 1973. Interdependence: Myth or Reality? — *World Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 1-27. <https://doi.org/10.2307/2009915>
- Safranchuk I. 2018. Russian-U.S. Relations: Torn between the Practical and Ideational Agendas. — *Russia In Global Affairs*. Vol. 16. No. 4. P. 96-121. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-96-119>
- Safranchuk I. 2020. Globalisation and the Decline of Universalism: New Realities for Hegemony. — *Hegemony and World Order*. Ed. by P. Dutkiewicz, T. Casier, J.A. Scholte. New York: Routledge. P. 65-77. <https://doi.org/10.4324/9781003037231>
- Sakwa R. 2020. Multilateralism and Nationalism in an Era of Disruption: The Great Pandemic and International Politics. — *Journal of International Analytics*. Vol. 11. No. 3. P. 129-150. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-3-129-150>
- Schweller R.L. 2015. Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders. — *Valdai Papers*. No. 16. URL: <https://valdaiclub.com/files/11391/> (accessed 18.02.2021).
- Soros G. 2004. *The Bubble of American Supremacy: The Costs of Bush's War in Iraq*. — New York: Public Affairs. 224 p.
- Sushentsov A.A., Wohlforth W.C. 2020. The Tragedy of US—Russian Relations: NATO Centrality and the Revisionists' Spiral. — *International Politics*. Vol. 57. P. 427-450. <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00229-5>
- Tammen R.L., Kugler J., Lemke D., Stam A.C., Abdollahian M., Alsharabati C., Efrid B., Organski A.F.K. 2000. *Power Transitions: Strategies for the 21st Century*. New York: Seven Bridges Press, LLC / Chatham House. 244 p.

Tellis A.J. 2004. Assessing America's War on Terror: Confronting Insurgency, Cementing Primacy. — *NBR Analysis, Carnegie Endowment*. URL: https://carnegieendowment.org/files/NBRAnalysis-Tellis_December2004.pdf (accessed 14.02.2021).

Transnational Relations and World Politics. 1972. Ed. by R. Keohane, J. Nye. Cambridge, MA: Harvard University Press. 429 p.

Waltz K. 1970. The Myth of National Interdependence. — *The International Corporation*. Ed. by C. Kindleberger. Cambridge: MIT Press. P. 205-223.

Waltz K. 1979. *Theory of International Politics*. Reading, Massachusetts: Addison-Wesley Publishing Company. 251 p.

Wood B. 1987. *Middle Powers in the International System: A Preliminary Assessment of Potential*. World Institute for Development Economic Research Working Paper. 44 p. URL: www.wider.unu.edu/publication/middle-powers-international-system (accessed 14.02.2020).

Young O.R. 1969. Interdependencies in World Politics. — *International Journal*. Vol. 24. No. 4. P. 726-750. <https://doi.org/10.1177/002070206902400407>

Zakaria F. 2003. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: W.W. Norton & Company Inc. 256 p.

Zakaria F., Yew L.K. 1994. Culture Is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew. — *Foreign Affairs*. Vol. 73. No. 2. P. 109–126. <https://doi.org/10.2307/20045923>

Arbatov A. 2014. Collapse of the World Order. — *Russia in Global Affairs*. Vol. 12. No. 4. P. 16-31. (In Russ.)

Baranovsky V. 2010. Transformation of the World System in 2000s. — *International Trends*. Vol. 8. No. 1. P. 4-13. (In Russ.)

Baranovsky V. 2019. New International Order: Overcoming or Transforming the Existing Pattern? — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 5. P. 7-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23>

Batalov E. 2003. "New World Order": towards a methodology of analysis. — *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 25-37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.05.04>

Bogaturov A.D. 1996. Pluralistic Unipolarity and Russian Interests. — *Svobodnaja mysl'*. No. 2. P. 25-36. (In Russ.)

Bogaturov A.D. 2002. Pljuralisticheskaja odnopoljarnost' [Pluralistic Unipolarity]. — *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenij* [Writings on Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations]. Ed. by A.D. Bogaturov, N.A. Kosolapov, M.A. Hrustalev. Moscow: NOFMO. 390 p. (In Russ.)

Denisov I. 2020. The Concept of "Discursive Power" and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping. — *Comparative Politics Russia*. Vol. 11. No. 4. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>

Dynkin A., Teginina E. 2020. Pandemic Shock and the World after Crisis. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 8. P. 5-16. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16>

Istomin I., Baykov A. 2019. Dynamics of International Alliances in an Unbalanced World Structure. — *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*. Vol. 63. No. 1. P. 34-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>

Karaganov S.A. 2019. Departure of Military Superiority of the West, and Geo-Economics. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 8-21. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.02>

Kortunov A.V. 2016. The Inevitable, Weird World. — *Russian International Affairs Council*. (In Russ.) URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/> (accessed 03.06.2021).

Kosolapov N.A. 2002. Globalizatsiya: ot miroporyadka k mezhdunarodno-politicheskoi organizatsii mira [Globalization: From the World Order to the International Political Organization of the World]. — *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnyh otnoshenii* [Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations]. Ed. by A.D. Bogaturov, N.A. Kosolapov, M.A. Khrustalev. Moscow: NOFMO. 390 p. (In Russ.)

Lukyanov F.A., Trenin D.V., Kortunov A.V., Sushentsov A.A., Suslov D.V., Silaev N.Yu., Murakhovskii V.I., Safranchuk I.A., Markedonov S.M. 2020. Russia in the New Decade: Objectives, Threats, and Fellow Companions. — *Journal of International Analytics*. Vol. 11. No. 2. P. 11-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

Markedonov S., Rebbo O., Sushentsov A., Chechevishnikov A. 2020. U.S. Policy Towards Ukraine (1991-2013): Between Restraint and Overall Support. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 4. P. 15-25. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-15-25>

Markedonov S., Silaev N., Neklyudov N. 2020. U.S.-Ukraine Relationship (2014-2019): Dilemmas of the Alliance. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 64. No. 8. P. 70-80. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-70-80>

Nikonov V.A. 2002. Back to the Concert. — *Russia in Global Affairs*. No. 1. (In Russ.) URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nazad-k-koncertu/> (accessed 01.03.2021).

Piatkov A.N. 2020. The Relations Between Turkey and Mexico: A Comparative Analysis, History and Modernity. — *Cuadernos Iberoamericanos*. Vol. 8. No. 1. P. 97-107. (In Russ.) <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-97-107>

Safranchuk I. 2017. Alternative Options of the U.S. Policy in Afghanistan. — *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 61. No. 2. P. 5-12. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-2-5-12>

Safranchuk I. 2017. Military Force in Obama's Policy: The Case of Afghanistan. — *International Trends*. Vol. 15. No. 2. P. 89-98. (In Russ.) <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.6>

Shakleina T.A. 2019. "American Dilemma" in the Forging of a New World Order. — *International Trends*. Vol. 17. No. 4. P. 36-48. (In Russ.) <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.3>

Tsygankov A.P. 2020. Gulliver at the Crossroads: America's Strategy During the Global Transition. — *Journal of International Analytics*. Vol. 11. No. 2. P. 28-44. (In Russ.) <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>

Tsygankov P.A. 2018. Studies of World Order: Theoretical Problems and Differences of Interpretation. — *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. Vol. 41. P. 194-202. (In Russ.)

Voitolovsky F.G. 2019. Deep Changes in External Environment Affecting Russia's National Security. — *Herald of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 89. No. 4. P. 393-399. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869-5873894393-399>

Литература на русском языке

Арбатов А. 2014. Крушение миропорядка? — *Россия в глобальной политике*. Т. 12. № 4. С. 16-31.

Барановский В. 2010. Трансформация мировой системы в 2000-х годах. — *Международные процессы*. Т. 8. № 1. С. 4-13.

Барановский В. 2019. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 5. С. 7-23. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-5-7-23>

Баталов Э.Я. 2003. "Новый мировой порядок": к методологии анализа. — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 25-37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2003.05.04>

Богатуров А.Д. 1996. Плюралистическая однополярность и интересы России. — *Свободная мысль*. № 2. С. 25-36.

Богатуров А.Д. 2002. Плюралистическая однополярность. — *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. Под ред. А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталева. М.: НОФМО. 390 с.

Грэм Т. 2020. Китай — Россия — США: отношения и стратегические треугольники. — *Полис. Политические исследования*. Т. 29. № 6. С. 62-72. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.05>

Денисов И.Е. 2020. Концепция "дискурсивной силы" и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине. — *Сравнительная политика*. Т. 11. № 4. С. 42-52. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10047>

Дынкин А.А., Телегина Е.А. 2020. Шок пандемии и посткризисный мир. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 8. С. 5-16. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-5-16>

Истомин И., Байков А. 2019. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 63. № 1. С. 34-48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>

Караганов С.А. 2019. Уход военного превосходства Запада и геοэкономика. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 8-21. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.06.02>

Кортунов А.В. 2016. Незбежность странного мира. — *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neizbezhnost-strannogo-mira/> (accessed 03.06.2021).

Косолапов Н.А. 2002. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира. — *Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений*. Под ред. А.Д. Богатурова, Н.А. Косолапова, М.А. Хрусталева М.: НОФМО. 390 с.

Лукьянов Ф.А., Тренин Д.В., Кортунов А.В., Сушенцов А.А., Суслов Д.В., Силаев Н.Ю., Мураховский В.И., Сафранчук И.А., Маркедонов С.М. 2020. Россия в новом десятилетии: цели, угрозы, попутчики. — *Международная аналитика*. Т. 11 № 2. С. 11-27. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-11-27>

Маркедонов С., Ребро О., Сушенцов А., Чечевишников А. 2020. Политика США на украинском направлении (1991–2013): между сдержанностью и всесторонней поддержкой. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 4. С. 15–25. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-4-15-25>

Маркедонов С., Силаев Н., Неклюдов Н. 2020. Отношения между США и Украиной (2014–2019): дилеммы союзничества. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 64. № 8. С. 70–80. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-8-70-80>

Никонов В.А. 2002. Назад, к концерту. — *Россия в глобальной политике*. № 1. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/nazad-k-konzertu/> (accessed 01.03.2021).

Пятаков А.Н. 2020. Отношения между Турцией и Мексикой: сравнительный анализ, история и современность. *Иberoамериканские тетради*. Т. 8. № 1. С. 97–107. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-1-97-107>

Сафранчук И. 2017а. Альтернативные варианты американской политики в Афганистане. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 61. № 2. С. 5–12. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-2-5-12>

Сафранчук И.А. 2017b. Роль военной силы в политике Обамы: опыт принятия решений на афганском направлении. — *Международные процессы*. Т. 15. № 2. С. 89–98. <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.6>

Симония Н.А., Торкунов А.В. 2015. Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 27–37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.03.03>

Цыганков П.А. 2018. Исследования проблем миропорядка: теоретические трудности, расхождения трактовок. — *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 41. С. 194–202.

Цыганков А.П. 2020. Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка. — *Международная аналитика*. Т. 11. № 2. С. 28–44. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>

Шаклеина Т.А. 2019. “Дилемма Америки” в формировании современного мирового порядка”. Результаты действий США и формирование “евразийского центра”. — *Международные процессы*. Т. 17. № 4. С. 36–48. <https://doi.org/10.17994/IT.2019.17.4.59.3>

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.06

НАТО ПОД ПРИЦЕЛОМ COVID-19

Е.А. Антюхова

АНТЮХОВА Екатерина Андреевна, кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов, МГИМО МИД России, Москва, email: e.antukhova@gmail.com

Антюхова Е.А. НАТО под прицелом COVID-19. — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 77-90. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.06>

Статья поступила в редакцию: 25.10.2020. Принята к печати: 12.03.2021

Аннотация. Вспыхнувшая в 2020 г. и охватившая весь мир эпидемия COVID-19 поставила под вопрос эффективность стратегии ключевых международных акторов в новых реалиях, а также стала важным испытанием организационных и функциональных возможностей многих международных институтов. В статье исследуются ключевые аспекты деятельности НАТО на фоне мировой пандемии, связанные с комплексом мероприятий, предпринятых руководством альянса в организационной и информационной сферах. Отдельное внимание отводится анализу воздействия чрезвычайных обстоятельств, вызванных пандемией, на стратегические приоритеты НАТО в области военно-политического планирования, а также на взаимоотношения организации с другими ключевыми акторами мировой политики. Обозначившиеся на начальном этапе пандемии проблемы в США и некоторых европейских государствах свидетельствуют о просчетах в системе оперативного планирования деятельности альянса в чрезвычайных обстоятельствах. Вместе с тем события, связанные с распространением COVID-19, оказали определенное воздействие на понимание руководством НАТО приоритетов своей долгосрочной стратегии, способствуя дальнейшему развитию концепции “глобальной ответственности” альянса. Анализ процессов, происходивших в рамках НАТО, представляет принципиальную значимость как с позиции понимания логики текущих мирополитических процессов в целом, так и с точки зрения оценки динамики развития взаимоотношений Российской Федерации с ключевыми западными акторами — участниками военно-политических объединений.

Ключевые слова: НАТО, пандемия, биогенные угрозы, военно-политическая стратегия, эффективность деятельности, глобальный статус, мировая политика.

СОВРЕМЕННАЯ СТРАТЕГИЯ НАТО И ГЛОБАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ ПАНДЕМИИ

Формирующийся в начале XXI в. глобальный миропорядок отличается противоречивостью трендов развития. В последние годы наметились углубление дисбаланса в различных сегментах международной системы и усиление конфронтационной составляющей во взаимоотношениях ее ключевых акторов¹. Данная тенденция получила дополнительный импульс в 2020 г. в связи с охватившей практически всю планету пандемией COVID-19, существенно усилившей значение биогенных угроз для стабильного развития современного социума.

Пандемия продемонстрировала слабость международного сообщества в области противодействия угрозам биогенного характера, а также отсутствие необходимых механизмов координации между государствами. Одним из

¹ Чукубаев Е.С., Иржанов М.А. 2020. Вопрос о глобализации деятельности НАТО. URL: http://www.rusnauka.com/10_DN_2012/Politologia/7_106255.doc.htm (accessed 19.03.2021).

важных последствий пандемии стало очевидное усиление дисфункций глобализационной модели развития, обуславливающее поиск акторами международных процессов новых форматов, правил и норм взаимодействия. Поиск оказался связанным не только со значительными экономическими трудностями, но и с возникшими на фоне пандемии изменениями политического характера. По мнению главы Международного института глобального анализа Т. Грациани, “Международные отношения после COVID-19, скорее всего, никогда уже не станут прежними. Те же принципы, которые регулировали международные отношения, с каждым днем кажутся все более устаревшими. Баланс политических сил меняется”².

Дж. Най — мл. указывает на необходимость формирования новых механизмов международной кооперации: “Согласованные системы отчетности, общие меры контроля, общие планы действий в чрезвычайных ситуациях, нормы и договоры должны использоваться в качестве средства сдерживания наших многочисленных взаимных рисков... В отношении таких транснациональных угроз, как COVID-19 и изменение климата, недостаточно думать о власти Америки над другими странами. Ключом к успеху является также осознание важности власти вместе с другими”³. По мнению Г. Киссинджера, пандемия “...поставила под вопрос общественный контракт как на национальном, так и на межгосударственном уровне”⁴.

На фоне обострения противоречий в рамках глобального миропорядка усиливаются изоляционистские тенденции, которые, с одной стороны, ведут к обострению вопроса об эффективности правительственных структур отдельных государств, а с другой — являются испытанием союзнических связей в рамках различных международных объединений⁵.

К числу важных примеров глубокого воздействия пандемии COVID-19 на функционирование международных институтов относятся процессы, происходившие в рамках Организации Североатлантического договора (НАТО).

В начале XXI в. НАТО вступила в качественно новый этап развития, концептуальной основой которого стала оформившаяся в течение 1990-х годов “глобальная философия” ее деятельности [Усубов, Белоногов 2010: 97]. Конечной целью данного процесса должно стать максимальное укрепление геополитических позиций США и их ближайших союзников в условиях противоречивого развития современного международно-политического порядка. Важное направление этой стратегии — формирование механизмов, призванных обеспечить эффективное реагирование военно-политического блока на угрозы и вызовы, обусловленные воздействием глобализации, а также других ключевых мегатрендов мирового развития [Барышев 2011: 56]. По итогам

² Новые международные отношения и правящие классы — эксперты оценили последствия пандемии для мировой политики. — *News-Front.info*. 02.04.2020. URL: <https://news-front.info/2020/04/02/novye-mezhdunarodnye-otnosheniya-i-pravyashhie-klassy-eksperty-ocenili-posledstviya-pandemii-dlya-mirovoj-politiki/> (accessed 19.03.2021).

³ Nye J. S. Geopolitics after the Pandemic. — *The Strategist*. 07.10.2020. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/geopolitics-after-the-pandemic/> (accessed 19.03.2021).

⁴ Крутаков Л. Пандемия глобального миропорядка. — *Октагон*. Медиа.05.05.2020. URL: https://octagon.media/mir/pandemiya_globalnogo_miroporjadka.html (accessed 19.03.2021).

⁵ Логинов В. Каким будет мир после пандемии. — *Gazeta.ru*. 26.04.2020. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/04/26_a_13063171.shtml (accessed 19.03.2021).

саммита глав государств и правительств, состоявшегося в декабре 2019 г. в Лондоне, была достигнута договоренность “разработать новые рекомендации по укреплению единства союза, развитию координационных политических консультативных механизмов, а также дальнейшему усилению политической роли НАТО в международных процессах” [The Alliance... 2019: 76].

Один из элементов современной стратегии НАТО – политика сдерживания потенциальных противников альянса, к основным из которых в последние годы была отнесена Российская Федерация. На фоне событий украинского кризиса 2014 г. руководство НАТО приняло решение о свертывании сотрудничества в ряде важных сфер, предусмотренных, в частности, Основопологающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО 1997 г., Римской декларацией 2002 г., а также рядом других документов. С 2014 г. намечился переход альянса к новой стратегии, сочетающей очевидные элементы противостояния России с декларируемой готовностью к диалогу.

Несмотря на то что противодействие биогенным угрозам традиционно не входило в перечень приоритетных направлений деятельности НАТО, пандемия COVID-19 была признана руководством альянса серьезным вызовом, требующим повышения его организационных возможностей и переосмысления приоритетных направлений деятельности.

С точки зрения официальных органов альянса, пандемия COVID-19 по масштабу возможных разрушительных последствий представляет собой явление, сопоставимое с террористическими атаками 11 сентября 2001 г. [COVID-19: NATO... 2020: 13]. Особое внимание уделяется вероятным “каскадным эффектам”, связанным с воздействием пандемии на социально-экономическую и политическую ситуацию в отдельных регионах мира, а также на общее состояние сферы международной безопасности. Ключевая задача для НАТО при этом заключается в анализе потенциальных изменений стратегической обстановки в мире и выявлении возможных новых угроз, способных заметно повлиять на НАТО как военно-политическую структуру. Аналитические подразделения НАТО отнесли к их перечню “кризис систем здравоохранения, рост неравенства возможностей государств по доступу к передовым достижениям медицины, цифровым технологиям и финансовым ресурсам”, а также “дезинформационную кампанию” со стороны противников альянса, нацеленную на “дискредитацию НАТО и подрыв его сплоченности” [Ringsmose, Webber 2020: 3]. В качестве примеров новых вызовов, появившихся на фоне пандемии, обозначались также “дезинформационная кампания, спровоцированная Россией”, и “чрезмерная зависимость от Китая в некоторых областях производства товаров” [Berger 2020: 4].

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАТО НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ПАНДЕМИИ

Несмотря на определенное запоздание реакции руководящих органов НАТО на начавшуюся пандемию, действия альянса в чрезвычайной ситуации носили комплексный характер и включали в себя информационный, материально-технический и логистический компоненты. В первую очередь угроза пандемии COVID-19 повлияла на организацию массовых мероприятий, а также сферу международного сотрудничества. В руководстве военно-

политического блока сформировалось мнение, что кризисная ситуация дает шанс отработать коллективные действия в сфере противостояния биогенным угрозам. Опыт противодействия пандемии позволит модернизировать систему гражданской обороны, улучшить взаимодействие гражданских и военных структур в условиях чрезвычайных ситуаций [Шумилин 2020: 16].

Первая реакция руководства НАТО на распространение COVID-19 последовала в середине марта 2020 г. и была связана с корректировкой утвержденного ранее графика военных учений⁶. В частности, был сокращен масштаб маневров *Defender Europe 2020* в Восточной Европе, которые предполагались как крупнейшая военная тренировка в рамках альянса за последние 25 лет. По словам генерала вооруженных сил США К. Каволи, альянс планировал к февралю 2020 г. разместить на Европейском континенте полноценную “много-среднюю” оперативную группу (*Multidomain Task Force*). Создание данного соединения должно было стать частью масштабного эксперимента в рамках реализации новой доктрины многосредних боевых действий. Развернутая к тому моменту на территории Европы бронетанковая бригада США была оставлена для участия в совместных военных маневрах *Allied Spirit*, остальные американские военнослужащие были возвращены на родину [COVID-19 and World Order... 2020: 37].

Был введен мораторий на все перемещения военной и специальной техники, а также личного состава из США в Европу. Таким образом, пандемия оказала временное воздействие на систему военного планирования альянса и вынудила его руководство пойти на приостановку комплекса военных мероприятий [After Covid-19... 2020: 111].

19 марта состоялся первый публичный брифинг генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, связанный с распространением пандемии COVID-19. Коронавирусу был присвоен статус “принципиально важного вызова, эффективный ответ на который требует “совместных усилий”. Как заявил Й. Столтенберг, “основная ответственность НАТО заключается в том, чтобы кризис здравоохранения не превратился в кризис безопасности”. Руководитель альянса подчеркнул необходимость “сохранения показателей военных расходов входящих в НАТО государств на прежнем уровне с учетом возможного активного участия вооруженных сил в противодействии пандемии”. Несмотря на возникшие трудности, была вновь обозначена принципиальная значимость принятых ранее решений по увеличению доли военных расходов членов альянса⁷.

В краткосрочной перспективе, весной 2020 г., аналитические структуры НАТО видели опасность в возможном коллапсе систем здравоохранения в сопредельных с государствами — членами НАТО регионах, что могло привести к резкому увеличению потока нелегальных мигрантов. В качестве главного источника данной угрозы рассматривались страны Ближнего Востока и Северной Африки. В целях противодействия ей были предусмотрены меры по координации деятельности военно-морских групп НАТО в Средиземном море со специальными учреждениями ЕС в рамках операций “Морской

⁶ НАТО пересмотрело график своих учений из-за пандемии. — *Независимая газета*. 19.03.2020. URL: https://yandex.ru/turbo/s/ng.ru/news/673826.html?utm_source=turbo_turbo (accessed 19.03.2021).

⁷ Генсек НАТО оценил влияние коронавируса на боеспособность альянса. — *РБК*. 19.03.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/03/2020/5e731ced9a7947957fd53049> (accessed 19.03.2021).

страж” и IRIN. Миссия НАТО состояла в координации усилий государств южного фланга альянса в сдерживании активности преступных и террористических организаций, которые могут использовать чрезвычайные обстоятельства пандемии в противодействии нелегальным миграционным потокам, а также возможным нападениям на энергетическую и коммуникационную инфраструктуру на море.

В тот же день в рамках аналитической работы, связанной с вынужденной корректировкой системы планирования альянса, на эстонском ресурсе Международного центра обороны и безопасности совместно с Центром анализа европейской политики был размещен текст под названием “Пока что-то не сдвигается с места. Подкрепления в Балтийском регионе в условиях кризиса и войны”. В его составлении главную роль сыграл бывший командующий сухопутными войсками США в Европе отставной генерал Б. Ходжес; в подготовке документа приняли участие представители ряда структурных подразделений НАТО, в частности штаб-квартиры в Брюсселе, *US European Command*, *US Army Europe*, *Joint Support and Enabling Command*, а также министерств обороны и генштабов Польши и прибалтийских государств. Авторы документа акцентировали внимание на том, что создание эффективного потенциала бесперебойной переброски войск, в том числе и в кризисных ситуациях, является важнейшим элементом системы коллективной обороны альянса, требующим координации усилий и развития его сотрудничества с ЕС⁸.

На фоне стремительно ухудшавшейся эпидемиологической ситуации некоторые члены альянса оказались в фактической изоляции и были вынуждены самостоятельно принимать меры по борьбе с пандемией. Сворачивание ряда военных мероприятий, ограничения по переброске войск и военных грузов, а также отсутствие заметной помощи наиболее пострадавшим государствам-участникам вызвали сомнения относительно действенности принципа “коллективной взаимопомощи”. Показательно в этой связи согласие Италии принять российскую помощь, включавшую отправку в охваченную эпидемией страну врачей и медицинского оборудования⁹. В руководстве НАТО данный шаг итальянского правительства был воспринят как прямой вызов единству блока и серьезный удар по его престижу на международной арене. Россию обвинили в пропаганде, дезинформации и ведении гибридной войны [COVID-19: NATO... 2020: 22].

В ходе официальных мероприятий представители альянса многократно подчеркивали необходимость совершенствования механизмов оптимального использования его потенциала и структурных возможностей в принципиально новых сложных условиях. При этом особое внимание уделялось налаживанию координации в сфере противоэпидемической деятельности между военными подразделениями блока и гражданскими управленческими структурами входящих в него государств [After Covid-19... 2020: 131]. Важной формой совместной деятельности стало “содействие воздушной переброски

⁸ “Работать так, как на войне”: доклад о мобильности НАТО на восточном фланге. — *EADaily*. 02.04.2020. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/04/02/rabotat-tak-kak-na-voyne-doklad-o-mobilnostinato-na-vostochnom-flange> (accessed 19.03.2021).

⁹ На момент вывода российских военных медиков из Италии 15 мая 2020 г. умерло 31 610 человек. См. *Универсальные карты (IMaps.ru)*. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/italy/> (accessed 19.03.2021).

важнейших медицинских материалов и оборудования, а также согласование запросов о поддержке и предложений союзников”¹⁰.

По итогам состоявшегося 2 апреля заседания Совета министров иностранных дел стран НАТО была принята краткая декларация, констатирующая, что альянс будет продолжать в прежнем объеме выполнять все свои основные функции. В документе подчеркивалось, что стремление альянса к противостоянию пандемии не предусматривает его отказа от долгосрочных целей, включающих “совместную оборону и кризисное регулирование”¹¹.

Роль координирующего механизма в реагировании НАТО на пандемию COVID-19 взял на себя Евроатлантический координационный центр по противодействию катастрофам (*The Euro-Atlantic Disaster Response Coordination Centre – EADRCC*). С апреля 2020 г. он систематизировал запросы, исходившие как от стран, входящих в НАТО, так и от государств, обладающих статусом партнеров альянса. В период пандемии при активном содействии EADRCC была оказана помощь поставками медикаментов и медицинского оборудования ряду членов НАТО (Албания, Испания, Италия, Северная Македония, Словения, Черногория), а также некоторым его партнерам (Босния и Герцеговина, Грузия, Колумбия, Молдова, Украина). Важным направлением деятельности EADRCC стало также совершенствование форм сотрудничества с ключевыми международными гуманитарными органами, в первую очередь с Управлением ООН по координации гуманитарных вопросов¹².

Взяв на себя важную координирующую функцию, Организация Североатлантического договора столкнулась с необходимостью решения комплекса логистических проблем, связанных с обеспечением транспортировки медикаментов и медицинского оборудования. Логистическим центром альянса, на который возложена задача помощи союзникам и партнерам в транспортировке грузов, стало Агентство поддержки и закупок НАТО (*NATO Support and Procurement Organisation*), занимавшееся реализацией программ *Strategic Airflit Capability* и *Strategic Airflit International Solution*.

Стремление к активному участию в координации международной гуманитарной деятельности в условиях пандемии потребовало от соответствующих структур НАТО установления более тесной координации с другими международными организациями, включая Европейский союз, Всемирную организацию здравоохранения, Всемирную продовольственную программу ООН. В частности, летом 2020 г. в тесной связи с Управлением ООН по координации гуманитарных вопросов Евроатлантическим Координационным центром была организована транспортировка грузов для полевого госпиталя в Гане¹³.

Как отмечал в апреле 2020 г. командующий Оперативной группой COVID-19, созданной в рамках EADRCC, “используя опыт НАТО в проведении эффективной стратегической координации с многочисленными партне-

¹⁰ NATO Responds to the COVID-19 Pandemic Throughout 2020, Helping Allies and Partners. — NATO. 22.12.2020. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180548.htm (accessed 19.03.2021).

¹¹ Декларация министров иностранных дел стран НАТО. — NATO. 02.04.2020. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_174855.htm?selectedLocale=ru (accessed 19.03.2021).

¹² NATO Responds to the COVID-19 Pandemic Throughout 2020, Helping Allies and Partners. — NATO. 22.12.2020. URL: https://https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180548.htm (accessed 19.03.2021).

¹³ NATO and COVID-19. — NATO. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/174592.htm> (accessed 19.03.2021).

рами, можно усилить совместные действия наших союзных сил” [COVID-19: NATO... 2020: 63]. Мониторинговые операции структур НАТО рассматриваются в качестве важного дополнения к усилиям отдельных государств — членов блока в сфере противодействия угрозам биогенного характера. Обмен информацией ведется с помощью различных коммуникационных систем, включая Ситуационный центр НАТО (SITCEN), Систему разведки и предупреждения (NIWS), Систему кризисного реагирования (NCRS). У альянса, считают его представители, есть “уникальные активы и возможности для поддержки усилий союзников в этой сфере” [ibidem].

К середине апреля 2020 г. официальные структуры альянса отчитались о проведении мероприятий, охватывавших организационную, транспортно-логистическую и информационную сферы деятельности. Практически все члены организации приняли участие в борьбе с пандемией. По словам генерального секретаря альянса, “при поддержке НАТО союзные вооруженные силы играют ключевую роль в ответных действиях внутри своих стран, оказывая жизненно важную поддержку гражданским усилиям путем развертывания полевых госпиталей, транспортировки пациентов, дезинфекции общественных мест и обеспечения безопасности при пересечении границ”. При этом руководство организации обещало оказать всю необходимую поддержку Черногории и другим обратившимся за помощью членам “в соответствии с их потребностями”¹⁴.

В сложившихся условиях руководство НАТО было вынуждено признать, что перед ним открывается новая важная сфера деятельности, связанная с так называемым вирусным пространством, наряду с сушей, морем, воздухом, киберсетями и космосом¹⁵. Данное направление потребовало консолидации усилий в обеспечении коллективной безопасности. В документах альянса отмечается, что он должен “...играть центральную роль в обеспечении биологической защиты... и оказании помощи членам и государствам-партнерам в сфере противодействия биогенным угрозам, исходя из всего спектра своих возможностей...” [The Global Pandemic... 2020: 23].

Пандемия COVID-19 поставила перед руководством НАТО требование трансформации характера деятельности блока, рассчитанной на противодействие как непосредственно самой биогенной угрозе, так и сопровождающим ее негативным факторам экономического и информационно-психологического характера. Специфика миссии НАТО в решении данных задач должна была исходить из возможностей организации выступать в качестве механизма многостороннего дипломатического взаимодействия, а также координации усилий как государств-членов, так и партнеров блока. На этом фоне в некоторых странах, входящих в военно-политическую организацию, активизировалась дискуссия относительно возможного перераспределения ответственности в рамках альянса [Rogg 2020: 57]. Ведущие американские политологи высказались в пользу унификации отношений НАТО с ЕС, начиная от оборота документов до мер контроля в условиях чрезвычайных ситуаций [Beckley 2020].

¹⁴ Страны НАТО подтвердили боеготовность в условиях пандемии COVID-19. — *Российская газета*. 16.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/16/strany-nato-podtverdili-boegotovnost-v-usloviiah-pandemii-covid-19.html/> (accessed 19.03.2021).

¹⁵ НАТО и США как разносчики пандемии COVID-19. — *News-Front*. 11.04.2020. URL: <https://news-front.info/2020/04/11/nato-i-ssha-kak-raznoschiki-pandemii-covid-19/> (accessed 19.03.2021).

Показательна виртуальная встреча глав оборонных ведомств стран — членов НАТО, состоявшаяся 15 апреля 2020 г. Представители руководства НАТО подвели предварительные итоги деятельности в сфере борьбы с пандемией, а также провели промежуточный анализ состояния политических, солидарно-коалиционных и инфраструктурно-логистических возможностей блока. В соответствии с отчетом, представленным генеральным секретарем НАТО, в течение двух недель силы альянса осуществили “более ста воздушных миссий по перевозке медицинского оборудования, развернули 25 полевых госпиталей, предоставив дополнительно более 25 тыс. койко-мест, а свыше 4 тыс. человек из личного состава натовской медицинской службы оказывают сегодня поддержку гражданским силам в борьбе с пандемией”¹⁶.

В контексте стратегии “сдерживания” России руководители НАТО отказались поддержать российские инициативы, предусматривавшие взаимное ограничение военной активности, а также введение моратория на военные учения в Восточной Европе на период пандемии коронавируса. Как отметил, комментируя российское предложение, официальный представитель Североатлантического альянса О. Лунджеску, “действия НАТО являются строго оборонительными, соразмерными и соответствующими международным обязательствам”¹⁷.

На фоне коронавирусной угрозы руководство НАТО выступило с новыми антироссийскими обвинениями. В интервью испанскому изданию *El País* в середине июля Й. Столтенберг заявил о максимально оперативной реакции натовских структур на вспышку пандемии. При этом он отметил негативное воздействие на ситуацию “дезинформации”, основными источниками которой назвал Россию и Китай. По мнению генерального секретаря НАТО, “...мы стали свидетелями того, что пандемия стала комфортной средой для пропаганды государственных и негосударственных субъектов, целью которой является разобщение демократических западных союзников и подрыв доверия к их гуманным, демократическим институтам”¹⁸. В то же время Й. Столтенберг проигнорировал отдельные критические замечания корреспондента издания, связанные с отсутствием своевременной и эффективной помощи со стороны альянса Испании, Италии и некоторым другим европейским государствам, оказавшимся в сложной гуманитарной ситуации на начальном этапе распространения коронавирусной инфекции.

В период пандемии продолжилась ротация натовских контингентов в восточноевропейском регионе, в частности на территории Польши и прибалтийских государств, где в соответствии с планом расширенного военного присутствия размещено несколько боевых групп альянса, каждая из которых насчитывает более тысячи военнослужащих, представляющих 17 государств. С 13 по 18 апреля на полигоне “Межа Мацкевичи” в Даугавпилсском крае прошли военные учения *Steel Brawler* с участием 600 военнослужащих и ста

¹⁶ Страны НАТО подтвердили боеготовность в условиях пандемии COVID-19. — *Российская газета*. 16.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/16/strany-nato-podtverdili-boegotovnost-v-usloviiah-pandemii-covid-19.html/> (accessed 19.03.2021).

¹⁷ Эпидемия коронавируса: движения сил НАТО в Европе — главный источник угроз. — *Русская весна*. 11.04.2020. URL: <https://rusvesna.su/news/1586520003> (accessed 19.03.2021).

¹⁸ El País: Столтенберг обвинил Россию и Китай в подрыве демократии в период пандемии. — *ИноТВ*. 18.07.2020. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2020-07-18/El-Pas-Stoltenberg-obvinil-Rossiyu> (accessed 19.03.2021).

единиц техники¹⁹. С 5 по 19 июня, несмотря на продолжавшуюся пандемию, на полигоне Дравско-Поморске в Польше были проведены масштабные учения *Allied Spirit XI*, в которых приняли участие 4 тыс. американских и 2 тыс. польских военнослужащих, сто танков и более 230 единиц другой бронетехники. Практически одновременно в Латвии прошли многонациональные учения сил противовоздушной обороны *Baltic Zenith-2020*, а в акватории Балтийского моря с 7 по 16 июня состоялись маневры *BALTOPS-2020* с участием 17 стран — членов НАТО и двух стран — партнеров альянса²⁰.

Союзники не отказались от военных миссий в Ираке и Афганистане. Было решено продлить действие мер по укреплению иракских сил безопасности, а конечная цель была обозначена как “поддержка партнеров в Ближневосточном регионе и противодействие активности террористических группировок”²¹. В Афганистане, по словам Й. Столтенберга, “...ситуация остается непростой, и талибы, а также другие политические участники должны сыграть свою роль в достижении долгосрочного мира”²². Руководство альянса подтвердило приверженность политическим методам урегулирования конфликта.

Одним из важных направлений деятельности альянса стало также информационное обеспечение мероприятий в сфере противодействия COVID-19, включавшее формирование позитивного общественного мнения относительно эффективного использования потенциала коллективной обороны по противодействию новой угрозе. Актуальность информационной политики была связана в том числе и с возросшей критикой действий руководства НАТО в условиях стремительного распространения пандемии, звучавшей не только извне, но и внутри самого блока. Руководящие структуры альянса предприняли попытку обосновать в информационном поле необходимость дальнейшего увеличения военных расходов и укрепления коалиционного потенциала блока в целях развития системы гражданской обороны, обеспечения населения государств-участников квалифицированной и высокотехнологичной медицинской помощью, а также налаживания бесперебойных авиаперевозок медицинского оборудования и других необходимых в медицинских целях грузов²³.

УЧАСТИЕ НАТО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ВТОРОЙ ВОЛНЕ COVID-19

Проблемы, обозначившиеся на начальном этапе пандемии, были проанализированы в ходе подготовки комплекса мероприятий по противодействию второй волне COVID-19, который начал реализовываться в конце июня 2020 г. Генеральный секретарь НАТО подчеркнул, что в процессе подготовки к новой волне пандемии планируется учесть весь негативный опыт и ошибки, допущенные на ее начальном этапе. В частности, недостатки в организации

¹⁹ Курс на Балтику: НАТО отказалось отменять учения. — *Газета.ru*. 26.05.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2020/05/26/13096627.shtml> (accessed 19.03.2021).

²⁰ На Балтике начались крупномасштабные учения НАТО BALTOPS. — *Военное обозрение*. 07.06.2020. URL: <https://topwar.ru/171906-na-baltike-nachalis-krupnomasshtabnye-uchenija-nato-baltops.html> (accessed 19.03.2021).

²¹ Иванов В. Пандемия не повлияет на военный потенциал НАТО. — *Независимое военное обозрение*. 02.04.2020. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2020-04-2/100_nato020420.html (accessed 19.03.2021).

²² Там же.

²³ Серенко А. Пандемия усилила иммунитет НАТО. — *Независимая газета*. 16.04.2020. URL: https://www.ng.ru/armies/2020-04-16/100_nato16042020.html (accessed 19.03.2021).

противоэпидемических мероприятий в рамках натовских военных миссий на территории Литвы и Косово, приведшие к заболеваниям большого количества военнослужащих.

Важным элементом новой стратегии НАТО по организации противоэпидемических мероприятий призвана стать деятельность *NATO Support and Procurement Agency*, на которое возложена задача координации всех усилий по обеспечению членов альянса медикаментами и защитными средствами [COVID-19 and World Order... 2020: 233]. В целом при планировании противодействия вирусной угрозе предпринята попытка учесть весь позитивный и негативный опыт, приобретенный организацией на начальном этапе пандемии.

По состоянию на октябрь 2020 г. военные силы альянса совершили более 350 рейсов по перевозке медицинского персонала, осуществили транспортировку более 1 000 тонн медицинского оборудования, оказали содействие в обустройстве около 100 полевых госпиталей²⁴. Летом и осенью заметно расширилась география противоэпидемических мероприятий НАТО при общей координации Центра по противодействию катастрофам, а также в тесном взаимодействии с Управлением ООН по координации гуманитарных вопросов.

В июле и августе были осуществлены поставки кислородных масок, аппаратов для искусственной вентиляции легких, наборов для тестирования, различного рода медикаментов и средств индивидуальной защиты из Испании, Турции и Польши в Ирак. Руководство НАТО обозначило свою помощь как составную часть реализации миссии альянса на территории данного ближневосточного государства²⁵. В реализации программ помощи по противодействию второй волне пандемии как на территории государств — членов блока, так и за их пределами осенью 2020 г. активное участие приняли вооруженные силы США, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Турции и Норвегии [De Maio 2020].

В рамках альянса в данный период поддерживались системы здравоохранения Албании, Северной Македонии и Черногории. В октябре и ноябре 2020 г. им была выделена материально-техническая помощь на сумму более 1,5 млн евро в виде поставок медикаментов и аппаратов искусственной вентиляции легких, произведенных при координирующем участии Центра по противодействию катастрофам из стратегических запасов альянса²⁶. Осенью 2020 г. Южным оперативным центром Агентства НАТО по поддержке и закупкам в г. Таранто на юге Италии создан склад, предназначенный для хранения предметов экстренной необходимости в условиях пандемии. В 2021 г. предполагается организация подобного складского центра и на территории Румынии.

Важную роль в финансировании противоэпидемических мероприятий НАТО играет созданный в рамках реализации *Pandemic Response Contingency Plan* Целевой фонд реагирования на пандемию (PRTF), формируемый из взносов государств — участников блока. К концу 2020 г. взносы в него внесли Бельгия, Дания, Германия, Литва, Люксембург, Нидерланды, Северная Македония, Норвегия, Словакия, Турция и Великобритания. Из средств фон-

²⁴ NATO's Response to the COVID-19 Pandemic. — NATO. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/10/pdf/2010-factsheet-COVID-19_en.pdf (accessed 19.03.2021).

²⁵ Ibidem.

²⁶ Ibidem.

да Агентством НАТО по поддержке и закупкам приобретаются медикаменты и медицинское оборудование, которые могут потребоваться для оказания экстренной помощи союзникам или партнерам альянса [De Maio 2020: 9].

В начале 2021 г. структурные подразделения НАТО продолжили активно оказывать помощь в борьбе с пандемией. Особое внимание было уделено взаимодействию с государствами восточноевропейского региона. В середине февраля через Центр по противодействию катастрофам НАТО Латвия передала 9 000 литров антисептика Украине в ответ на просьбу последней о международном содействии. Дезинфицирующее средство было распределено между отрядами Государственной пограничной службы Украины в пунктах пропуска через границу по всей стране²⁷. В конце февраля за счет средств Целевого фонда реагирования НАТО была проведена закупка 25 тыс. одноразовых костюмов биологической защиты для Республики Молдова²⁸. Официальные органы НАТО заявили о стремлении альянса продолжить усиливать свою роль в качестве координирующего и логистического центра по противодействию распространению коронавируса.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ РОЛИ НАТО НА ФОНЕ НОВОЙ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Пандемия COVID-19 стала серьезным вызовом глобальному миропорядку. Ее негативное воздействие на международную систему связано с обострением конкурентной борьбы в сфере доступа к передовым медицинским достижениям и технологиям, а также усилением дезинтеграционных тенденций, заметно повлиявших на многие международные институты, в том числе и Организацию Североатлантического договора. На фоне кризисной ситуации обозначились проблемы и в плане соблюдения базового принципа “внутриблоковой солидарности”, и в сфере организации эффективной деятельности различных подразделений альянса. В условиях пандемии вновь проявили себя внутриблоковые противоречия, связанные с взаимодействием как американского и европейского “сегментов” атлантического пространства, так и “старых” и “новых” членов альянса из числа европейских государств.

Пандемия оказала комплексное воздействие на деятельность НАТО, продемонстрировав изъяны в планировании и организации его оперативной деятельности, связанные с необходимостью более тесного сотрудничества с международными организациями, действующими в сфере гуманитарных операций, развитием контактов с крупными частными компаниями, специализирующимися на производстве медикаментов и медицинского оборудования, а также совершенствованием форм и методов деятельности в рамках информационного пространства. Пандемия показала необходимость внесения определенных корректив в стратегию противодействия в “информационном, политико-экономическом, дипломатическом и социальном континуумах” [After Covid-19... 2020: 84].

Возникшие вызовы способны, по мнению аналитиков альянса, поставить под сомнение сложившиеся после окончания холодной войны представления об оперативной и стратегической значимости военно-политического блока.

²⁷ Coronavirus Response: NATO and Latvia Support to Ukraine. — *NATO*. 17.02.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_181575.htm (accessed 11.03.2021).

²⁸ Coronavirus Response: NATO Support to the Republic of Moldova. — *NATO*. 24.02.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_181794.htm (accessed 11.03.2021).

Как отмечается в одном из аналитических материалов, кризис, вызванный пандемией, “выявил критические недостатки в инфраструктуре и институтах стран НАТО” [Beckley 2020]. Пандемия заметно повлияла на осуществление основной миссии альянса, снизив на определенное время интенсивность проводимых мероприятий. В то же время она продемонстрировала особую роль организации в оказании содействия правительствам отдельных государств в разрешении экстренных проблем, имеющих трансграничный характер. Первоначальные дисфункциональные и несогласованные реакции союзников на пандемию показали необходимость принятия дополнительных мер в области кооперации, обмена информацией и выявления возникающих биогенных угроз” [COVID-19 and World Order... 2020: 165].

Руководство НАТО старается укрепить потенциал устойчивости и готовности к чрезвычайным ситуациям на основе расширения действия ст.3 Вашингтонского договора в части коллективного противодействия таким рискам, как пандемии и стихийные бедствия. Эта функция отведена Комитету по гражданскому чрезвычайному планированию (CEPS) при поддержке Комитета начальников военно-медицинских служб (COMEDS). В период пандемии был получен важный опыт в сфере транспортных логистических операций в чрезвычайных обстоятельствах, организации содействия в развертывании медицинской инфраструктуры, а также повышения эффективности работы органов экстренного реагирования. Главные задачи COMEDS здесь сводятся к адаптации к изменившимся условиям положений концептуальных документов альянса, включая принятую в 2019 г. Доктрину о взаимопомощи в сфере здравоохранения. Она предусматривает создание эффективных и организационно гибких передовых медицинских сил, способных действовать в чрезвычайных обстоятельствах, включая биотеррористические атаки или эпидемические вспышки, подобные вирусу Эбола. Перспективным в связи с пандемией должно также стать взаимодействие НАТО с ЕС, ВОЗ, Управлением верховного комиссара ООН по делам беженцев, Международной организацией по миграции и другими международными структурами в вопросах пограничного контроля и миграционной политики.

Предполагается стандартизировать процедуры поддержки государственных учреждений военными силами для укрепления потенциала гражданской обороны государств, а также посредством программ партнерства повысить устойчивость ряда не входящих непосредственно в альянс стран в сферах здравоохранения в чрезвычайных ситуациях. Эти меры должны, по мнению их разработчиков, усилить роль НАТО в качестве гаранта биологической защиты и противодействия биогенным угрозам.

В то же время новая глобальная угроза способствовала определенному переосмыслению стратегических приоритетов деятельности НАТО. Наглядным свидетельством этому стало начавшееся в июне 2020 г. обсуждение так называемой инициативы НАТО-2030, модернизирующей действующую стратегическую концепцию альянса, утвержденную в 2010 г. Она предполагает реализацию трех ключевых направлений совершенствования деятельности НАТО. К их числу были отнесены: дальнейшее расширение коллективного военного потенциала, укрепление политического единства и усиление политического влияния альянса, а также так называемый глобальный подход, который тракту-

ется как реакция на угрозу “китайского доминирования”²⁹. Появление данной стратегической концепции свидетельствует о последовательном стремлении руководства НАТО к реализации с учетом изменяющихся международных условий глобальной миссии, в рамках которой альянс будет выполнять роль ключевого военно-политического инструмента международной безопасности. Осуществление новых глобальных стратегических планов НАТО, вероятно, столкнется с некоторыми ограничительными факторами, связанными, в частности, с воздействием процессов регионализации и ослаблением координации между американским и европейским сегментами альянса. Принятие инициативы НАТО-2030, в которой делается особый акцент на укреплении “политического измерения”, свидетельствует о сохранении и возможном углублении внутривблоковых противоречий на фоне вызовов пандемии. В условиях осложнения международной обстановки, обусловленной новой глобальной угрозой, НАТО выполняет роль военно-политического инструмента в усиливающейся конкурентной борьбе ведущих мировых центров.

Несмотря на декларируемое стремление к диалогу и некоторое снижение военной активности в период пандемии, политическая риторика руководства альянса, а также система его военного планирования продолжают носить в целом конфронтационный характер по отношению к Российской Федерации. Несмотря на то, что в натовских структурах, вероятно, есть определенные силы, понимающие, что отсутствие любого диалога — дорога в никуда, сложившаяся международная ситуация свидетельствует о том, что фактор нового глобального вызова не способствовал развитию двустороннего диалога и налаживанию взаимовыгодного сотрудничества. В ближайшей перспективе наиболее вероятным представляется сохранение взаимоотношений России и Североатлантического альянса в формате обоюдного контролируемого сдерживания.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.06

NATO IN THE CROSSHAIRS OF COVID-19

E.A. Antyukhova¹

¹ Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia

ANTYUKHOVA, Ekaterina Andreevna, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Senior Lecturer, Comparative politics department, MGIMO University, email: e.antyukhova@gmail.com

Antyukhova E.A. NATO in the Crosshairs of COVID-19. — Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 77-90. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.06>

Received: 25.10.2020. Accepted: 12.03.2021

Abstract. The important influence biogenic threats have had on the context underlying the activities of leading international political actors is one of the most topical issues in current international political research. The COVID-19 pandemic of 2020, which has engulfed the whole world, is one of the most serious challenges the international community is facing. The epidemic has put into question the effectiveness of the strategy of key international actors in these new realities, and has also become an important test for the organizational and functional capabilities of many international institutions. The article seeks to study the main activities and aspects thereof which, against the background of the pandemic, the North Atlantic

²⁹ #NATO2030: новый виток рефлексии для Североатлантического альянса. — *Российский Совет по международным делам*. 07.07.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nato2030-novyy-vitok-refleksii-dlya-severoatlanticheskogo-alyansa/> (accessed 31.08.2020).

Treaty Organization (NATO) has performed, as related to a set of measures undertaken by the leadership of the Alliance in the field of organization and information. Special attention is paid to analysing the impact emergencies caused by the pandemic have had on NATO's strategic priorities in the sphere of political and military planning, as well as on the relations the organization may have had with other key international political actors — in particular, with such an important political player as the Russian Federation. The new challenges that arose in 2020 have become an important test of the effectiveness of different segments of the Alliance, as well as providing a profound challenge for the internal unity of the world's largest military and political bloc. The problems framed at the beginning of the pandemic in the USA and some European states are, among other things, evidence of miscalculations in the operational planning system of what activities the Alliance can and should do in emergency situations. At the same time, the events related to the pandemic have had some influence on NATO leaders' understanding of the priorities of its long-term strategy, contributing to the further development of the concept of the "global responsibility" of the Alliance. The analysis of the processes taking place within the NATO framework in recent months is, in our opinion, of fundamental significance both from the viewpoint of understanding the logic of current international political processes in general and from the viewpoint of assessing the dynamics of the development of relations between Russia and the key Western actors who are members of military and political associations.

Keywords: NATO, pandemic, biogenic threats, efficiency, military and political strategy, global status, world politics.

References

After Covid-19: Australia, the Region and Multilateralism (Volume 2). 2020. Ed. by M. Shoebridge, Sharland L. Canberra: Australian Strategic Policy Institute.

Beckley P. 2020. *Revitalizing NATO's Once Robust Standardization Programme*. Rome: NATO Defense College. URL: www.jstor.org/stable/resrep26019 (accessed 27.07.2020).

Berger C. 2020. *Projecting Stability to the South: NATO's Other Challenge*. Rome: NATO Defense College. *COVID-19: NATO in the Age of Pandemics*. 2020. Ed. by T. Thierry. Rome: NATO Defense College.

COVID-19 and World Order: The Future of Conflict, Competition, and Cooperation. 2020. Ed. by Hal Brands, Francis J. Gavin. Baltimore (MD): John Hopkins University Press.

De Maio G. 2020. NATO's Response to COVID-19: Lessons for Resilience and Readiness. — *Foreign Policy*. October. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/10/FP_20201028_nato_covid_demaio-1.pdf (accessed 03.03.2021).

Ringsmose J., Webber M. 2020. *No Time to Hedge? Articulating a European Pillar within the Alliance*. Rome: NATO Defense College.

Rogg M. 2020. COVID-19: The Pandemic and Its Impact on Security Policy. — *PRISM*. Vol. 8. No. 4. P. 54-67.

The Alliance Five Years after Crimea: Implementing the Wales Summit Pledges. 2019. Ed. by M. Ozawa. Rome: NATO Defense College.

The Global Pandemic. Transatlantic Security and National Defence: Views from the United States, the United Kingdom, Germany and Norway. 2020. Ed. by R.J. Gullestad. Oslo: Norwegian Institute for Defense Studies.

Baryshev A.P. 2011. *Sovremennaya strategiya SShA i NATO v kontekste problem natsional'noy bezopasnosti Rossii* [The Modern Strategy of the United States and NATO in the Context of Russia's National Security Problems]. Moscow: OGI Publ. (Ob'edinennoe Gumanitarnoe Izdatel'stvo). (In Russ.)

Shumilin A.I. 2020. Pandemic Factor in European Foreign Policy. — *Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS*. No. 2. P. 14-21. (In Russ.)

Usubov F.D.O., Belonogov A.L. 2010. Problems of Transformation of NATO Strategy at the Beginning of the 21st Century. — *Bulletin of St. Petersburg State University*. Series 6: Political Science. International Relations. Issue 1. P. 93-100. (In Russ.)

Литература на русском языке

Барышев А.П. 2011. *Современная стратегия США и НАТО в контексте проблем национальной безопасности России*. М.: ОГИ.

Усубов Ф.Д., Белоногов А.Л. 2010. Проблемы трансформации стратегии НАТО в начале XXI века. — *Вестник СПбГУ*. Сер. 6: Политология. Международные отношения. Вып. 1. С. 93-100.

Шумилин А.И. 2020. Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза. — *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. № 2. С. 14-21.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.07

БЕЛОРУССИЯ:

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

К.Е. Коктыш

КОКТЫШ Кирилл Евгеньевич, кандидат политических наук, доцент кафедры политической теории, МГИМО МИД России, Москва, email: kirill.koktysh@gmail.com

Коктыш К.Е. Белоруссия: новая геополитическая реальность? — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 91-110. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07>

Статья поступила в редакцию: 02.11.2020. Принята к печати: 29.01.2021

Аннотация. Начавшиеся после президентских выборов в Белоруссии массовые протесты породили целый ряд вопросов политической теории и практики. В какой степени эти события явились очередной попыткой “цветной революции”, а в какой — результатом внутренних противоречий и ошибок власти? Почему весьма высокий политтехнологический уровень обеспечения протестов не повлиял на конечный исход белорусского противостояния? В числе причин последнего автор выделяет неудачу протеста в части создания собственного “символического пространства”, которое могло бы стать смысловым и управленческим центром, провал попыток расколоть правящую элиту (в результате врагом стала объявляться “система в целом”) и взятый протестом на вооружение негативный концепт свободы (по сути восходящий еще к вольтерьянской традиции, в рамках логики которой свобода — “это то, что было утеряно” с появлением государства, но не то, что можно определить позитивным образом). Легко увидеть, что в такой когнитивной рамке “врагом свободы” назначено государство, но неясным остается то, что такое свобода, как и на какой траектории она может быть обретена. Неопределенность концепта вскоре трансформировалась в определенность национализма, и протест стал оформляться как противостояние “новой нации” “отжившему государству”. При этом не возникло никакой позитивной программы “завтрашнего дня”. Понесло потери и государство: идеология “пробелорусскости”, представлявшая собой синтез концепта порядка и культурного национализма, раскололась, государство осталось с “оголенным” концептом порядка, тогда как протестующие приватизировали национализм. Кроме того, в рамках прагматики сближения с Западом после 2014 г. белорусский режим фактически закрыл глаза на утрату собственного доминирования в информационном пространстве. Борьба в этом пространстве обрела форму противостояния “идеи без институтов институтам без национальной идеи”, т.е. идеи нового национализма — идеи порядка. Такое противопоставление оказалось выигрышным для государства и проигрышным для протеста: протестная идея в итоге деградировала до симулякра, содержательное управление которым едва ли возможно. Автор задается вопросом о возможностях и направлениях анонсированной внесения правок в конституцию “пересборки” белорусской политсистемы. Эти правки наверняка будут сводиться к увеличению роли партий, в силу чего существуют риски, что нынешнее противостояние может быть не столько разрешено, сколько трансформировано, адаптировано к новым формам. Поэтому России в отношениях с Белоруссией придется прибегать как к межпарламентской, так и межпартийной дипломатии.

Ключевые слова: Белоруссия, протесты, цветные революции, концепции свободы, геополитика.

Длившиеся полгода протесты после президентских выборов в Белоруссии стали неожиданным, и во многом принципиально новым развитием на постсоветском и глобальном пространствах. Привычные стереотипы оказались

нарушены как минимум дважды. Во-первых, для страны, устойчиво обеспечивавшей достаточно высокий уровень социальной справедливости, явным отклонением были масштаб, интенсивность и продолжительность протестов: на пике те отобилизовали беспрецедентные для Белоруссии 150 тысяч участников. Во-вторых, ошеломляющее начало белорусской “цветной революции” не имело столь же сильного продолжения: на поверку та оказалась довольно ригидной стратегией “одного удара”, где возможность содержательного маневра являлась исключенной альтернативой. Белорусская власть в этой ситуации была более гибкой и смогла устоять. В результате белорусская революция, опиравшаяся на безупречную, с точки зрения политтехнологий, организацию протестов и не испытывавшая недостатка в ресурсах, не состоялась, превратившись всего лишь в существенный, но тем не менее вполне преодолимый вызов для политсистемы. Последняя сумела пережить шторм, перейдя к консолидации на привычных для себя основаниях. С учетом этого опыта актуальной становится задача пересмотра привычных представлений о “цветных революциях”: если кейсы Венесуэлы и Гонконга до сих пор можно было полагать случайными исключениями в их победоносном шествии, то теперь уместной становится постановка вопроса о закате их эры: они явно перестают быть эффективной технологией смены власти, на глазах превращаясь в “истории провалов”.

Действительно, впечатляющий всплеск протестов, потрясших политсистему, по прошествии времени все более обретает черты постмодернистской “неовойны” [Эко 2007: 21], в отношении смысла и пафоса которой, изначально выглядевших для ее “рядовых” безупречными, перманентно нарастает количество вопросов, остающихся без ответа. Символы борьбы остались символами, не обрета связующего их с реальностью содержания [Бодрийяр 2000: 16], и в итоге превратившись в чистый симулякр [Бодрийяр 2015: 23]. Революционные идеи, долженствующие вдохновить “протестную массу”, не “проросли”: вспыхнув и на какой-то момент воспламенив умы значительной ее части, овладеть ими они не сумели, и в итоге потускнели, существенно утратили свою былую привлекательность и сократили свой охват до традиционного для оппозиции маргинального минимума. Власть же, напротив, не только выстояла, но и убедительно подтвердила свою легитимность, успешно и при полном отсутствии протестов проведя 11-12 февраля VI Всебелорусское народное собрание. В этом контексте белорусский кейс становится значимым прецедентом, который формирует конторы и принципы новой реальности — как региональной, так и геополитической.

БЕЛОРУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ

Ключевым для понимания специфики белорусского социального контракта является факт ярко выраженной ориентации ее экономики на экспорт, преимущественно в Россию, ЕС и Китай. Экспорт в Россию в основном составляет высокотехнологичная продукция, в ЕС — продукты нефтепереработки, а в Китай — пищевая продукция. Главные игроки по всем трем направлениям — предприятия государственной формы собственности. Наиболее крупные промышленные предприятия — бывшие монополисты советской экономики — ориентированы на российский рынок. На поддержание и воспроизводство этого “костяка экономики” по преимуществу ориентирована вся социальная инфраструктура, начиная с образовательной. Их реанимация в первой половине 1990-х годов, осуществленная Лукашенко за счет восстановления связей с Россией, а затем и создания Союзного государства, позволила сохранить,

вместе с социальной стабильностью, городской тип политической культуры [Коктыш 2019: 120-125] Белоруссии. Без этих предприятий, являющихся крупнейшими работодателями, высокий уровень урбанизации, достигнутый в советский период, был бы попросту невозможен.

В противном случае реальностью стал бы печальный опыт деурбанизации (и депопуляции) соседних Литвы и Латвии, а после недавних событий — и Украины. Собственно, именно превалирование городов, с их ориентацией на производственную культуру и вытекающее из этого разделение труда, и обеспечивает, как показал Фуко, “возрастающую мягкость” [Фуко 2015: 35] стиля взаимодействия власти и общества, несопоставимую с его традиционной нормативной жесткостью и жестокостью в условиях доминирования культуры патриархальной, манифестации которой мы, например, наблюдали в бескомпромиссной стилистике реализации украинского майдана, в активистах которого были выходцы как раз из западных аграрных областей. Вместе с переходом от черно-белой репрезентации картины мира к полутону, в городской культуре инструменты управления становятся куда более точечными и процедурными, в изрядной степени лишаясь своей брутальности, превращаясь по сути в биополитику и реализуясь через “микровласть” [Фуко 2010: 239].

Сегодня эти промышленные комплексы не просто функционируют, но и являются в ряде случаев незамещаемым участником региональных и глобального рынков. В частности, Белоруссия является глобальным игроком на рынке калийных удобрений, равно как — одним из двух существующих в мире производителей карьерных самосвалов грузоподъемностью до 450 тонн. Критически важным для российского ВПК является Минский завод колесных тягачей. Оба белорусских НПЗ и предприятия нефтехимии тесно интегрированы с российской нефтяной отраслью. Ключевым для их функционирования по-прежнему является союзный фактор: практически весь высокотехнологичный экспорт завязан на российский рынок. В отличие от большинства стран Восточной Европы, где в результате приватизации стали доминировать иностранные корпорации, а роль государства в значительной мере свелась к политическому обеспечению их присутствия, белорусское государство в полной мере сохранило за собой и монополию в части извлечения и распределения критически важной для жизнеспособности политсистемы экспортного дохода. Гарантируя обществу относительно справедливое его распределение, равно как и сохранение приемлемого уровня социальных благ, властная элита Белоруссии еще в 1990-е годы уверенно монополизировала и политическую сферу.

И такого рода контракт, в терминологии Хиршмана соответствующий парадигме “выхода” [Хиршман 2009: 29-32], был обществом принят: без особых потрясений белорусский политический процесс надолго обрел формат внутриэлитных переговоров, в то время как функционал публично-политической сферы преимущественно стал сводиться к легитимации принимаемых “сверху” решений. Белорусский режим, конечно, в этом отношении был и остается весьма далеким от культивировавшегося в западных медиа образа “последней диктатуры Европы”. Театральный принцип “короля играет свита” более чем справедлив для понимания природы белорусского процесса принятия политических решений. И накануне протестов режим скорее характеризовался неполицизованностью публичного дискурса, компенсируемой, с одной стороны, высокой внутренней переговорной активностью, а с другой — неукоснительно гарантируемой государством высокой степенью социальной справедливости.

Что логично: при небольшом количестве формирующих экономическую реальность субъектов непубличное решение текущих вопросов в режиме прямой коммуникации с властью является для них меньшей издержкой, нежели вынесение этой проблематики в политическое поле. Власть в этой конструкции по сути превращается в брокера, гарантирующего для предприятий жизненно важные для них внешние контракты.

Что примечательно, такая структура социального контракта делала излишним жесткий контроль публичного пространства. Минск и до 2014 г., когда он обрел статус международной переговорной площадки по Украине, демонстрировал довольно высокий уровень плюрализма: в условиях фактического отсутствия экономической повестки дня у радикальной оппозиции (последняя в лучшем случае генерировала заведомо маргинальный либертарианский дискурс) это не представляло никаких существенных угроз для власти. А после 2014 г., когда ЕС нормализовал отношения с Белоруссией на условиях Минска, сняв практически все свои требования, медийный плюрализм стал культивироваться белорусской властью, вплоть до фактической уступки возможности формировать повестку дня сетевым оппозиционным СМИ. Последняя была, разумеется, непреднамеренной: в рамках прагматики расширения контактов с Западом Минск стал с готовностью закрывать глаза на финансирование из-за рубежа многочисленных прозападных НГО — которые, оставаясь незарегистрированными де-юре, де-факто не испытывали дискомфорта в своей повседневной деятельности. Наиболее ярким примером тут может служить финансируемый Польшей оппозиционный телеканал спутникового вещания “Белсат”: отсутствие официальной регистрации не мешало ему иметь свои корпункты в Белоруссии, и присутствовать на всех важных мероприятиях. Собственно, все эти особенности белорусского режима, довольно резко контрастирующие со стереотипными представлениями о позднесоветском авторитаризме, и позволяли Лукашенко троллить Запад, на встречах с западными лидерами иронично приветствуя их “в столице последней диктатуры Европы”: этот эпитет очевидным образом обрел все качества бодрийеровского симулякра. Действительно, белорусская политическая реальность накануне волны протестов внешне ничем не отличалась от “восточноевропейской нормы”.

Устойчивость этого контракта была поколеблена несколькими факторами. Во-первых, внутри Белоруссии появился новый игрок, полагавший этот контракт для себя невыгодным. Извлекая свой доход на западном рынке, где патронат со стороны белорусского государства заведомо неэффективен, он логичным образом полагал существующие правила игры несправедливыми. Речь идет об IT-секторе, возникшем на базе белорусского Парка Высоких Технологий: изначально получив от государства существенные налоговые льготы, тот довольно быстро вышел на высокий уровень доходности, превратившись в своего рода аутсорсинговый “цифровой офшор”, ориентированный на американский рынок. Вопросом времени было то, как быстро и на каком уровне доходности внутри IT-сектора начнут вызревать политические амбиции — которые в экономическом измерении по определению сводились бы к минимизации непродуктивной для него издержки в виде оплаты не работающих на его рынках гарантий белорусского государства.

Вторым значимым фактором, способствовавшим эрозии контракта, стала политика многовекторности: курс на нее был провозглашен в 2014 г., но де-факто она начала проводиться гораздо раньше. Жесткий торг Минска

с Москвой по поводу цен на углеводороды давно перестал восприниматься драматически и превратился в данность, а сценарий “chicken game” стал едва ли не наиболее часто воспроизводимым жанром белорусско-российской коммуникации, который распространялся и за пределы углеводородной повестки дня. Объектом президентского арбитража периодически становились самые разные конфликты хозяйствующих субъектов. В сфере двусторонних отношений это блокировало развитие институтов Союзного государства, остающихся фактически на уровне середины 1990-х годов. Торг на практике все чаще превращался в “игру с нулевой суммой”, где победа одной стороны неизбежно становилась поражением другой [Нейман, Моргенштерн 1970: 131-133]. Впрочем, само по себе это вряд ли имело бы серьезные последствия для устойчивости белорусской политсистемы, если бы не поляризация отношений Запада и России, начавшаяся с известных украинских событий 2014 г.

В новой реальности маневры между расходящимися центрами силы, ставшие привычным инструментом двустороннего торга, предсказуемо вели к эрозии идеологических оснований белорусской власти: ценность геополитического выбора из величины стабильной стала превращаться в величину переменную, которая регулярно ставилась под сомнение в соответствии с конъюнктурой и логикой поднятия ставок. Как следствие, на месте идеологических ценностей возникал вакуум, а общество обнаруживало себя в некомфортном качестве пассажира, от которого по большому счету не зависит направление движения. Логика очередного витка торга — а последний его раунд продолжался полтора года, так и не завершившись к моменту выборов, — стала вести к заполнению этого вакуума, с молчаливого согласия власти, прозападными и националистическими ценностями, которые в условиях поляризации ситуативно превращались в антироссийские. Власть рассматривала последние как потенциально безопасный для себя фактор, на фоне которого она предсказуемо будет единственно приемлемой для России альтернативой.

Естественно, такое положение дел довольно рискованно оголяло идеологические основания существующего порядка. Последние и без того были непрочными: у белорусского режима, как части “великого лимитрофа” [Цымбурский 2000], те и не должны были быть настолько устойчивыми, чтобы ограничивать власть в ее геополитическом балансировании: функционал последних состоял в легитимации внешней политики, но никак не в структуризации политики внутренней. Кроме прочего, это объясняет и легкость идеологической эволюции режима, совершавшего повороты, невозможные в ином случае. Так, общедемократическая идеология начала 1990-х годов с приходом к власти Лукашенко в 1994 г. сменилась на пророссийскую [Коктыш 1999], а затем — на пробелорусскую, которая по структуре своей представляла собой синтез концепта порядка и мягкого культурного национализма. Такому национализму, в свою очередь, противостоял национализм радикальный — вполне маргинальный, ассоциирующийся первым делом с БНФ и находящимся в эмиграции его бывшим лидером Зеноном Позняком. Нетрудно заметить, что устойчивость концепта порядка прямо коррелирует с экономическими результатами: пока власть их может демонстрировать, противостояние “светского” и радикального национализма легко решается в пользу первого. Но вот в случае их отсутствия конструкция легко “провисает”, и порожденная депривацией радикализация настроений предсказуемо качает маятник в сторону национализма радикального. Опорой власти в этом случае остается только концепт порядка и связанные с ним инсти-

туты, чего явно недостаточно для восстановления легитимности. Как отмечал в связи с этим Т. Парсонс, “легитимность нормы не может также определяться нижними в иерархии контроля факторами — например, тем, что что-то должно быть сделано каким-то специфическим образом потому, что на карту поставлена стабильность или даже выживание системы” [Парсонс 1993: 102-103].

Третьим значимым фактором, “черным лебедем”, поставившим под вопрос жизнеспособность всей конструкции, стала пандемия и избранный властью стиль ее менеджмента. Возникнув в период охлаждения отношений с Россией, пандемия довольно тяжело ударила по экспортоориентированной экономике Белоруссии. Падение ВВП за первые пять месяцев 2020 г. по официальной статистике составило 1,8%, промышленное производство сократилось на 3,9%, оптовый товарооборот упал на 10,1%, а в общепите — почти на 18%. На этом фоне власть решила воздержаться от введения карантинных мероприятий, что предсказуемо вызвало рост недоверия среди населения, интерпретировавшего решения власти как прямое пренебрежение его здоровьем. По иронии судьбы белорусская власть имела основания для подобной политики — в нелиберальной Белоруссии не проводилось “оптимизаций” медицинской сферы, и больничная инфраструктура вполне могла справиться с возросшей нагрузкой без чрезвычайных мобилизационных мер. Более того, в итоге так и произошло — драматичной разницы в статистике заболеваемости в Белоруссии и других странах, вводивших карантин, не возникло. Теоретически это был выигрышный козырь, который власть могла использовать как весомый аргумент в части укрепления своей легитимности. Но на практике коммуникационная политика обернулась полным провалом: власть начала говорить не о существующем запасе прочности, а об опасности экономических потерь. В результате общество ей не поверило, в качестве ответной реакции возник стихийный “народный карантин”, когда население стало самостоятельно “самоизолироваться” и уходить, где это было возможно, на дистанционную работу, чему государство разумно не препятствовало. Тем не менее, инициатива власти, а вместе с ней и ее доминирующие позиции в информационной сфере, оказались утерянными. Главную роль в формировании повестки дня стали играть многочисленные оппозиционные, преимущественно сетевые, СМИ.

В результате накопление количественных изменений поставило под вопрос возможность сохранения прежнего качества. Незыблемость белорусского социального контракта, готовность и способность власти его выполнять стали вызывать сомнения даже у включенной в него части общества. А “проседание” экономики в условиях кризиса стало фактором, разрушающим конструкцию “пробелорусской” идеологии власти, жестко противопоставив две ее компоненты друг другу: национализм — как флаг противостоящей власти оппозиции, и институциональный порядок — как опора власти, вынужденной обосновывать в новых условиях свою легитимность *per se*, без какой-либо опоры на ценности. Наконец, в ситуативной слабости государства связанные с IT-индустрией экономические игроки увидели шанс навязать ему новый контракт, на политическом уровне закрепив обретенный ими экономический вес.

ИДЕИ ПРОТИВ ИНСТИТУТОВ

Складывающаяся комбинация факторов не могла не привлечь заинтересованного внимания внешних игроков, в первую очередь западных, в течение двух с лишним десятилетий поддерживавших вялотекущую борьбу демокра-

тической оппозиции против “последней диктатуры Европы”. Это вполне логично, если учесть, что локальная игра с нулевой суммой Москвы и Минска (с призом в виде цен на углеводороды) происходила на фоне куда более масштабной, но аналогичной по структуре уже геополитической игры с нулевой суммой между Западом и Россией. Ослабление внутренней поддержки белорусской власти и, что самое существенное, становление IT-сектора как экономически самостоятельного игрока с политическими амбициями позволяло конвертировать эту игру двух участников в куда более вариативную в плане исходов игру трех и более участников [Нейман, Моргенштерн 1970: 245-246, 260-262]. В этой “большой игре” стало вырисовываться четыре актора: белорусский субъект впервые в своей новейшей истории вполне мог расколоться на два, на власть и оппозицию, где каждый из участников под своими политическими амбициями имел бы еще и собственную ресурсную базу. До сих пор такого не было: как уже отмечалось, “прежняя” белорусская оппозиция весь период независимого существования Белоруссии была исключительно культурно-политической, никак не связанной с экономическим фундаментом. “Новая” же оппозиция такой фундамент имела. Вопросом времени было ситуативное размежевание этих двух субъектов по критерию “пророссийско-прозападность”: ключевым фактором оказывались не идеологические предпочтения, а ориентация на соответствующие рынки, *“ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше”*¹. Как следствие, возможный приход к власти оппозиции автоматически менял все “большие” расклады самым драматичным и кардинальным образом. В результате за год до выборов, в конце августа 2019 г. Минск посетил тогдашний советник президента США по национальной безопасности Джон Болтон², а в феврале 2020 г. — глава госдепартамента США Майкл Помпео³. Оба визита состоялись в период интенсивного торга Минска с Москвой и предсказуемо были использованы Минском, привычно продолжавшим использовать торг с Москвой для обострения и поднятия ставок. Более того, Помпео этому прямо поспособствовал, предложив поставки на белорусские НПЗ американской нефти в качестве альтернативы российской.

В дальнейшем развитии событий внешний интерес продолжал неизменно ощущаться. Речь не только о группе телеграм-каналов польского базирования с двухмиллионной аудиторией “Нехта” (по-русски — “некто”). Этот медиа-гигант, по официальной версии поддерживаемый двумя беглыми белорусскими студентами, но при этом демонстрирующий способность функционировать в режиме полноценного СМИ, проявил способность в реальном времени организовывать и координировать протест, опираясь на разветвленную и информированную корреспондентскую сеть, демонстрируя высокий уровень политтехнологий и генерируя десятки постов в день. Белорусские постэлекторальные протесты с самого начала жестко противопоставили идею свободы государственным институтам, последние стали трактоваться как ее “узурпаторы”. Практически сразу эта идея предсказуемо обрела националистическую окраску: в публичный оборот стали активно вводиться вполне знакомые со времен украинского майдана мемы про

¹ Матф. 6:21.

² Бурчаков А. Поговорили о суверенитете: зачем Болтон приезжал в Беларусь? — *BBC News*. 29.08.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-49511381> (accessed 11.04.2021).

³ Гришин А. Помпео в гостях в Минске услышал от хозяев все, что хотел. — *Комсомольская правда*. 01.02.2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/27086/5/4158325/> (accessed 11.04.2021).

“рождение в Белоруссии новой нации”, которые затем и вовсе подменили собой изначальную идею свободы. В целом можно говорить об устойчивой реализации матрицы “цветных революций”, когда воспроизводились ее основные, уже многократно описанные, приемы [Почепцов 2005].

Первый в их числе — жесткая технология “расчеловечивания власти”. Так, если украинский майдан наделял власть Януковича ярлыком мрачной, злой, криминальной и коррумпированной силы [Тертеров 2016: 24], то в белорусском случае против власти технологи пытались инвертировать базовые метафоры Великой отечественной, отождествив протест с народом, а власть — с фашистами. В рамках прикладного использования этой метафоры силовики объявлялись “фашистами” и “карателями” (создавая аллюзию с нацистскими полицейскими подразделениями, сжигавшими в ходе войны белорусские деревни), президент — “агрофюрером”, а осуществлявшиеся протестующими акции блокирования дорог и вывода из строя регулирующей автоматики на железнодорожных путях — “партизанским движением”. В стороне от этой системы метафор не остался и российский либеральная интеллигенция — так, Г. Павловский не удержался от сравнения политической лексикой Лукашенко с лексикой гауляйтера В. Кубэ⁴. Инвертированная “военно-историческая” метафорика, впрочем, стала не более чем своего рода “новоязом” протестующих, превратившись в дополнительный фактор их интеграции, но никак не в общенациональный язык описания политики, о чем свидетельствуют и перманентные поиски оппозиционными ТГ-каналами альтернативных “точек опоры” в совершенно иных метафорических рядах (“слабовики” и “насилловики” и т.д.). Военно-историческая метафорика стала подкрепляться и противопоставлением “новый — отживший”, где ТГ-протест подавался как “революционная борьба нового со старым, технологий с отсталостью страны, молодого современного поколения с динозаврами нецифровой эпохи” [Шульц 2017: 96], и как “борьба с заскорузлым колхозным совком”.

В числе использованных технологий [Наумов 2018] оказались и “деанонимизация” силовиков и членов судейского корпуса (в открытом доступе размещались их личные данные, неизвестные покушались на их имущество, поджигали машины и дачи), и героизация нескольких погибших участников протеста, и даже попытка самосожжения, случившаяся ровно тогда, когда у протеста наметилась смысловая пауза. Этот последний, скорбный инцидент внес свой вклад в поддержание эмоционального накала протестующих. Ряд использованных организаторами протеста ходов подпадает под категорию скорее механически скопированных, нежели осмысленных, применение которых лишний раз демонстрирует доминирование готовых технологических схем и решений. Так, в последовательном выводе на улицу всех возможных меньшинств (женщин, пенсионеров, людей с ограниченными возможностями) трудно не увидеть реализацию сформулированного еще П. Акерманом требования максимального представительства [Ackerman, Rodal 2008: 117-118], при том, что реальный уровень социальной защиты пенсионеров и инвалидов в Белоруссии делает их политический протест заведомым оксюмороном. Таким же оксюмороном, впрочем, являлась и провалившаяся попытка организации забастовки на госпредприятиях.

Белорусский протест обрел и ряд уникальных черт, которые явились скорее вынужденной импровизацией — реакцией на политтехнологические провалы.

⁴ Павловский Г. Facebook. *Персональный блог*. 30.10.2020. URL: <https://www.facebook.com/gleb.pavlovsky/posts/1797001960437902> (accessed 09.04.2021).

Так, власти, во многом за счет жестких действий в первые двое суток выступлений, удалось сбить размах и агрессивность протестов, немедленно были снесены и начавшие было сооружаться баррикады. В силу этого продвигаемая идея национальной свободы (в белорусском контексте — свободы от государства) не обрела своей символической территории (подобно тому, как это сделал украинский майдан). Протесту, несмотря на многочисленные попытки, не удалось зафиксировать за собою особое “символическое пространство”, которое стало бы центром развития событий и превратилось бы в плацдарм для дальнейшей экспансии. Майдан, напомним, стал не просто символическим пространством, давшим название всей украинской революции, он трансформировался в полноценный институт, легитимировавший пришедших к власти “революционеров”. В Белоруссии этого не произошло, идея не обрела своего материального воплощения. В результате “новый национализм”, выделившийся из прежнего порядка, не соединился с существующими институтами, не переманил оттуда гипотетических “софтлайнеров”, и не смог породить убедительных новых. Но такой замысел явно присутствовал, активнейшие попытки создать свой институт, с тем, чтобы от его имени потребовать от власти заключения “пакта”, предпринимались на протяжении всего периода протестной активности. Впрочем, о схематизме и ограниченной функциональности буквалистски понимаемого “пактового” подхода предупреждали еще Т. Карл и Ф. Шмиттер [Карл, Шмиттер 2004: 18-19].

Белорусский протест стал в чистом виде сетевым и управляемым телеграм-каналами из-за границы, что обусловило одновременно его сильные и слабые стороны. Бесспорно, сильной его стороной было отсутствие видимых центров принятия решений и координации, которые обрели анонимный и трудно отслеживаемый властью характер. Слабой же стала прямо вытекающая из сетевой природы невозможность легитимации не только институтов, но и лидеров: даже на пике интенсивности протест не смог создать их устойчивый пул. По сути, на новый виток развития вышла проблема дефицита легитимности у “цветного” протеста. Традиционно она решалась за счет совмещения протестов с выборами [Харитоновна 2014: 201]. Это маскирует слабость оппозиционных лидеров, поскольку обвинения режима в фальсификациях, слабости и “поражении в институциональных рамках” [Пшеворский 2013: 418] позволяют эффективно переложить эту проблему на власть, на “ее темном фоне” любой альтернативный лидер может быть представлен как сильный, моральный, компетентный и привлекательный. Однако в этот раз отсутствие институтов у протеста не позволило реализоваться традиционному сценарию: можно вспомнить красноречивое высказывание Джорджа Сороса, сделанное по поводу эпохи, начавшейся после Брежнев и прихода к власти Трампа — о том, что “все, что могло пойти не так, пошло не так”⁵. Самопровозглашенный Координационный Совет оппозиции, несмотря на все усилия “Нехты”, остался собранием людей, которые предприняли неудачную попытку “оседлать процесс”, так и не получив уличной легитимности. То же справедливо и в отношении С. Тихановской, титульного оппозиционного кандидата — та стала символом, но никак не лидером. Не смог сетевой протест породить и программы перемен: оформление идеи “национальной свободы” от “советского государства” так и осталось на изначальной

⁵ Chrysoloras N., Fouquet H. Soros Sees New Global Financial Crisis Brewing, EU Under Threat. — *Bloomberg*. 29.05.2018. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-05-29/soros-sees-new-global-financial-crisis-brewing-eu-under-threat> (accessed 09.04.2021).

дополитической стадии, требованием исключительно эмоционально мотивированного отторжения действующей власти.

Возникла интересная структура противостояния, когда не обретшая никаких убедительных институтов идея протеста стала атаковать государственные институты, утрачивающие в результате политики многовекторности свою идею. Институты в этом противостоянии обнаружили свою эффективность, власть смогла продемонстрировать политическую волю и начала шаг за шагом восстанавливать контроль. Ей удалось в зародыше купировать забастовочное движение, которое, в отличие от иных факторов, могло нести критическую угрозу политсистеме. Срочные визиты Лукашенко на госпредприятия и его прямая коммуникация с рабочими сыграли свою роль, их функционирование было обеспечено твердо и убедительно. В полной мере сохранилась лояльность силового блока и номенклатуры, чему немало способствовала и взятая протестующими на вооружение практика деанонимизации силовиков: эффективная в условиях слабой и колеблющейся власти на Украине технология деморализации в белорусском случае породила обратный результат, усилив консолидацию силового блока вокруг властного центра. Студенческие стачки так и не приняли массового характера. Протестная идея начала блекнуть: движение маргинализировалось, трансформируясь в классово-буржуазное, в его рядах оставался главным образом креативный класс и, предсказуемо, IT-сектор. Власть вполне смогла устоять перед напором улицы, явив жизнеспособность и запас прочности, а противостояние внутри страны перешло в позиционную фазу, и главную роль в нем стали вынужденно брать на себя уже внешние игроки.

Идея, не обретя легитимных институтов, ответственных за ее прикладную интерпретацию, девальвируется, в этом нет ничего принципиально нового. Вопрос в том, имела ли шансы протестная идея свободы, обретшая форму национализма (“новой нации”, отторгающей “постсоветское авторитарное прошлое”), такие институты создать? Действительно, программа протестов была и остается вполне в духе “негативной свободы” Вольтера⁶. Вольтер определял ее как “естественное состояние”, утраченное с появлением собственности и государства. При такой постановке вопроса понятно, кого следует обвинять в утере, а также, что утрату можно и должно восстановить, противостоя государству, но совершенно непонятно, как определить, что утраченное найдено. В силу логики “антинациональности” государства объектом непримиримой борьбы становятся все без исключения его институты. Белорусское государство и персонализирующий его президент, вполне в духе этой метафоры, “повинны” в отсутствии свободы: в ход пошли даже призывы к саботажу коммунальных платежей и немедленному снятию денег со счетов в банках. Позитивной составляющей “проекта завтрашнего дня” в рамках данной парадигмы не может возникнуть в принципе. Собственно, этой “логической ловушкой” и обусловлена довольно быстрая смена “точки опоры”, принявшая формат освоения протестным процессом национализма. Но и там ситуация оказалась ничуть не легче, проблемой стало отсутствие исторически релевантных и сохраняющих актуальность образцов, в силу чего протестная идея “рожде-

⁶ “Первый, кто, оградив участок земли, вздумал сказать: ‘это мое’ — и нашел достаточных простаков, которые ему поверили, был истинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, от скольких бедствий и ужасов избавил бы человеческий род тот, кто, вырвав колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: остерегайтесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды принадлежат всем, а земля никому” [Вольтер 1947: 467]. Монтескье и Руссо, создавая концепции разделения властей [Монтескье 1999: 63, 68, 137] и “общей воли” [Руссо 2013: 130], пытались минимизировать разрушительный потенциал этих идей Вольтера.

ния новой нации” так и осталась симулякром. Пример украинского майдана, в схожих условиях якобы все же породившего “новую украинскую нацию”, представляется нерелевантным — как известно, в украинских событиях цивилизационным образцом и целью революции была Европа, но ни в коем случае не пришедшие к власти националисты. “Европейской идеи”, по крайней мере в явном виде, в белорусских протестах не было, к тому же она вряд ли сработала бы — после украинских событий в Белоруссии она не обладает достаточной привлекательностью. Соответственно, не возникло и позитивной программы, протесты оказались самоценны и самодостаточны — вследствие чего после яркой вспышки стали затухать, постепенно маргинализуясь.

Отсутствие институтов, которые имели бы легитимное право на прикладную интерпретацию идеи протеста, привело к неуправляемости: любое управление оказывалось возможным лишь поскольку оно вписывалось в изначальную простую парадигму противостояния. Лидеры протеста — в какой мере о них вообще возможно вести речь — обнаружили себя в ситуации, когда любая попытка рационализировать его динамику немедленно воспринималась как этически неприемлемая сделка с властью. Бескомпромиссность протестующих, неизменно требовавших от власти исключительно капитуляции “системы в целом”, в качестве ответной реакции усиливала консолидацию номенклатуры. Украинский пример был свеж, и угроза вынужденной эмиграции в случае победы революции, бесспорно, являлась для ее представителей мощнейшим мобилизующим фактором. В результате противостояние внутри страны обрело признаки классической “дилеммы заключенного”, где отступление и поиск компромиссов любой из сторон будут вести к очевидно наихудшим для них исходам и перестают рассматриваться в качестве возможной альтернативы.

В жанре позиционной борьбы власть продолжила медленно, но неуклонно набирать очки, а протест, по мере остывания эмоций, стал столь же последовательно терять внутривластную перспективу, вырождаясь во флешмобы. Наметившийся надлом логичным образом стал побуждать к вступлению в игру внешних стейкхолдеров, в первую очередь — тех, кто сделал ставку на перемены: те стали срочно “фиксировать прибыль”, стремясь создать отсутствующие институты протеста уже за рубежом. Речь шла, впрочем, не столько о победе, сколько об оформлении завоеванных на первой фазе протестов позиций. Выяснилось, что ставки на противостояние были сделаны весьма серьезные, и собственно Белоруссии в этом раскладе отводилась по большому счету объектная роль.

101

ПОЛЬША И ЛИТВА: БИЛЕТ В ОДИН КОНЕЦ?

Непримиримую позицию по отношению к белорусскому режиму заняли Польша и Литва, де-факто провозгласившие себя территорией идеи “белорусской свободы”. Последняя даже поспешила решением Сейма признать С. Тихановскую избранным президентом Белоруссии и ввести персональные санкции против Лукашенко⁷. В новых условиях Польша и Литва взяли курс на реализацию “венесуэльского варианта”, логичным завершением стало бы формирование вокруг Тихановской своего рода “правительства в изгнании”. Правда, последнее сомнительно: протест, не сумевший создать свои институты внутри страны, вряд ли сможет их легитимировать и в заграничном варианте. Тем не менее, уместно отметить: такой ход был не только рискованным, но и откровенно

⁷ Сейм Литвы назвал Тихановскую “избранным президентом Белоруссии”. — *РИА Новости*. 10.09.2020. URL: <https://ria.ru/20200910/tikhanovskaya-1577064124.html> (accessed 31.10.2020).

спорным: поскольку ОБСЕ, сославшись на не вовремя полученное приглашение, не прислала своих наблюдателей на выборы, суждения стран ЕС о легитимности выборов, и уж тем более об их исходе, изначально оказывались лишены правовых оснований. Это было вынужденное решение, закрывающее иные альтернативы, “билет в один конец”. Но где и когда две соседние с Белоруссией страны перешли Рубикон? (Литва при этом существенно зависела от транзита белорусских грузов через Клайпеду.) Ведь ни Варшава, ни Вильнюс никогда ранее не испытывали проблем коммуникации с белорусским режимом.

В первые дни протестов Лукашенко, как известно, обвинил Польшу в территориальных притязаниях на белорусское Гродно и часть Гродненской области. Эти обвинения, разумеется, были с гневом отвергнуты Польшей в качестве абсурдных, а внутри страны были интерпретированы оппозицией в качестве неуклюжей попытки белорусской власти найти внешнего врага. Но если мы отмотаем ленту событий чуть назад, мы обнаружим, что основания для такого суждения у Лукашенко были.

Действительно, меньше чем за неделю до выборов Минск находился в жесткой конфронтации с Москвой, в Белоруссии были арестованы 33 россиянина, обвиненных в том, что они принадлежат к частной военной компании, направившей их в Белоруссию для организации беспорядков. Заподозрив Москву в попытке госпереворота, Минск тогда немедленно анонсировал военные учения на восточной границе Белоруссии. Худший вариант, о возможности которого потом часто говорил белорусский президент, мог бы представлять собой ситуацию, когда силы и ресурсы, на которые могла бы положиться белорусская власть, находились не в то время и не в том месте. Так, недостаточная концентрация сил в столице в первую неделю протестов легко могла иметь следствием коллапс власти. Наступающий в таком случае хаос теоретически мог бы быть использован как предлог для “гуманитарной интервенции” Запада под эгидой Польши — поскольку та стабильно проводит политику опеки этнических поляков на “крэсах восточных”⁸. В ее рамках регулярно фиксируются “факты дискриминации поляков в Белоруссии”⁹. Польша могла бы откликнуться на призывы ряда польских деятелей¹⁰ и заявить о миссии обеспечения безопасности проживающего в Белоруссии польского меньшинства (т.е. обладателей “карты поляка”) в условиях коллапса власти. Таковых на сегодня — около 140 тыс.¹¹. Подозрения в вероятности существования такого сценария усугубляются тем фактом, что НАТО начало неплановые учения у западных границ Белоруссии сразу после выборов¹², а ОДКБ, не будь Россией оперативно выявлен в истории с арестованными россиянами украинский след, не могла бы вмешаться в конфликт, поскольку российские вооруженные силы были бы заблокиро-

⁸ Гулевич В. Белоруссия в польской политике. — *Международная жизнь*. 12.07.2018. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/20174> (accessed 31.10.2020).

⁹ Rada Naczelna ZPB o dyskryminacji Polaków na Białorusi (zdjęcia). — *Znadniemna.pl*. 28.01.2019. URL: <http://znadniemna.pl/36294/rada-naczelna-zpb-o-dyskryminacji-polakow-bialorusi-zdjecia/> (accessed 31.10.2020).

¹⁰ Степушова Л. Nexta и координаторы протестов. — *Pravda.ru*. 02.09.2020. URL: <https://www.pravda.ru/world/1524985-polska/> (accessed 31.10.2020).

¹¹ Невероятно! Около 140 тысяч белорусов получили карту поляка и это не предел. — *Белорусский партизан*. 2019. URL: <https://belaruspartisan.by/life/477941/> (accessed 31.10.2020).

¹² Баранец В. США двинули танки к границе Белоруссии. — *Комсомольская правда*. 04.09.2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/217178.5/4282085/> (accessed 31.10.2020).

ваны белорусскими на восточных границах Белоруссии. В эту канву ложится и заявление министра обороны Белоруссии В. Хренина¹³, прямо обвинившего Запад в гибридной войне против его страны, и в связи с этим указавшего, что за последние годы у границ Белоруссии количество учений стран НАТО выросло в 5 раз, а военная группировка НАТО — увеличилась в 17 раз.

Такая комбинация факторов сложилась не спонтанно. Из высказываний ряда украинских политиков¹⁴ известно, что проект провокационной заброски в Белоруссию “российской ЧВК” начал разрабатываться еще год назад при непосредственном участии американских спецслужб. “Сработать” он мог только при условии 1) невыхода Лукашенко за пределы парадигмы *chicken game* и 2) его недоверия к России: культивирование этих двух факторов было осознанной политикой. Свой вклад в укрепление первого внесли уже упомянутые визиты Болтона и Помпео в Минск. Укреплению второго служила кампания блогера С. Тихановского, позиционировавшего себя как “пророссийского” кандидата и реализовавшего жесткий сценарий “расчеловечивания” власти и оскорбительных персональных атак на Лукашенко. Также пророссийским представлялся власти и арестованный в начале кампании по обвинениям в отмывании денег банкир Бобарико.

Решающим для разрыва этой логической цепочки событий — и немедленного выхода белорусского президента из парадигмы *chicken game*, а также пересмотра политики многовекторности, стали российское расследование, выявившее в истории с ЧВК украинский след¹⁵, и последовавший за ним телефонный звонок¹⁶ Путина Лукашенко. По его итогам инцидент с 33 россиянами был исчерпан: им принесли извинения и немедленно отправили на родину. Отношения доверия восстановились, и это позволило Лукашенко уже в самом начале протестов обратиться к России с запросом на обеспечение безопасности на основании ст. 2 Договора о создании Союзного государства¹⁷ и ст. 2 Договора о коллективной безопасности¹⁸. Этот запрос был незамедлительно принят. Минск и Москва оперативно начали совместные учения “Славянское братство”¹⁹ уже на западной границе Белоруссии, в силу чего любые сценарии внешнего силового вмешательства оказались физически исключены. Фактор России, до выборов отодвинутый было на периферию белорусской политики, мгновенно превратился в ключевой, который в итоге и сыграл главную стабилизирующую роль²⁰.

¹³ Калинина В. Хренин заявил о попытках ведения гибридной войны против Беларуси. — *Newsbel.by*. 04.09.2020. URL: https://newsbel.by/09/04/hrenin-zayavil-o-popytkah-vedeniya-gibridnoy-voyny-protiv-belarusi/?utm_source=yxnews&utm_medium (accessed 31.10.2020).

¹⁴ Свобода слова Савика Шустера. Каму Лукашэнка бацька. — *Yapolitic.ru*. 04.09.2020. URL: <https://yapolitic.ru/12385-svoboda-slova-savika-shustera-kamu-lukashenka-backa-040920> (accessed 31.10.2020).

¹⁵ Коц А. Арест 33 россиян в Минске оказался провокацией спецслужб Украины. — *Комсомольская правда*. 06.08.2020. URL: <https://www.kp.ru/daily/217165/4266019/> (accessed 31.10.2020).

¹⁶ Путин и Лукашенко обсудили задержание 33 россиян. — *РИА Новости*. 07.08.2020. URL: <https://ria.ru/20200807/1575489779.html> (accessed 31.10.2020).

¹⁷ Информационно-аналитический портал Союзного государства. Договор о создании союзного государства. 2020. URL: <https://soyuz.by/dogovor-o-sozdanii-soyuznogo-gosudarstva> (accessed 31.10.2020).

¹⁸ ОДКБ. Договор о коллективной безопасности. 2020. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (accessed 31.10.2020).

¹⁹ “Славянское братство”: Москва прислала на учения в Беларусь 300 десантников и одного министра. — *BBC News*. 16.09.2020. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54167158> (accessed 31.10.2020).

²⁰ Немецкий эксперт: позиция Путина заставила Запад отступить от Белоруссии. — *Радио Спутник*. 02.09.2020. URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20200902/putin-1576626593.html> (accessed 31.10.2020).

Такая версия представляется наиболее логичным объяснением факта непримиримости Литвы и Польши по отношению к устоявшейся белорусской власти: очевидно, “после Рубикона” там уже не видят иных альтернатив, и это заметно контрастирует с поведением этих стран до выборов. Видимо, из такого же понимания исходит и белорусская власть: Польша и Литве, единственным из стран Евросоюза, было предписано двукратное сокращение штата посольств и понижение уровня диппредставительства²¹. В обозримом будущем белорусский грузопоток должен быть переориентирован с литовской Клайпеды на российскую Усть-Лугу. Польша начала готовиться к принятию миграционного оттока разочарованных, впрочем, отток вряд ли будет массовым. Тем не менее, внутренние расклады в Белоруссии он качественно изменятся, поскольку часть оттока будут составлять солидаризировавшиеся с протестами представители западноориентированных элит.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ ПРОТЕСТНОЙ ИДЕИ

Почему же основная масса населения оказалась невосприимчивой к идее “новой свободной нации” — тогда как упорное меньшинство продолжает регулярно выходить на демонстрации протеста? Ответ, наверное, следует искать не только в индустриальной ориентации Белоруссии, в силу чего лояльность рабочего класса обеспечила локализацию протестов, но и в ее лимитрофной природе. “Лимитрофность”, характеризующая большинство стран ЦВЕ, обуславливает их политику балансирования между центрами силы, и любые декларации являются языком коммуникации с внешними контрагентами, но не когнитивной основой политического мышления. В Белоруссии оно несколько архаично: политические ценности для белорусов значимы в первую очередь в той мере, в которой они подкрепляются квантифицируемым ресурсом, что неизменно подтверждается эмпирическими исследованиями [Зайко, Романчук 2011]. Именно поэтому протестный призыв к уничтожению системы не мог надолго воспламенить большинство; оно, воспламенившись, быстро остыло, а система по сути получила “иммунитет” к новым протестам.

Протестная активность сохранялась до конца 2020 г., что обуславливалось двумя разнородными факторами. Первый из них — IT-сектор, на всех этапах развития протестов так или иначе принимавший в них активное участие. С точки зрения его представителей, речь идет о классической буржуазной революции, где представители нового имущего класса, ощущающего себя в качестве глобальной силы, способной навязать свой формат социального контракта, где налагаемых государством обременений должно стать гораздо меньше, либо не быть вовсе. Примеры такого рода обременений в практике белорусского государства, это передача преуспевающим субъектам хозяйствования “шефства” над колхозами, на этой основе и появился протестный мем “агрофюрера”, адресуемый белорусскому президенту. Протест для этой страты прагматичен, а значит, дальнейшее ее участие предсказуемо: часть сектора мигрирует, а оставшаяся — на определенном этапе заключит пакт с властью.

Второй фактор — это романтический национализм молодежи, который ни в каких материальных опорах не нуждается. Этот слой воспринял идею национальной свободы как непримиримой борьбы с “неправильной властью” всеми доступными способами. В отношении него уместно говорить о вере,

²¹ Minsk Obligated Poland and Lithuania to Reduce the Number of Diplomats in Belarus. — *Ореанда*. 02.10.2020. URL: <https://www.oreanda.ru/en/gosudarstvo/politic1/minsk-obliged-poland-and-lithuania-to-reduce-the-number-of-diplomats-in-belarus/article1339079/> (accessed 31.10.2020).

захватившей умы некоторой части студенчества, на некоторое время переставшей соотноситься с реальностью, и ставшей этапом ее социализации. Эта “вторая волна национализма”, повторяя судьбу первой волны 1990-х годов, уже активно вытесняется на обочину политического процесса и, по мере накопления разочарования, также становится маргинальной.

Отдельным вопросом является трансформация идеи свободы (“нации”) от государства, которая стала в итоге единственным содержанием белорусских протестов. Их активность, масштаб и продолжительность обусловлены прежде всего технологиями. Организаторы привнесли в них элементы гейминга, превратив выход на очередную акцию в захватывающий воображение молодежи квест и челлендж. Социальные сети проявили себя самым ярким образом в разжигании белорусской революции. Еще М. Фуко отметил парадокс, когда, с появлением мануфактур, переход государства от практики дискретного и в силу этого брутального контакта с обществом к практике повседневного его контроля (что на деле кардинально сузило пространство реальной свободы), был единодушно назван гуманизацией [Фуко 2015]. Впрочем, многое часто легитимизируется тем, что отрицает. В полном соответствии с этим принципом, на поверку социальные сети, объединяя, разъединяют. Они де-факто стимулируют появление изолированных ценностно интегрированных групп, которые “варятся в собственном соку”, не испытывая дискомфорта коммуникации с носителями иных ценностей. Порою они даже не подозревают об их существовании — что не случайно (как выясняется в ходе показаний в Конгрессе США, которые дают главы *Facebook*, *Google* и *Amazon*²²) и изначально задается программными алгоритмами. Синтез технологий и сетей обусловил феномен управляемой толпы²³, которая позволяет дистанционно, в онлайн-режиме и из-за рубежа осуществлять координацию действий, генерируя флеш-мобы с помощью телеграм-каналов. Но этот метод оказался ригидным в отношении любой попытки привнести элемент рационализации в протест. В итоге протестная идея подверглась постмодернистской редукции до чистого символа, “совершенного симулякра” [Бодрийяр 2015: 32]. Обусловив массовость протеста, эта идея одновременно закрыла и без того гипотетические возможности своей содержательной эволюции. Признаем в очередной раз справедливость озвученного Гюставом Лебоном [Лебон 1995] еще в конце XIX в. тезиса: качество толпы как отдельного социального образования никак не зависит от индивидуальных качеств составляющих ее людей, “цифровая толпа” в этом отношении качественно не отличается от толпы классической.

Глобальность информационного пространства сделала эту трансформацию реальностью, выходящей за пределы белорусского контекста. История не засчитывает неудачные попытки, и очередной провал “цветной” революции наносит сильнейший удар по лежащим в их основе идеям. Это критично: до сих пор каждая новая “цветная” революция по сути начинала с той смысловой точки, которая была достигнута в ходе предыдущей, повторяя в общих чертах не только технологии, но и легитимирующие их использование идеи. Подтверждая это, недавние скоротечные протесты, организованные в России фондом Навального, стилистически и организационно копирующие уже “свежий” белорусский опыт, “не замечали” того, что в Белоруссии в конкуренции идей и институтов победили институты, а “постмодернистски редуцированные” идеи заметно поблекли.

²² Герасюкова М. “Вы следите за нами”: Цукерберг дал показания конгрессу. — *Газета.ру*. 11.04.2020. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2018/04/11/11713993/zuck_congress.shtml (accessed 23.12.2020).

²³ Автор здесь и далее опирается на свой опыт включенного наблюдения за протестами в августе и начале сентября.

Это тонко почувствовали страны “старой Европы”, заняв выжидательную позицию. Так, заявления ряда стран ЕС о нелегитимности Лукашенко²⁴ вряд ли обретут международно-правовое измерение и, скорее всего, останутся в статусе не обязывающей декларации. Состоялись встречи лидеров Франции²⁵ и Германии²⁶ с С. Тихановской. Но как и иные встречи с ней на высоком уровне они не имели ничего общего с ее возможным признанием в качестве легитимной власти, скорее представляя собой классический “торг действиями”, довольно прозрачный месседж для Минска и Москвы, целью которого было простимулировать последних к включению Парижа и Берлина в обсуждение белорусского вопроса через посредничество ОБСЕ. Требование “пакта” для европейских столиц явно является разменным ресурсом в рамках ожидаемого переговорного торга даже не столько с белорусским режимом, сколько с Россией. Последнее уже вполне почувствовала Тихановская, заявившая с интервью “Нью-Йоркеру” о разочаровании в европейских политиках, “постоянно оглядывающихся на Россию”²⁷.

США же однозначно сделали свой выбор в пользу институтов государства, что, соответствовало привычной Трампу парадигме реализма. Еще в конце сентября 2020 г., когда протесты явно миновали свой пик, комитет по международным делам сената США одобрил, а в декабре сенат единогласно утвердил кандидатуру Дж. Фишер на должность посла в Белоруссии²⁸. На момент слушаний в комитете было очевидно, что верительные грамоты та будет вручать президенту Лукашенко, де-факто и де-юре признавая его легитимность, и тем самым во многом девальвируя жесткую нормативную риторику Запада в его адрес. Финальным же месседжем стал звонок госсекретаря Помпео Лукашенко, сделанный накануне истечения срока “ультиматума”, предъявленного Тихановской белорусской власти. Это как раз тот случай, когда символика куда важнее содержания: неважно, о чем шел получасовой разговор, важно, что, коммуницируя с Лукашенко накануне “судьбоносной” акции протестующих, США тем самым де-факто признали легитимность белорусского президента и дистанцировались от дальнейшей судьбы белорусского протеста.

БЕЛОРУССИЯ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Минск, сохранив субъектность, будет теперь вынужден приступить к пересборке и перезагрузке белорусской политсистемы. Очевидным трендом уже анонсированной конституционной реформы станет увеличение роли и веса политических институтов: несостоявшаяся революция показала, что персонализированность политсистемы легко может обернуться высокими рисками. Но если с традиционными институтами картина более-менее ясная — так, уже сменились главы православной и католической церквей, — то с партийной системой Белоруссии, находящейся в неразвитом состоянии, все гораздо сложнее. Тому есть как минимум

²⁴ Страны Евросоюза не признают легитимность Лукашенко. — *РИА Новости*. 23.09.2020. URL: <https://ria.ru/20200923/evrosoyuz-1577668286.html> (accessed 31.10.2020).

²⁵ Макрон оконфузился, не сумев выговорит фамилию Тихановской во время встречи. — *Politikus.ru*. 29.09.2020. URL: <https://politikus.ru/events/131628-makron-okonfuzilsya-ne-sumev-vygovorit-familiyu-tihanovskoy-vo-vremya-vstrechi.html> (accessed 31.10.2020).

²⁶ Эксперт объяснил, почему Меркель согласилась встретиться с Тихановской. — *РИА Новости*. 06.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201006/merkel-1578441855.html> (accessed 31.10.2020).

²⁷ Тихановская разочаровалась в оглядывающихся на Россию европейских политиках. — *Лента.ру*. 14.12.2020. URL: <https://lenta.ru/news/2020/12/14/oglyad/> (accessed 22.12.2020).

²⁸ Сенат США утвердил кандидатуру Фишер на пост нового посла в Минске. — *ТАСС*. 16.12.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10266737> (accessed 22.12.2020).

две причины: мажоритарная система выборов в парламент и отсутствие крупных хозяйствующих субъектов, заинтересованных в регулярном участии в политике. Ключевые субъекты экономики решают свои проблемы напрямую с государством, не нуждаясь в дополнительном партийном посреднике, запрос на публичную политику генерирует только оппозиционный IT-сектор. Введение пропорциональной или смешанной системы выборов в парламент само по себе проблему не решит, оно очевидно должно сопровождаться непривычной для Белоруссии политизацией всей экономической системы. Но, возможно, именно к этому варианту разрешения кризиса склоняется власть, подавая недвусмысленные сигналы о готовности дать “зеленый свет” партиям и согласиться с возникновением легализованной оппозиции. Такой вариант может оказаться вполне эффективным в случае включения прагматичной части протеста в политсистему, после чего на улицах останется только его радикальная националистическая часть. Но одного институционального конструирования будет недостаточно.

Не меньшая проблема, обозначенная протестами, — это дефицит идеологии (как в рядах оппозиции, так и во власти), позволяющей генерировать устойчивую картину будущего. Сам по себе концепт порядка недостаточен для полноценной и устойчивой легитимности, тем более при таком оппоненте, как “новый национализм”. Тактически власть смогла извлечь достижимый максимум. В начале февраля 2021 г. она нанесла сильнейший удар по репутации “новой оппозиции” и вернула себе доминирование в информационном поле. На государственном телеканале ОНТ прошел недельный документальный сериал “Ложь беглых”²⁹, где были продемонстрированы записи оперативных прослушек телефонных переговоров и закрытых зум-конференций находящихся большей частью за рубежом координаторов протеста. В них обсуждались не ценности революции, а главным образом факты масштабных хищений собранных “под Тихановскую” в Белоруссии и полученных от Запада средств. Показ собрал рекордную аудиторию и полностью дискредитировал протесты, реализовав одновременно и задачи контрпропаганды и продемонстрировав населению высокую квалификацию национальных спецслужб: начиная со второго выпуска, в нем демонстрировались все самые свежие переговоры руководства “новой оппозиции”, где с нарастающей паникой обсуждался уже сам сериал. Отдельным посланием, уже Литве, стала озвученная в рамках проекта информации о коррупционной вовлеченности ее представителя в освоение выделенных “на борьбу с белорусским режимом” средств. В результате этой информационной спецоперации “новая оппозиция” лишилась какой бы то ни было идеологической привлекательности и стала восприниматься большей частью населения как нечистоплотный бизнес-проект обогащения организаторов. Показательно, что состоявшееся 11-12 февраля 2021 г. VI Всебелорусское народное собрание прошло на фоне полного отсутствия протестной активности, и уверенно подтвердило легитимность действующей власти.

Тем не менее в стратегической перспективе политика многовекторности, а Минск по инерции заявляет о ее сохранении, в принципе исключает возможность стабильной идеологии. В сложившихся условиях эта политика явно сопряжена с риском. Но и легитимация любой альтернативы в сложившихся условиях проблематична, для ее внедрения нужно не только идеологическое фундирование, но и экономический рост, а в непосредственной “пандемийной” перспективе он невозможен. Вопрос о новых ценностях по определе-

²⁹ О риторике белорусской оппозиции в заявлениях для прессы и для “своих”. Рубрика “Будет дополнено”. — ОНТ. 29.01.2021. URL: <https://ont.by/news/o-ritorike-belorusskoj-oppozicii-v-zayavleniyah-dlya-pressy-i-dlya-svoih-rubrika-budet-dopolneno> (accessed 19.02.2021).

нию получается отложенным, и станет актуальным, скорее всего, уже после внесения поправок в конституцию, что должно произойти на референдуме в начале 2022 г. Это будет означать, что формирование идеологической компоненты будет отдано “на откуп” партиям, в то время как власть попробует занять привычную для себя позицию центрального арбитра.

Для России это предполагает новые риски, к которым она не вполне готова, поскольку традиционно не взаимодействует с негосударственными акторами других стран, каковыми являются и партии. Правда, в рамках института Союзного государства есть Парламентское Собрание Союза Беларуси и России: в последнем представлены действующие депутаты Государственной Думы и Национального собрания Республики Беларусь, формирующие в его рамках бюджет СГ и принимающие отчеты по его исполнению. Текущая ситуация может способствовать повышению его роли, но это вовсе не будет означать возможности прямо влиять на процесс оформления своих идеологий укрепляющимися белорусскими партиями.

Возможных новых идеологий в белорусском политическом пространстве вырисовывается несколько. Наиболее перспективным представляется евразийство — тем более что на сегодня оно по большому счету является скорее “оболочкой”, нежели готовой системой ценностей, и может без проблем быть наполнено актуальным содержанием. Положительным фактором может являться и текущее председательство Белоруссии в ЕЭК: в евразийском развороте Белоруссии заинтересованы все его члены, поскольку ее промышленное производство и без того ориентировано на евразийский рынок. Очевидно, что от этого явно выиграет Россия. Кроме того, такая смена вектора может помочь белорусской власти примирить мятежный ИТ-сектор, переориентировав его на евразийский рынок с программой “цифровой индустриализации”. Впрочем, это возможно только при условии соответствующей поддержки России. В ином случае ИТ-сектор будет ориентирован на создание прозападной партии, которая, учитывая накопленный в ходе протестов опыт, может оказаться быстро растущим политическим игроком. Третьим игроком могут оказаться социал-демократы, этой ценностной ориентации придерживаются ряд партийных игроков, включая коммунистов, намеренных использовать открывающиеся возможности для роста. Но социал-демократы могут быть с равным успехом ориентированы как на Россию, так и на европейский Запад. В этом плане “белорусский вызов” для России в части грядущей конституционной реформы означает необходимость выстраивания, наряду с межпарламентской, межпартийной политики, превращая последнюю в активный фактор, способный действовать в публичном пространстве.

BELARUS: A NEW GEOPOLITICAL REALITY?

K.E. Koktysh¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

KOKTYSH, Kirill Evgen'evich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor of Department of Political Theory, MGIMO University, email: kirill.koktysh@gmail.com

Koktysh K.E. Belarus: A New Geopolitical Reality? — Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 91-110. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.07>

Abstract. The scaled post-electoral protests in Belarus raised a number of questions both in practice and in political theory. Was it just one more attempt at a “color revolution”, or was it an outburst that can be logically explained in terms of internal contradictions and mistakes made by the authorities? Why did the level of political technologies used by the protesters, which was high, not affect the outcome of the Belarusian confrontation? Among the reasons for the latter, the author singles out the protest’s failure at creating its own “symbolic space” which could become a semantic and “power” center, the failed attempts to split the ruling elite after which the enemy was declared as being “the system as a whole”, and the negative concept of freedom adopted by the protest, which in fact goes back to Voltaire’s tradition, within which freedom is “something that was lost” when state emerged but not something that can be defined in a positive way. It is easy to see that within such a cognitive framework the enemy of freedom can be clearly identified (this being the state), but it is completely unclear what freedom is and how and at what point it can be obtained. The uncertainty of this concept quickly transformed into the certainty of nationalism, and the protest began to take shape as a “confrontation of the new nation” with the “obsolete state”. At the same time, there was not, and could not be, any positive program of “tomorrow”. The state also suffered losses: “pro-Belarusian” ideology (previously a synthesis of the concept of order and the concept of cultural nationalism) split, leaving the state with a “naked” concept of order, while the protesters privatized nationalism. In addition, as part of the pragmatism of normalization in the West’s direction after 2014, the Belarusian regime actually turned a blind eye to the loss of its own dominance in the information space. As a result, the struggle took the form of a confrontation between “ideas without institutions versus institutions without a national idea”, i.e., the idea of a new nationalism and the idea of order. The latter turned out to be a win for the state and a loss for the protest: the protest idea eventually degraded to a simulacrum, the meaningful management of which is hardly possible. The author also questions how the “reassembly” of the Belarusian political system can occur — it is supposed to start with the adoption of amendments to the constitution. The configuration of latter will most likely take the form of an increased role for parties, which runs the risk that the current confrontation may not be resolved but transformed, acquiring other forms. In this regard, Russia will have to add inter-party diplomacy to the institution of inter-parliamentary diplomacy.

Keywords: Belarus, protests, color revolution, concepts of liberty, geopolitics.

References

- Ackerman P., Rodal B. 2008. The strategic dimensions of civil resistance. — *Survival. Global Politics and Strategy*. Vol. 50. No. 3. P. 111-126. <https://doi.org/10.1080/00396330802173131>
- Baudrillard J. 2000. La Transparence du Mal. (Russ. ed.: Baudrillard J. *Prozrachnost' zla*. Moscow: Dobrosvet. 257 p.).
- Baudrillard J. 2015. Simulacres et Simulation. (Russ. ed. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsii*. Moscow: POSTUM Publishing house. 240 p.).
- De Montesquieu. 1999. De l'esprit des loix. (Russ. ed: De Montesquieu. *O dukhe zakonov*. Moscow: Mysl'. 674 p.).
- Eco U. 2007. A passo di gambero: Guerre calde e populismo mediatico. (Russ. ed.: Eco U. *Polnyi nazad! "Goryachie voyny" i populizm v SMI*. Moscow: Eksmo. 592 p.).
- Foucault M. 2010. La Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France (1978-1979). (Russ. ed.: Foucault M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lektzii, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1978-1979 uchebnom godu*. St. Petersburg: Nauka. 448 p.).
- Foucault M. 2015. Surveiller et punir: Naissance de la prison (Russ.ed.: Foucault M. *Nadzirat' i nazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. Moscow: OOO “Ad Marginem Press”. 500 p.).
- Hirschman A.O. 2009. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. (Russ. ed.: Hirschman A.O. *Vykhod, golos i vernost'. Reaktsiya na upadok firm, organizatsii i gosudarstv*. Moscow: Novoe izdatelstvo. 156 p.).
- Karl T.L., Schmitter Ph. 2004. Concepts, Assumptions and Hypotheses about Democratization (Reflections on Applicability of the Transitological Paradigm for the Study of Post-Communist Transformations). — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 6-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02>
- Kharitonova O.G. 2014. Color Revolutions in the Context of Democratization Theories. — *Political Science (RU)*. No. 3. P. 184-210. (In Russ.)
- Koktysh K.E. 1999. *Transformatsiya politicheskogo rezhima Respubliki Belarus'. 1990-1999* [Transformation of the Political Regime in the Republic of Belarus, 1990-1999]. Moscow: MONF. 187 p. (In Russ.)
- Koktysh K.E. 2019. *Teoriya metafory i politicheskie instituty: uchebnoe posobie* [Metaphor Theory and Political Institutions: A Study Guide]. Moscow: MGIMO-University. 225 p. (In Russ.)
- Le Bon G. 1995. Les lois psychologiques de l'évolution des peuples. La Psychologie des Foules. (Russ. ed.: Lebon G. *Psixologiya narodov i mass*. St. Petersburg: Maket. 311 p.).
- Naumov A.O. 2018. Traditional and New Media as Actors of Color Revolutions. — *DISCURS-P*. No. 3-4. P. 79-87. (In Russ.) <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987>
- Neumann J. von, Morgenstern O. 1970. Theory of Games and Economic Behavior. (Russ. ed.: Neumann J. von, Morgenstern O. *Teoriya igr i ehkonomicheskoe povedenie*. Moscow: Nauka. 983 p.).

Parsons T. 1993. The Concept of Society: The Components and Their Interrelations. (Russ. ed.: Parsons T. Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya. — *THESIS. Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems*. Vol. 1. No. 2. P. 94-122).

Pochepstov G. 2005. [Revolution.com. Fundamentals of Protest Engineering]. Moscow: Europe Publishing House. 532 p. (In Russ.)

Przeworski A. 2013. Political Institution and Political Order(s). (Russ. ed.: Przeworski A. Politicheskii institut i politicheskii poriadok. — *Demokratiya v rossiiskom zerkale*. Moscow: MGIMO-University. P. 398-428).

Rousseau J.-J. 2013. Du contrat social ou Principes du droit politique. (Russ. ed.: Rousseau J.-J. Obshchestvennyi dogovor, ili Nachala politicheskogo prava. — Rousseau J.-J. *Politicheskie sochineniya*. St. Petersburg: Rostok. P. 116-239.)

Shults E.E. 2017. Color Revolutions: Methodological Problems of Theoretical Generalizations. — *Political Expertise: POLITEX*. Vol. 13. No. 2. P. 88-99.

Terterov G. 2016. "Color Revolutions". — *21st Century*. No. 3. P. 16-26. (In Russ.) URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/21_Vek_03_2016.pdf (accessed 20.04.2021).

Tsyburskii V.L. 2000. *Rossiya — Zemlya za Velikim Limitrofom: tsivilizatsiya i ee geopolitika* [Russia — the Land beyond the Great Limitrof: Civilization and Its Geopolitics]. Moscow: Editorial URSS. 144 p. (In Russ.)

Voltaire F.M.A. 1947. Filosofskie dialogi i fragmenty [Philosophical Dialogues and Fragments]. — Voltaire F.M.A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: OGIZ. Goslitizdat. P. 457-553.

Zaiko L., Romanchuk Y.A. 2011. *Belarus' 20/20 v labirinte ehkonomicheskoi identichnosti* [Belarus 20/20 in the Labyrinth of Economic Identity]. Minsk. 659 p.

Литература на русском языке:

Бодрийяр Ж. 2000. *Прозрачность зла*. М.: Добросвет. 257 с.

Бодрийяр Ж. 2015. *Симулякры и симуляции*. М.: ПОСТУМ. 240 с.

Вольтер. 1947. *Философские диалоги и фрагменты*. — Вольтер. *Избранные произведения*. М.: ОГИЗ; Гослитиздат. С. 457-553.

Заико Л., Романчук Я. 2011. *Беларусь 20/20 в лабиринте экономической идентичности*. Минск. 659 с.

Карл Т.Л., Шмиттер Ф. 2004. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы (Размышления по поводу применимости транзитологической парадигмы при изучении посткоммунистических трансформаций). — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 6-27. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.04.02>

Коктыш К.Е. 1999. *Трансформация политического режима в Республике Беларусь, 1990-1999*. М.: МОНФ. 187 с.

Коктыш К.Е. 2019. *Теория метафоры и политические институты: учебное пособие*. М.: МГИМО-Университет. 225 с.

Лебон Г. 1995. *Психология народов и масс*. СПб.: Макет. 311 с.

Монтегье Ш.Л. 1999. *О духе законов*. М.: Мысль. 1999. 674 с.

Наумов А. 2018. Традиционные и новые медиа как акторы "цветных революций". — *Дискурс-Пи*. № 3-4. С. 79-87. <https://dx.doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987>

Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. 1970. *Теория игр и экономическое поведение*. М.: Наука. 983 с.

Парсонс Т. 1993. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. — *THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем*. 1993. Т. 1. № 2. С. 94-122.

Почепцов Г. 2005. *Революция.com. Основы протестной инженерии*. М.: Европа. 532 с.

Пшевровский А. 2013. Политический институт и политический порядок. — *Демократия в российском зеркале*. М.: МГИМО-Университет. С. 398-428.

Руссо Ж.-Ж. 2013. Общественный договор, или Начала политического права. — Руссо Ж.-Ж. *Политические сочинения*. СПб.: Росток. С. 116-239.

Тертеров Г. 2016. Цветные революции. — *21-й век*. № 3. С. 16-26.

Фуко М. 2010. *Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году*. СПб.: Наука. 448 с.

Фуко М. 2015. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс. 500 с.

Харитонов О.Г. 2014. Цветные революции в контексте теорий демократизации. — *Политическая наука*. № 3. С. 184-210.

Хиршман А.О. 2009. *Выход, голос и верность. Реакция на упадок фирм, организаций и государств*. М.: Новое издательство. 156 с.

Цымбурский В.Л. 2000. *Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика*. М.: Едиториал УРСС. 144 с.

Шульц Э.Э. 2017. "Цветные революции": некоторые проблемы методологии исследования. — *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. Т. 13. № 2. С. 88-99.

Эко У. 2007. *Полный назад! "Горячие войны" и популизм в СМИ*. М.: Эксмо. 592 с.

10.17976/jpps/2021.03.08

ДИСКУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В КИТАЙСКОМ И РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНЫХ КОНТЕКСТАХ

М.Ф. Черныш, Хэ Ицзинь

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович, доктор социологических наук, член-корр. РАН, ВРИО директора Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ФНИСЦ РАН, Москва, email: mfche@yandex.ru; **ХЭ Ицзинь**, доктор социологии Университета Сунья, доцент кафедры социологии Пекинского технологического университета, Пекин (КНР), email: shredfn@126.com

Черныш М.Ф., Хэ Ицзинь. Дискурсы социальной справедливости в китайском и российском культурных контекстах. — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 111-128. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.08>

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта №19-511-93003. Авторы благодарят Ивченкову М.С., старшего научного сотрудника Института социологии ФНИСЦ РАН, за помощь в подготовке статьи.

Статья поступила в редакцию: 28.09.2020. Принята к печати: 15.02.2021

Аннотация. Справедливость рассматривается в классических работах как набор универсальных принципов, применимых к анализу любого общества. Этот подход развивается, в частности, в работах Джона Ролза, определяющего главные принципы справедливости с помощью “нулевой социальной позиции”. Индивид, находящийся в этой позиции тотальной изоляции от внешнего мира и лишенный выраженных социальных характеристик, словно заново конструирует справедливый социальный порядок. Амартья Сен подверг этот подход критике, полагая, что представления о социальной справедливости могут варьироваться в широких пределах в зависимости от общества, в котором живет человек, а также от той социальной группы, к которой он принадлежит. В статье делается предположение, что социальная справедливость реализуется через набор принципов и практик, имеющих в основании как специфическое, исторически обусловленное начало, так и универсальное, общечеловеческое содержание. Эффективность этого подхода демонстрируется авторами в ходе сравнения представлений о социальной справедливости в китайской и российской общественной мысли. Справедливость, в разные эпохи понимаемая по-разному, широко обсуждалась в Древнем Китае как необходимое условие гармоничного устройства общества. В ранних работах Конфуция — как полное равенство, в поздних — как распределение по заслугам, с учетом разделения труда и места в социальной иерархии. В российской общественной мысли само понятие справедливости появилось в тот момент, когда российское государство приблизилось к современности, когда в российское общество проникли идеи социального равенства и достоинства человеческой личности. Общим для столь разных подходов к справедливости является понимание того, что принципы справедливости и их реализация не только и не столько определяются универсалистской идеалтипической моделью гражданской нации и правового государства, но в значительной степени зависят от установившихся в обществе отношений господства, отношений между государем (верховой властью) и подданными. В обеих культурах “благожелательность” высшей власти, ее способность заботиться о населении рассматривается как важнейшее условие справедливости и важнейший принцип социальной гармонии.

Ключевые слова: справедливость, социальная гармония, социальные отношения, господство, система распределения.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В современной общественной науке и, прежде всего, в социальной философии проблему справедливости принято рассматривать как универсальную, имеющую общие основания в разных странах и разных культурах. Сторонник этой точки зрения Джон Ролз объяснял идею справедливости как продукт “естественного” состояния общества, стремления людей установить гуманный социальный порядок [Ролз 1995]. В обществе, где нет справедливости, считал он, жизнь человека лишена важнейших смыслов, которые помогают выходить за рамки простого выживания, создавая нечто большее, возможное только в продуктивном союзе с другими людьми. В содержательном плане определить справедливость можно, полагал он, поставив несложный мыслительный эксперимент. Необходимо полностью абстрагироваться от собственной истории, статуса и представить себя входящим в общество, создаваемое вместе с окружающими словно бы заново. В этих обстоятельствах любой человек обязательно пожелал бы, чтобы он или она могли сохранить за собой *свободу деятельности*, помогающую реализовать приобретенные или данные природой таланты. Представив себя находящимся в “нулевой точке” социального позиционирования, человеку важно точно знать, что в обществе работают институты, которые помогут в случае кризиса, когда он сам, его семья, его близкие окажутся на грани выживания, когда справиться с проблемами в одиночку станет уже невозможно. У каждого человека, оказавшегося в неблагоприятной ситуации, должна быть возможность преодолеть неблагополучие, выйти самому и вывести своих близких к приемлемому уровню благосостояния. И, наконец, оказавшись в “нулевой точке”, гражданин должен быть уверен, что все усилия общества и государства, весь тот прибавочный продукт, который они производят, будут направлены на то, чтобы улучшать жизнь тех, кто оказался в обществе в наихудшем положении, кто самостоятельно вырваться из этой трудной ситуации не может.

Казалось бы, каждый из этих принципов трудно оспорить, если сохранять перед глазами образ гражданина, живущего в современности, способного и желающего пользоваться ее преимуществами. Однако, как отмечали критики Ролза, мыслительный эксперимент оставляет за рамками рассмотрения параметры среды, в которой человек прошел путь взросления, характер институтов, которые сформировали его *Weltanschauung* (мировоззрение, — нем.) и навыки общественной жизни, его реальный достигнутый статус и соответствующие ему притязания. Дело в том, что “нулевая точка”, которую задавал Ролз, есть только плод философского воображения. В реальности каждый человек — это продукт определенных обстоятельств, которые заданы изначально действующими институтами, такими как семья, а в современных обществах еще и система образования или средства массовой информации.

Поэтому утверждать универсальность принципов справедливости, их существование, автономное от габитуса и от исторически определяемых социальных отношений, вряд ли оправданно с позиции социальной практики. Справедливым будет считаться лишь то, что принято в обществе определенного типа со свойственными ему структурными характеристиками. До XVIII в. мало кто считал несправедливым, к примеру, низведение человеческих существ до положения рабов, к которым допустим произвол, которых можно подвергать любому насилию. Сократ, главный герой платоновского “Государства”, размышляющий о справедливости и ее воплощении в добродетели, считал рабовладение нормой и сам имел рабов. В его эпоху послание о справедливо-

сти могло быть адресовано только равному (равному в политико-гражданском отношении), только тому, кто обладал таким же статусом, такими же правами и обязанностями, как и свободный гражданин полиса. Разумеется, и в те времена статус человека в силу обстоятельств менялся в широких пределах: свободный гражданин мог подвергаться репрессиям по прихоти власти или даже, как Диоген, превращаться в раба, хотя в этом случае и с особым статусом.

В современном обществе рабовладение недопустимо и является уголовным преступлением. Личная свобода и право реализовать себя и свои способности рассматриваются как основополагающие принципы общественного устройства. Однако схожие принципы могут иметь в разных обществах разное воплощение. Наилучшим образом это положение иллюстрируется фактом существования разных типов социального государства. В одних господствует либеральный подход, и приоритетное место закреплено за способностью гражданина оставаться свободным и самостоятельно себя обеспечивать. Справедливым считается то, что каждый работает на себя, свобода предпринимательской деятельности ставится на первое место. В других странах приоритеты расставлены иначе: гражданин платит высокие налоги, а бюджет, который они формируют, идет на финансирование социального государства — пенсий, развитого, бесплатного здравоохранения и образования, социальной помощи тем, кто оказался в трудной жизненной ситуации. В скандинавских странах подобный порядок сложился исторически, находится в гармонии с представлениями о справедливости, и любые попытки изменить его сталкиваются с серьезным сопротивлением в лице организованных групп населения — политических партий социал-демократической ориентации, профсоюзов, политических движений.

Признавая историческую обусловленность любых социальных представлений, необходимо дать ответ на вопрос: каковы пределы этих различий? И есть ли в этих представлениях общее ценностное ядро, опирающееся на универсалии человеческой жизни, на общие принципы ее организации? В любом обществе, независимо от той стадии развития, на которой оно находится, социальные взаимодействия, как правило, предполагают обменные транзакции, в которых обмениваемые продукты (товары) или услуги должны быть примерно равноценны. Кроме того, любое организованное общество регламентирует отношения между классами и слоями, а также между отдельными гражданами. Нормативный порядок, как бы тесно он ни был связан с культурными образцами, диктует необходимость постановки формальных пределов для любого своеволия. Отсюда суды, которые руководствуются формальным правом — набором законодательно закрепленных норм, одобряемых обществом. Как писал российский социолог права Б. Кистяковский, “господство общественности над личностью создается правом, главным образом благодаря его свойству как бы извне вторгаться в жизнь человека. Этому способствует и государственная организация, направленная на осуществление правовых норм, и сила общественного мнения, отстаивающая нерушимость основных правовых принципов, и, наконец, укоренившиеся побуждения в каждой отдельной психике, постоянно всплывающие на поверхность сознания и предъявляющие к нему властные требования” [Кистяковский 1999: 155]. Можно утверждать, что принципы справедливости, в какой бы культуре они ни рождались, при всем их своеобразии могут содержать в себе не только специфическое, культурно определяемое содержание, но и универсальные представления, отражающие глубинные структуры социального мира.

Будут ли эти принципы похожи на те, что заявил Ролз в своей классической концепции, или все же это будут иные нормы, иные подходы? Амартия Сен, отвергающий существование универсального режима справедливости, сам, тем не менее, заявил ряд общих правил, которые ей соответствуют [Сен 2016]. В отличие от Ролза, мыслящего универсалиями, Сен предлагает видеть справедливость в непрерывном движении, не в статике, а в динамике, как процесс преодоления, как непрерывную коррекцию изъянов социального порядка. В любом обществе, поделенном на сильных и слабых, богатых и бедных, влиятельных и рядовых, те, кто находится внизу, кто, по выражению Сена, оказывался “маленькой рыбешкой”, сталкиваются с несправедливостью. В общественном устройстве необходимо сделать так, чтобы “большая рыба” не смогла заглотнуть “маленькую рыбешку” без серьезных для себя последствий. В этом — важнейшая задача такого социального института, как суд, уравнивающего перед законом каждого, независимо от его состояния и прошлых заслуг. Бремя преодоления несправедливости лежит не только на том человеке, который стал ее жертвой, но и на ключевых социальных институтах, консолидирующих общество на универсальных основаниях. В этом пункте Сен сходится с Ролзом, с той лишь разницей, что Ролз идею институтов справедливости не проговаривает, а подразумевает. И все же индивид, рисуящий образ желательного общества, представляет его как совокупность устойчивых институтов, назначение каждого из которых состоит в том, чтобы обеспечить права человека в широком диапазоне — от права на свободу до права на получение доли общественного богатства.

Проблема универсального и специфичного в представлениях о справедливости может иметь решение только в рамках процедуры сравнения. Наибольшие выгоды сулит сравнение обществ, имеющих разную историю и разное устройство в настоящем, существенно отличающихся друг от друга в культурном плане. В рамках нашего исследования это Китай и Россия, общества разные, но в то же время имевшие в прошлом точки соприкосновения, делавшие схожие попытки реализовать левый проект, а потом двинуться от него, разными путями, в сторону рыночного устройства.

Возникает вопрос: какова должна быть основа сравнения? Принцип хронологической одновременности не подходит: в культуре проблематизация какой-либо области жизни теснейшим образом связана с состоянием общества и этапом его развития. Греческая античная философия получила развитие в период быстрого “взросления” греческого общества, нуждавшегося в объяснениях, выходящих за рамки мифа. Необходимость в философии, считает П. Гайденко, формируется тогда, “когда в общественной жизни и в общественном сознании возникают серьезные противоречия и конфликты, которые не поддаются разрешению с помощью традиционных убеждений и верований, связанных с греческой мифологией. Тут и появляется потребность различения того, что общепринято (мнение), и того, что истинно на самом деле (знание). Это различие рождается вместе с философией, и не удивительно, что философия с самого начала выступает как критика обычая, обычного права, обыденного сознания, традиционных норм нравственности и традиционных ценностей” [Гайденко 2012]. Накопления культуры обладают способностью сохраняться на протяжении многих столетий, причем не только в форме библиотечных фолиантов, но и в форме культурных стереотипов и поведенческих норм. Именно в этом ключе следует рассматривать идеи Конфуция и других древних философов, размышлявших о справедливости. Конфуцианство и заложенные в нем

смысловые конструкции сохраняются в китайском общественном сознании и сегодня, определяя благо и зло, справедливость и ее нарушение.

В российском общественном сознании идея справедливости в ее светской интерпретации появляется только на рубеже XVII и XVIII вв. Представления о справедливом обществе рождались в российском общественном сознании и раньше, но никогда прежде они не обретали свойства быть политической программой. Эти представления привносятся в общество, как и повсюду, в том числе и в Древнем Китае, не низшими слоями, наиболее угнетенными стратами в рамках существующего социального порядка, а мыслителями из высшего социального слоя. Получившие прописку в культуре, эти представления остаются в ней и сегодня, выступая время от времени в качестве идейной основы реформирования общества в направлении большей справедливости.

РЕФЛЕКСИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ОТ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ РИТУАЛОВ К ОБЩЕСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ

Идея справедливости присутствовала в произведениях древнекитайских философов, живших до династии Цинь (秦朝, 221 — 206 гг. до н.э.). Справедливость рассматривалась ими как добродетель, помогавшая определить истинные цели государства, наметить пути построения гармоничного, идеального общества. В рассуждениях о справедливом обществе древние китайские мыслители увязывали в единое целое идеи равенства и гармонии, выдвигали идеи справедливого устройства в таких сферах, как политика, экономика или социальные отношения. Справедливость, полагали они, находит выражение в стандартах социального поведения, в способах разрешения социальных конфликтов, в распределительных принципах, имеющих в основании ценностное начало. В начале XX в., когда в китайскую социальную мысль проникли идеи утопического социализма, они нередко апеллировали к национальному наследию, где идеи справедливости, жизни по правилам были на первом месте. Богатое наследие китайской культуры становится основанием для диалога культур, поиска общих оснований человечности во многих вопросах, включая вопрос о справедливости.

На древнекитайском языке иероглиф 公 (“гун”, означающий “общественный”) использовался не только в сочетании с иероглифом 正 (“чжэн”, означающий “справедливо” или “правка”), но также часто оказывался рядом с 私 (“сы”, означающий “частный”) [Ян Гожун 2012: 2]. Комбинация двух первых иероглифов не только обозначала ценности, противостоящие частному промыслу, но и указывала на то, как преодолеть ошибки в поведении, как добиться справедливости. Одно из назначений упомянутых иероглифов состояло в том, чтобы характеризовать конкретного человека, определять его соответствие моральным, этическим принципам, включая принципы честной политики.

Большинство современных ученых считают, что нюансы в понимании справедливости в китайском обществе рождены обстоятельствами повседневности, конкретными ситуациями, в которых находится человек. Однако сами эти обстоятельства и повседневность пропитаны духом древней культуры, теми ценностями, которые передавались из поколения в поколение. Эти ценности безусловно осовременивались, приводились в соответствие с реалиями конкретного периода в развитии общества, но всегда несли в себе основополагающие принципы жизни, заданные конфуцианством.

В конфуцианстве акцент делался на нормах поведения и ограничениях, с которыми сталкивался человек, живущий в обществе. Справедливость полагалась

как норма, которая воспроизводилась социальными институтами, а конечной целью политики справедливости мыслилось общество, находящееся в сбалансированном, гармоничном состоянии. В основе идеологии конфуцианства лежали принципы праведности и благожелательного отношения к другому; они рассматривались как качества, обеспечивающие воспроизводство социального порядка, а также гарантии того, что институты, устанавливающие справедливые отношения, смогут выполнять свои важнейшие функции. Ключевое место в этой системе идей отводилось принципу, который можно было бы охарактеризовать как “распределение, освященное ритуалом”. Этот принцип рассматривался как отправная точка политики равенства, дающей каждому человеку доступ к благам по заслугам и возможность двигаться к гармонии.

Особенность конфуцианских представлений о справедливости в том, что они не изложены в каком-то одном произведении. Исследователи философского наследия Конфуция полагают, что по большей части они носят имплицитный характер [Чжао Кунь 2016]. Тема социальной справедливости поднимается во многих его диалогах с учениками, изложенных в Аналектах Конфуция [Кунцзы 2016]. Стержневой идеей Конфуция, характеризующей справедливость, было “стремление к благу” — особый тип этики, благодаря которому становилось возможным добиться равновесия в общественных отношениях, справедливого распределения материальных благ, обеспечивающего отсутствие бедности.

Конфуций выдвинул идею победы над собой, своими желаниями и возвращению к ритуалу и духу благожелательности после того, как моральные основания общественной жизни подверглись серьезным испытаниям в период Весны и Осени (Чуньцю, 春秋, 770–476 гг. до н.э.). Благожелательное отношение к миру наступает после того, как восстанавливаются ритуалы, благодаря которым общество удерживается от потрясений. Человек может стать “благожелательным” и должен быть признан таковым в глазах всех под Небом, если ему удастся овладеть собой и побыть в таком состоянии хотя бы один день (Аналекты Конфуция, глава XII “Янь Юань” [Кунцзы 2016]). Теория “благожелательности” стала краеугольным камнем всей конфуцианской этики и руководящим принципом морального поведения. В справедливом обществе моральные принципы должны посредничать в отношениях между людьми, гармонизировать их, а ограничения, которые человек налагает на себя, — служить средством достижения этой цели. Конфуций полагал, что в ритуальных отправлениях самым ценным достижением становится состояние гармонии, которое помогает справляться с большими и малыми проблемами, находить срединный путь между крайностями (Аналекты Конфуция, глава I “Сюэ Эр” [там же]).

В диалогах между Конфуцием и Жань Ю (в главе XVI “Цзи Ши” Аналектов) представлена модель идеального общества, в котором царит всеобщее равенство [там же]. В этом обществе правителям царств и главам семей не стоит беспокоиться на тему ограниченности ресурсов и малой численности населения, поскольку не может быть бедности при равномерном распределении, убыли населения не будет при том, что в пределах государственных границ царит гармония. К тому же нет никаких поводов для переворота, когда внутри страны мирная обстановка. Цянь Му, Ян Боцзюнь и Ян Фэнбинь считали, что в работах Конфуция равенство относится к области распределения экономических благ [Цянь Му 2002: 458; Ян Боцзюнь, Ян Фэнбинь 2009: 200], а внимание сфокусировано на процессе распределения, который во многих случаях становится камнем преткновения на пути к справедливости.

Понимание этого обстоятельства, полагал древний философ, должно стать заветом всем будущим поколениям.

Изучая наследие Конфуция, невозможно обойти важнейший вопрос: что он подразумевал под “равенством”? Понимал ли он равенство как действительно равное распределение общественного богатства, или же подразумевал состояние общества, при котором каждому человеку воздается по его заслугам?

Древний философ видел в равенстве в сфере распределения решение многих проблем общества, освобождающих влиятельных лиц, высоких вельмож, от нужды заботиться о рядовых гражданах. Ведь если равенство будет учреждено и обеспечено, эти последние и так будут защищены от нищеты, свободны от необходимости и, следовательно, не будут иметь причины сетовать на существующий порядок, подрывать его основы. Таким образом, каждый в обществе сможет достичь искомой цели — найти мир внутри себя, ибо только так учреждается мир вовне, в отношениях с другими людьми.

Чэн Шудэ интерпретировал высказывания Конфуция в ином духе: “В своих размышлениях Конфуций обходил стороной проблемы нищеты или распределения земель. Главным он считал неравенство, царящее в области политики, в распределении власти” [Чэн Шудэ 1990: 1138]. Конфуций, полагал он, считал экономическое неравенство производным от других, таких как неравенство в области политики или различие в уровне образования. Если устранить эти неравенства, то проблема нищеты, страданий, вызванных ею, рассеется сама собой, а установившаяся гармония поможет утолить печали, связанные с неравным состоянием граждан в сфере экономики. При этом главное не в том, чтобы добиваться фактического равенства, а в том, чтобы каждый получал по заслугам. Важно не стремиться к равенству в богатстве, а искать такое устройство, в котором человек любого статуса получал бы то, что ему полагается, то, что заслужил. Логично предположить, что наследство Конфуция столь обширно и многообразно, что включает в себя обе упомянутые идеи, что оно, развиваясь, на ранних этапах ограничивалось соображениями экономического плана, но в дальнейшем расширило границы понятия “равенство” до включения в него представлений о политическом, о формах власти и господства.

Идея равенства как вознаграждения по заслугам получила дальнейшее развитие в концепции “общества великой гармонии” (со II в. до н.э.). В главе “О передаче ритуалов” трактата “Ли Цзы” (“Книга ритуалов”), составленном в 206-224 гг. до н.э. и представлявшем собой собрание размышлений об обществе, выдвигалась, со ссылкой на Конфуция, идея великой гармонии и одновременно всеобщего равенства, которые должны лечь в основу подлинно справедливого общественного устройства [Ху Пиншэн, Чжан Мэн 2017]. В ней, в частности, говорилось, что, когда Великий Путь становится для общества главным, весь мир управляется по законам всеобщего блага. В этом мире правители отбираются из числа самых способных и мудрых. Вера людей друг в друга поощряется, культивируются добрососедские отношения. Мужчины обращаются с теми, кто от них зависит, как с детьми, и считают родителями всех стариков. Престарелые обеспечены необходимым, дееспособные — работой, молодежь — возможностью самореализоваться. Беспомощные вдовы и вдовцы, сироты и одиночки, а также больные и калеки ни в чем не нуждаются.

В идеальном обществе каждому должно быть место и каждый должен иметь средство, чтобы продолжить свой путь, жить в довольстве и мире, обретая состояние социальной гармонии. Особенность трактата в том, что он подчеркивает ту

разницу возможностей, которая естественным образом вытекает из социальных различий. Это позволяет провести параллель между идеями трактата и концепцией “различения в способах интеграции”, которая подразумевала естественный иерархический порядок. В его рамках справедливость представлялась как двухуровневая конструкция: “общество, ориентированное на всеобщее благо, выбирает правителей из числа самых мудрых и способных, но делает это для того, чтобы окружить заботой тех, кто по разным причинам оказался на социальном дне” [Хэ Хуайхун 2011]. Именно эта идея оказалась стержнем общественной мысли для последующих поколений и добралась до современной эпохи, став фундаментом современного китайского утопического социализма.

Конфуцианская идея справедливости открывалась для последующих поколений не только в форме общих принципов, но и в приложении к конкретным областям жизни общества. Конфуций ратовал за всеобщее образование без каких-либо ограничений (Аналекты Конфуция, глава XV “Вэй Лин-Гун” [Кунцзы 2016]). Конфуций считал, что у каждого должна быть возможность учиться и получать образование, невзирая на разницу в достатке или возможностях. Сам Конфуций утверждал этот принцип личным примером — среди учеников Конфуция, кроме богатых людей и представителей знати, были также и простолюдины. В дальнейшем эта идея подверглась ревизии. В эпоху Тан (618-907 гг.) выходцы из знатных семей рассматривались как те, кто должен иметь преимущества в имперской экзаменационной системе [Цянь Му 2002: 452].

В сборнике трактатов “Сюнь-цзы”, обычно приписываемых Сюнь Куану, философу, жившему в III в. до н.э., основой социального порядка объявляются ритуалы [Сюнь-цзы 2015]. В главе XII “Цзюнь Дао” (“На пути бога”) говорится, что распределение по заслугам должно рассматриваться в качестве системного принципа социальной справедливости. Принцип “по заслугам” должен, по мысли автора, не только лечь в основу распределительных процессов, но и стать универсальным принципом управления. В главе XIX “Ли Лунь” (“Беседы о принципах ритуала”) необходимость введения подобного принципа обосновывается человеческой природой: от рождения человек наделен желаниями; если его желания не получают немедленного отклика во внешнем мире, он должен бороться за то, чтобы воплотить их в жизнь. Если же в этой борьбе человек переступает через границы, налагаемые чувством меры и естественными ограничениями, то он непременно входит в конфликтные отношения с другими людьми. Конфликты провоцируют общественные беспорядки, а те, в свою очередь, приводят людей к обнищанию.

Древние цари отвергали беспорядок как недостойный способ существования и учреждали “праведность” и “благочестие” для того, чтобы каждый точно знал границы своих притязаний и мог в пределах этих границ получать то, на что рассчитывал. В этом процессе каждый должен знать, на что он или она могут претендовать и, с учетом этих законных притязаний, получать все, что ему или ей полагается. Благодаря этому желания и желаемое в течение долгих лет поддерживаются в равновесии. В этой способности удерживать общественное равновесие и состоит главным образом назначение ритуалов. Сюнь-цзы предлагал рассматривать человека как сложную комбинацию желаний и устремлений. Отсюда вытекала необходимость “праведности” как мерила того, кем человек является на самом деле, в какой степени он способен примирить желаемые и реальные потребности. Ведь только в случае, если разумный баланс между ними будет найден, появится возможность бороться с нищетой,

предотвращать беспорядки, рожденные нежеланием искать согласие между внутренним и внешним мирами со свойственными им наборами возможностей. Сюнь-цзы подчеркивал необходимость справедливости, но отвергал саму возможность отыскать ее в эгалитарном распределении благ. Он призывал следовать принципу “равенство через различие”, который был представлен в книге “Шу-цзин” (“Книге документов”) и который полагал истинным то, что “равное обнаруживается в неравном” [Ван Шишунь 2011]. Игнорирование различий между людьми непременно приведет к отрицательным последствиям.

В главе под названием “Ван Чжи” (“Правила истинного правителя”) Сюнь-цзы пишет: “Если в обществе все чины и ранги уравнены, то товаров в обороте будет не хватать. Если власть будет равным образом поделена между всеми, то разрушится единство общества. Если у всех будет одинаковый статус, то никто не захочет служить другому. Как в природе даны нам Небо и Земля, так и в обществе существуют высокий и низкий, но закон правит только тогда, когда на трон восходит просвещенный государь. Два одинаково почтенных господина не могут управлять друг другом, два человека низкого ранга не могут приказывать друг другу. Так заведено Небом. Если учреждается полное равенство званий и желаний, то товаров не хватит на то, чтобы удовлетворить каждого, возникает соперничество, а его итогом становится хаос, который приводит к нищете. В древности цари отвергали хаос, а потому учреждали правила, принципы и ритуалы, которые делили людей по рангам. Они устанавливали порядки, которые делили людей на богатых и бедных, знатных и незнатных. Те, кому суждено было оказаться в высших кругах, объединялись для того, чтобы держать в повиновении тех, кто был в нижних слоях. Это было основой, позволявшей обеспечивать и кормить людей во всем мире” [Сюнь-цзы 2015]. Итак, наилучшим принципом управления признавалась иерархия, а критерием, который играл в ней наибольшую роль, была “праведность”, которая, в свою очередь, по-разному распределялась в системе разделения труда, в иерархии власти и статуса.

В системе идей Сюнь-цзы подчеркивается роль разделения труда. Если крестьяне получают землю и смогут ее обрабатывать, если у купцов будут товары, которыми они смогут торговать, если ремесленник сможет дать правильный совет, а учитель вести занятия, то распределение будет следовать ритуалам и не будет неравенства или плохой власти под Небом (Сюнь-цзы, глава XI “Ван Ба” (“Истинный царь”) [Сюнь-цзы 2015]). Таким образом, справедливость в том, чтобы каждому отдавать должное, каждому дать дело, которое он делал бы, следуя ритуалу [Хуан Юйшунь 2012]. Равенство не в том, чтобы подравнивать всех под один уровень, но в том, чтобы строго соблюдать деление общества на профессии и ранги. Последний критерий относится в том числе и к сфере политики, где деление на ранги закреплено в ритуалах и обычаях. Преимущества, которые получают люди высокого звания, уравниваются объемом общественных обязанностей, которые им полагается выполнять [Хэ Жун 2014]. Равенство открывает возможности для установления социальной гармонии, воцаряется “праведность”, которая ведет к режиму доброго правления. Надо понимать при этом, что ни проповедуемая Конфуцием “благожелательность”, ни предлагаемый Гуань-цзы акцент на “праведность” не тождественны справедливости в общем смысле этого слова. Они, как и ритуалы, связанные со статусом и званием, — это условия, которые позволяют достигнуть справедливости [Чэнь Лисянь 2002: 159]. Речь идет о трактовке справедливости в патриархальном, поделенном на классы обществе с высоким уровнем неравенства, заданным от рождения.

Надо отметить, что в подходах к справедливости Гуань-цзы был более последователен. Он соединил даосизм и легализм и вывел из общей свойственной им логики понимание того, что именно институты играют решающую роль в том, чтобы управлять государством на основе справедливости (Гуань-цзы, глава XVI “Фа Фа” (“О соблюдении закона”) [Гуань-цзы 2019]). Справедливость не может иметь опоры в индивидуальных устремлениях: эгоистические желания приводят к беспорядкам, торжеству зла, разрушению всего справедливого и объективного. Если же институты государства работают так, как им положено, то злонамеренные люди, обманщики не могут продвигать свои частные интересы. Поэтому главной задачей правителя является учреждение объективных законов и правил, установление справедливых стандартов для всех подданных. В трактатах Гуань-цзы философская рефлексия о справедливости вышла на новый уровень.

Анализируя становление представлений о справедливости в древнекитайской философии, можно с полным основанием утверждать, что она развивалась по восходящей линии. От простых уравнилельных схем — до более глубокого понимания того, как работают институты государства, каковы пределы равенства и что необходимо делать власти для того, чтобы в обществе при всех статусных и экономических неравенствах могли осуществиться идеи гармонии.

РЕФЛЕКСИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ: ОТ ИДЕИ “ПРАВЕДНОСТИ” К ОБЩЕСТВЕННЫМ ИНСТИТУТАМ

В современном российском общественном дискурсе *справедливость* часто продвигается как одна из традиционных, укорененных в российской культуре категорий, отражающая глубинные чаяния российского народа. Если это действительно так, то логично предположить, что в первоисточниках, относящихся к ранним периодам российской культуры, *справедливость*, обсуждение справедливости должны в обязательном порядке присутствовать. Однако изучение первоисточников говорит о том, что это не так. Н.В. Печерская отмечает, что до XVII в. понятие *справедливости* в текстах на русском языке практически не встречалось [Печерская 2001: 132]. Это, однако, не означает, что отсутствовали смыслы, совокупно передаваемые данным понятием.

А.Л. Юрганов полагает, что в культурном пространстве российского общества “координатными”, наиболее важными категориями были *вера* и *правда*. Если с категорией веры все более или менее понятно, то категория правды понималась современниками в разные эпохи по-разному. “Правда”, безусловно, родственна понятию “справедливость”, но не тождественна ему. Один из видных деятелей XVI в. Иван Семенович Пересветов, написавший для Ивана Грозного две челобитные, считал, что для православного человека “правда” даже важнее “веры”, и это отличает его от католика. “Правда” подразумевала “мудрость” и рассматривалась автором как воля Христова в государстве, а потому она становилась обязательным условием праведного правления. Слава “правду”, Пересветов доходит до еретических утверждений, ставя ее выше веры. В поисках ответа на вопрос, какой смысл вкладывает Пересветов в понятие “правда”, Юрганов обращается к архивным текстам XVIII в. и находит такое ее определение: “Правда — справедливость (как свойство праведника, а также как соответствие действий и поступков требованиям морали и права); правда, истина, добродетель, добрые дела, праведность, благочестие, исполнение божественных заповедей, долга, правость, правота, отсутствие вины, доброе имя, обет, обещание, присяга, повеление, заповедь, постановление (установле-

ние), правило, свод правил, законы, договор, условия договора, право, права, признание прав, оправдание, суд, судебное испытание, право суда, судебные издержки” [Юрганов 1998: 36]. “Правда” отличается от “справедливости” тем, что соединяет вместе сакральное и профанное, абстрактное и конкретное, идеи и практики. “Правдивым” может быть только тот, кто обладает праведностью и тяготеет к истине, но при этом “правда” (например, “Русская правда”) — это еще и закон, свод правил, по которым живет общество. В российском пространстве культуры справедливость рассматривалась как одно из составляющих правды, как обладание мудростью, позволяющей праведно, соответствуя духовным правилам жизни, устраивать дела в обществе. Суд с его набором формальных процедур должен был одухотворяться правдой, а приговоры — выноситься не только согласно букве, но и духу закона, который не от мира сего.

В реальности русская жизнь в Средневековье, как, впрочем, и в другие времена, была далека от принципов справедливости. Высшие классы не считали необходимым последовательно опираться на правду и принимали такие решения, которые были им выгодны, но которые при этом игнорировали интересы тех, кто стоит на более низких ступенях социальной лестницы. Именно это следует из писем русского путешественника Афанасия Никитина. Никитин сетует на то, что русский мир несправедлив и корни несправедливости лежат во взаимоотношениях во властной вертикали. Расхождение духовной вертикали “правды” и реальной вертикали власти рождает противоречие, которое приобретает социальное звучание: “На этом свете нет страны подобной ей (России), хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (не добры)... Русская земля да будет богом хранима! Боже сохрани! Боже сохрани! ...Да станет русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость. О боже, боже, боже, боже, боже” [Никитин 1986: 21]. Никитина тяготит пребывание на чужбине, родина представляется ему благословенным краем, но даже вдали от нее он не может забыть несправедливость, которую творит делами и словами ее знать. Его не покидает желание видеть свою страну справедливой, а ее нравы — исправленными. Но сделать это вне христианской веры невозможно, поскольку нужно мерило истины, принципы, опираясь на которые, можно вынести приговор: здесь справедливость, а здесь ее нет. Обращает на себя внимание, что рассуждения о справедливости звучат в тот момент, когда человек, произносящий их, находится за пределами России, в тех местах, где его собственные языковые практики обогащаются смыслами, заимствованными из других языков. До поры до времени понятие “справедливость” появлялось в пограничье между русской и другими культурами, и лишь со временем шаг за шагом “обживалось” в российском контексте.

Справедливость как понятие, имеющие четкие смысловые границы, появляется в письмах и посланиях русского Средневековья, ощущается нужда, потребность в нем, желание объяснить различия порядка существующего и порядка идеального. А.Л. Юрганов исследует послания Федора Карпова, выходца из старинного княжеского рода, Максиму Греку, епископу Даниилу и Ивану III. Карпов, как, возможно, подавляющее большинство образованных людей его эпохи, принимает любое размышление об устройстве мира только при посредстве веры и ее главных истин. Его размышления об обществе парадоксальным образом перекликаются с идеями Джона Гоббса: государство необходимо, а государь обязан быть и защищать “неповинных”, не могущих себя защитить от “виновных”. В общих интересах власти и граждан строить мир, основанный на гармонии, но такое случается нечасто, гармо-

ния — это скорее идеал, чем достигнутое состояние. Государству невозможно обрести благое состояние без “милости” и “долготерпения”. И то, и другое предотвращает эксцессы насилия, снижает, выражаясь современным языком, уровень аффективности в том, как принимаются решения. Любопытно, что Карпов впервые задает новые “правду” и “возможную справедливость” как лишь частично пересекающиеся культурные коды: “Милость без правды малодушество есть, а правда без милости мучительство есть” (цит. по: [Юрганов 1998: 67]). *Справда* — это прообраз понятия *справедливость*, характеристика социального устройства, в котором все делается по закону, по принятым, социально одобряемым правилам. Если нет правды (жизни по правилам), то милость превращается в потакание, в бесконечные уступки по отношению к тем, кто ближе, и забвению тех, кто по обстоятельствам оказался за пределами узкого круга доверенных, близких лиц. Но правда может оказаться ловушкой, если не сопровождается истинным благодушием, милостивым поведением, которое смягчает формальные требования. Из рассуждений Карпова следует, что правда и *справда* (т.е. справедливость) находятся совсем рядом, через запятую, и связаны общей нитью с другими понятиями, такими как милость или вера. Вместе они образуют семантический комплекс, в котором каждая ячейка жизни взаимодействует с другой, а идеальное состояние достигается только если все они сходятся в одной точке, являя обществу образцы мудрости, терпеливости, милосердия и справедливости.

РОЖДЕНИЕ КОНЦЕПТА СПРАВЕДЛИВОСТИ В РОССИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

122 Как полагает Н.В. Печерская, понятие “справедливости” входит в российскую культуру благодаря активизации внешних связей России с иными государствами [Печерская 2001: 132]. Первоначально оно использовалось в некоторых дипломатических посланиях, однако, считает Печерская, материалы дипломатической переписки — не повод для лексикологических исследований, и причина в том, что в этом контексте часто использовались слова, не укорененные в русской культуре, недавние заимствования, не имевшие привязки к национальному контексту [там же]. Лишь в XVIII в. понятие входит в русскую культуру, появляется в литературных и иных текстах. Понятие “справедливость” уже присутствует в “Немецко-латинском лексиконе” Э. Вейсмана (1731 г.) и более позднем “Словаре Академии Российской” (1793 г.). В обоих источниках фиксировались не столько расхожие, обосновавшиеся в языке понятия, сколько новые слова, атрибутированные к научным или философским изысканиям. Именно этим объясняется первоначальный смысл понятия, говорящего, прежде всего, о точности, истинности установленных фактов.

В источниках, характеризовавших лексикон российской повседневности, например, словаре Даля, понятие “справедливость” в перечне слов отсутствовало. И это не случайно: в сословном обществе, где люди неравны по рождению, по начальному своему состоянию, справедливости быть не может. Может ли быть справедливым крепостное общество? Лучшие представители русской культуры во все времена давали на этот вопрос отрицательный ответ: не может быть справедливым или правдивым общество, в котором одна часть населения находится в крайней зависимости от другой, в которой одна небольшая часть населения имеет право распоряжаться жизнями других людей.

Александр Николаевич Радищев, дворянин, представитель высшей российской знати, имевший блестящее образование, знавший не менее трех европей-

ских языков, обучавшийся в Германии, где познакомился с трудами европейских просветителей, проникся идеями свободы, которые получили широкое распространение в европейских обществах. Вернувшись в Россию и поступив на государственную службу, он опубликовал главный труд своей жизни — “Путешествие из Петербурга в Москву”, написанный в популярном тогда жанре “сентиментального путешествия” [Радищев 2013]. Среди произведений этого жанра, известных и перечитываемых сегодня, — “Демократия в Америке” Алексиса Токвиля, “Сентиментальные путешествия” Лоренса Стерна и набор критических наблюдений российской жизни Огюста де Кюстина. Маршрут, который выбрал Радищев для своих заметок, был не случаен. По этому тракту чаще всего путешествовали знатные особы и важнейшая из них, императрица Екатерина Вторая, которая, как замыслил автор, должна была стать одним из главных адресатов его послания. В “Путешествии” екатерининская Россия предстает царством несправедливости: крестьяне трудятся едва ли не круглосуточно для того, чтобы отработать барщину. Чиновники нагло игнорируют свои обязанности, не желая даже двинуться с места для того, чтобы помочь морякам тонущего рядом с берегом корабля. Купцы получают ордена лишь потому, что обеспечивают подношениями высокопоставленным чиновников. Бессердечные бояре продают крестьян, почитая их за скот, причем даже тех из них, кому они обязаны жизнью. Радищев не скрывает своего отношения к существующему социальному порядку: творимые при полном попустительстве власти несправедливости требуют отплаты, и она обязательно рано или поздно осуществится. Власть по “достоинству” оценила призыв к справедливости, прозвучавший в “Путешествии”. Книга оказалась под запретом, а ее автор — в Петропавловской крепости. За подрыв государственного строя его 24 июля 1790 г. приговорили к смертной казни, которую затем императрица заменила десятилетней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог.

Радищев, пожалуй, первым из российских писателей, публицистов обосновал критику существующих порядков необходимостью восстановления справедливости как воздаяния за совершаемое зло. В обществе творятся злодеяния, у людей якобы для насыщения казны отбираются имение, честь, а иногда и жизнь. Что может этому противостоять? Только сама самодержавная власть может сохранять дистанцию и беспристрастность в отношении тех дел, которые творятся в государстве: “Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна. — Но не могу ли я принять на себя его защиту? Я напишу жалобницу в высшее правительство. Уподоблю все происшествие и представлю неправосудие судивших и невинность страждущего. — Но жалобницы от меня не примут. Спросят, какое я на то имею право; потребуют от меня верящего письма. — Какое имею право? Страждущее человечество. Человек, лишенный имения, чести, лишенный половины своей жизни, в самовольном изгнании, дабы избежать поносительного заточения. И на сие надобно верящее письмо? От кого? Ужели сего мало, что страдает мой согражданин? — Да и в том нет нужды. Он человек: вот мое право, вот верящее письмо” [там же: 20]. Итак, справедливость возможна, но только в том случае, если о конкретных нарушениях узнает высшая власть, но она не может о них узнать, если пострадавший человек не имеет влияния, если он не имеет права и возможности обратиться к верховной власти, а вынужден иметь дело только с коррумпированной властью на местах. В этом случае, полагает Радищев, справедливость в том, чтобы любой гражданин мог взять на себя ответственность обращения к власти, самого факта гражданства достаточно,

чтобы выступать за восстановление справедливости и добиться того, чтобы она была восстановлена. Таким образом, российские нравы могут быть изменены, только если граждане получают то, что и так им полагается по праву, а именно возможность обращаться к власти, которая претендует на то, чтобы представлять их интересы. Это необходимо в тех случаях, когда иные институты, кроме верховной власти, не работают или работают с серьезными нарушениями.

Но обращение к верховной власти может быть произведено только в том случае, если сама верховная власть желает слушать того, кто готов рассказать правду о совершаемых преступлениях, и способна реагировать на полученную информацию, наказывая виновных. Иное дело, если власть не желает слышать жалобы подданных, если она обращает свой гнев не на виновных, а на жалобщика, тем самым нарушая важнейшие принципы справедливости, закрепленные в священных текстах: "...христианский закон, одержав победу над мучительством, покорил самих мучителей, и ныне остается во свидетельство неложное, что гонение на мысли и мнения не токмо не в силах оные истребить, но укоренят их и распространят. Арнобий справедливо восстает противу такового гонения и мучительства. 'Иные вещают, — говорит он, — полезно для государства, чтобы сенат истребить велел писания, в доказательство христианского исповедания служащие, которые важность опровергают древний религии. Но запрещать писания и обнародованное хотеть истребить не есть защищать богов, но бояться истины свидетельствования'" [Радищев 2013: 76]. Радищев был убежден, что вопрос справедливости чаще всего обостряется в той пограничной области, где происходит взаимодействие власти и общества. Власть становится носителем справедливости, если она одинаково дистанцирована от групповых интересов и видит свою обязанность в том, чтобы защищать интересы гражданина. Радищев здесь опережает время, желая, чтобы в обществе созрели, наконец, гражданские чувства, чтобы в нем возникла убежденность в том, что права есть не только у власть имущих, но и у подданных короны. Граждане имеют право восставать против власти в том случае, если она выходит из повиновения интересам общества, если становится эгоистичной и равнодушной к несправедливости. Радищев задает новый контекст, в котором обсуждаются социальные проблемы. В этом контексте проблематизируется не содержание понятия справедливость, смысл которого туманен, а практики несправедливости, преодоление которых и есть движение к справедливому общественному устройству. Императив преодоления несправедливости оказался в центре русской общественной мысли более поздних периодов, подвигая ее к революционной идеологии.

Радищев стал одним из тех, кто впервые задал понятию "справедливость" социальные смыслы. Он первым в России сформулировал то, что можно считать "законом справедливости", заключающимся в воздаянии по заслугам. По мере того, как российская культура усложнялась, насыщалась абстрактными понятиями, увеличивалось и число значений, в которых понятие "справедливость" использовалось. В XIX в. это слово активно обретало новые смысловые оттенки. Печерская отмечает, что к концу века понятие справедливости все чаще фигурировало в разных дискурсах и вследствие этого, сохраняя старые значения, приобретало новые [Печерская 2000: 4]. По-прежнему в ходу было понимание справедливости как точности, характеризующей соответствие описания явлению окружающего мира. Справедливость сохраняла родовые коренные религиозные смыслы, роднящие это понятие со словом "праведность". Справедливым считалось поведение, отвечавшее требованиям христианской этики, вышним

принципам. Вместе с тем в новую жизнь пришли новые смыслы. Справедливость утвердилась в сугубо западном значении, обозначающем исход судебной процедуры. В общественно-политической дискуссии справедливость все чаще обозначала один из высших принципов общественной жизни, который, кстати говоря, нарушался уже не конкретными людьми, охваченными корыстью, а всем существующим социальным порядком. В работах Ленина абстрактной справедливости противостояла справедливость, рожденная классовой борьбой, волей угнетенных классов, добивающихся освобождения [Ленин 1973: 376-377].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Что же может дать сопоставление столь непохожих общественных традиций, несхожих культурных контекстов, таких как китайский и российский, в плане понимания справедливости? Во-первых, важно то, что, как бы далеки ни были друг от друга разные контексты, справедливость неизменно увязывается в них с понятием равенства. В китайской общественной мысли равенство понимается по-разному — и как фактическое равенство, и как “воздаяние каждому по его или ее заслугам”. Фактическое равенство рассматривается как крайний вариант, в значительной степени разрушительный. С отчетливостью прослеживается логическая связь между попыткой добиться фактического, экономического равенства и последствиями в форме хаоса и беспорядков. Подчеркивается, что порядок в обществе, а вместе с ним и обещание гармонии возможны только в том случае, если в нем учреждается иерархия званий и заслуг и осуществляются ритуалы, благодаря которым эти статусы получают признание общества. Российская общественная мысль идет от индивида, его ответственности за совершаемые им в обществе действия. И в ней признается, что чем выше стоит индивид в иерархии власти, тем выше его ответственность за положение дел в обществе. И в китайской, и в русской общественной мысли особая роль отводится правлению и правителю, его влиянию на общество, его нравственной конституции. Только справедливый государь способен учреждать правильные, справедливые законы, приводить в чувство зарвавшихся вельмож, создавать стимулы для движения в сторону более справедливого общественного порядка.

Во-вторых, в обеих традициях находится место для социальных институтов, отмечается их роль в реализации идей справедливости. Одной лишь воли людей доброго нрава недостаточно для того, чтобы общество достигало состояния гармонии. Общество имеет инструменты, с помощью которых оно способно влиять на то, как люди строят отношения друг с другом. Социальные институты служат тому, чтобы вознаграждать за заслуги, поощрять добродетель и наказывать зло и несправедливость. Если же институты не работают, то эгоистичная природа человека берет верх над порядком, возникает хаос, а в его стихии нет и не может быть справедливости. При этом хаос может и не иметь общего распространения, он может быть очаговым, поражающим отдельные регионы и поселения. Именно об этом пишет Радищев, обращая внимание на своеволие чиновников, на унижение и бесправие низших сословий. Право сильного, наделенного властью может быть разрушено, а справедливость восстановлена только тогда, когда в дело вмешивается высшая, объективная, незаинтересованная в исходе дела власть. Только она может судить по справедливости, и этого ожидает от нее население.

В-третьих, в китайской и в российской культурах повестка справедливости чаще всего возникает на оси противоречий между реальным положением дел, практиками, в которые вовлечены люди, зачастую далекие от нравственного

идеала, и идеальной схемой, моделью, в которой в общей форме представлены принципы и ценности, способные приблизить общество к желательному, справедливому состоянию. В каждой традиции по-своему, но с одинаковой последовательностью решается вопрос о том, каким принципам отдавать предпочтение для того, чтобы двигаться в сторону социальной гармонии и как этому могут способствовать конкретные практики.

В-четвертых — и это важный пункт — в обеих системах идей ключевая роль в решении проблем общества и его сближении с заданным идеалом справедливости отводится отношениям между властью и “простым” человеком (“маленьким” в трактовке древнекитайских философов). Так называемый простой человек — это на самом деле сложная совокупность социальных групп, формируемых существующим разделением труда, а также отношениями господства и подчинения. В древнекитайской философии за “маленьким” человеком закрепляется роль не агента, но субъекта, реактивно реагирующего на несправедливость и притеснения. В российской общественной мысли “простой” человек, лишенный свободы, накапливает претензии к власти, к конкретным лицам, которые повинны в его бедах. И китайская, и российская традиции рассматривают насилие и беспорядок, сопровождающие несправедливость в разных ее проявлениях, как пагубные для общества состояния. Они пагубны не только для правителей, не сумевших приблизить общество к социальной гармонии, но и для подданных, которые в разрушительном хаосе социального распада теряют средства к существованию. И древнекитайская, и российская мысль предвосхитили потрясения будущего, когда практики управления окончательно разойдутся с чаяниями большинства населения, а эгоизм правящих классов приведет к массовому недовольству, насилию и беспорядкам.

Общественная мысль в древнем Китае и в России шла разными путями, но в том, что касается понимания справедливости, обнаруживаются точки соприкосновения. В глобальном мире XXI в. таких точек будет больше благодаря взаимному проникновению разных культур, глобальной среде, создаваемой сетевыми технологиями. И в этом мире вопрос о справедливом общественном устройстве будет ставиться не менее остро, чем в предыдущие эпохи.

10.17976/jpps/2021.03.08

DISCOURSES OF SOCIAL JUSTICE IN THE CHINESE AND RUSSIAN CULTURAL CONTEXTS

M.F. Chernysh¹, Yijin He²

¹ *Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). Moscow, Russia*

² *Beijing University of Technology. Beijing, People's Republic of China*

CHERNYSH, Mikhail Fedorovich, Doctor of Sociological Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Acting Director of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, FCTIS RAS, Moscow, email: mfche@yandex.ru; **HE, Yijin**, PhD in Sociology from the University of Surrey is Associate Professor at the Department of Sociology, Beijing University of Technology, email: shredfn@126.com

Chernysh M.F., He Yijin. Discourses of Social Justice In The Chinese and Russian Cultural Contexts. — *Polis. Political Studies*. 2021. No. 3. P. 111-128. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.08>

The reported study was funded by RFBR and CASS according to the research project №19-511-93003. The authors are grateful for help with the text to Maria S. Ivchenkova senior researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS.

Received: 28.09.2020. Accepted: 15.02.2021

Abstract. Justice is regarded in classical works as a set of principles that apply to any society. This approach is taken by John Rawls who defines the main principles of justice on the basis of the so-called “incipient social position”. An individual isolated from the outside world, deprived of salient social characteristics, constructs anew a just social order. Amartya Sen subjected this approach to critique by claiming that perceptions of social justice can vary widely depending on the society and social group to which an individual belongs. The article assumes that social justice is embodied in a number of basic principles and practices that have both specific and universal content. This approach is bolstered by a comparison of the perception of justice in Russian and Chinese social thought. In ancient China, justice was treated as a necessary condition of a harmonious society. Across different times justice has been perceived in different ways: in the early works of Confucius, justice was regarded as full equality; in later works it was defined as distribution according to merit and the division of labor. In the Russian social thought, the concept of justice arose when the state embarked on the path of modernization and assimilated the ideas of equality and dignity inherent in it. The Russian and Chinese ideas of justice have a shared understanding of justice as a set of power relations dependent on the interaction between the monarch and his or her subjects. In both cultures, “the benevolence” of the monarchy and its ability to take care of its population is regarded as the most important condition of justice and the most important principle of social harmony.

Keywords: justice, social harmony, social relations, domination, a system of distribution

References

- Gaidenko P. 2012. *Istoriya grecheskoi filosofii v ee svyazi s naukoj* [The History of Greek Philosophy in Its Connection with Science]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 320 p. (In Russ.)
- Kistyakovskii B.A. 1999. *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and Sociology of Law]. St. Petersburg: Publishing House of the Institutio Rossica Christiana. 800 p. (In Russ.)
- Lenin V.I. 1973. *Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izdanie* [Complete Works. 5th ed.]. Vol. 16. Moscow: Publishing Political Literature. 698 p. (In Russ.)
- Nikitin A. 1986. *Khozhdenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [Afanasy Nikitinaz's Voyage Across the Three Seas]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otделение. 213 p. (In Russ.)
- Pecherskaya N.V. 2001. Metamorphoses of Justice: Historical-Etymological Analysis of the Notion of Justice as It Evolved in Russian Culture. — *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 132-146. (In Russ.)
- Radishchev A.N. 2013. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu* [A Journey from St. Petersburg to Moscow]. Moscow: Azbuka. 288 p. (In Russ.)
- Rawls J. 1995. A Theory of Justice (Russ. ed.: Rawls J. *Teoriya spravedlivosti*. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publishing House. 532 p.).
- Sen A. 2016. The Idea of Justice (Russ. ed.: Sen A. *Ideya spravedlivosti*. Moscow: Gaidar Institute Press; Fund “Liberal'naya Missiya”. 520 p.)
- Yurganov A.L. 1998. *Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury* [Categories of Russian Medieval Culture]. Moscow: MIROS. 448 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Гайденко П. 2012. *История греческой философии в ее связи с наукой*. М.: Центр гуманитарных инициатив. 320 с.
- Кистяковский Б.А. 1999. *Философия и социология права*. СПб.: РХГИ. 800 с.
- Ленин В.И. 1973. *Полное собрание сочинений*. 5-е издание. Т. 16. М.: Издательство политической литературы. 698 с.
- Никитин А. 1986. *Хождение за три моря Афанасия Никитина*. Л.: Наука. Ленинградское отделение. 213 с.
- Печерская Н.В. 2001. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре. — *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 132-146.
- Радищев А.Н. 2013. *Путешествие из Петербурга в Москву*. М.: Азбука. 288 с.
- Ролз Дж. 1995. *Теория справедливости*. Новосибирск: Издательство НГУ. 532 с.
- Сен А. 2016. *Идея справедливости*. М.: Издательство Института Гайдара; Фонд “Либеральная Миссия”. 520 с.
- Юрганов А.Л. 1998. *Категории русской средневековой культуры*. М.: МИРОС. 448 с.

Литература на китайском языке

杨国荣.《中国传统“公”、“正”、“公正”观念的析义与扬弃》.朱贻庭主编.《与孔子对话：儒家的公正与民生思想》.上海:上海辞书出版社.2012.第1-10页. [Ян Гожун. 2012. Чжунго чуаньгун “гун”, “чжэн”, “гунчжэн” гуаньнянь дэ си и юй янци (Анализ традиционных китайских концептов “общественный”, “правда” и “справедливость” в Аналектах Конфуция). Юй кунцзы дуйхуа: жуцзя дэ гунчжэн юй миньшэн сысян (Диалог с Конфуцием: Конфуцианская справедливость и средства к существованию людей. Под ред. Чжу Итин. Шанхай: Шанхайское лексикографическое издательство. 2012. С. 1-10)].

赵昆.《孔子公正思想论析》.《齐鲁学刊》.2016.第6期.第5-9页 [Чжао Кунь. 2016. Кунцзы гунчжэн сысян луньси. — Цилу Сюэкан (Анализ размышлений Конфуция о справедливости. — Академический журнал Цилу. 2016. № 6. С. 5-9)].

孔子.《论语》.北京:中华书局.2016年 [Кунцзы. 2016. Луньюй (Аналекты Конфуция. Пекин: Издательство “Чжунхуа”).]

钱穆.《论语新解》.北京.2002 [Цянь Му. 2002. Кунцзы синьцзе (Толкование Аналектов Конфуция. Пекин)].

杨伯峻、杨逢彬.《论语译注》.长沙:岳麓书社.2009. [Ян Боцзюнь, Ян Фэнбинь. 2009. Луньюй ичжу (Комментарии к Аналектам Конфуция. Чаньша: Юэлу)].

程树德.《论语集释》.北京:中华书局.1990年 [Чэн Шудэ. 1990. Луньюй цзиши (Объяснения Аналектов Конфуция. Пекин: Чжунхуа)].

胡平生、张萌.《礼记》.北京:中华书局.2017年 [Ху Пиншэн, Чжан Мэн. 2017. Ли Цзы. (“Книга ритуалов”). Пекин: Чжунхуа)].

何怀宏.《正义在中国：历史的与现实的——一个初步的思路》.《公共行政评论》.第1期.2011年.第2-15页 [Хэ Хуайхун. 2011. Чжан и цзай Чжунго: лишидэ юй сяньшиде — игэ чубу дэ сылу. — Гунгун синчжэн пинлунь (Справедливость в Китае: история и реалии — первые идеи. — Государственное управление. № 1. С. 2-5)].

荀子.《荀子》.北京:中华书局.2015年. [Сюнь-цзы. 2015. Сюнь-цзы (Сюнь-цзы. 2015. Пекин: Чжунхуа)].

王世舜 译注.《尚书》.北京:中华书局.2011年 [аннотация Ван Шишунь. 2011. Шу-цзин (Шу-цзин. Пекин: Чжунхуа)].

黄玉顺.《荀子的社会正义理论》.《社会学研究》.第3期.2012年.第135-141页 [Хуан Юйшунь. 2012. Сюнь-цзы дэ шэхуэй лилунь. — Шэхуэйсюэ яньцзю (Теория социальной справедливости в Сюнь-цзы. — Социологические исследования. № 3. С. 135-141)].

何蓉.《中国历史上的“均”与社会正义观》.《社会学研究》.第5期.2014年.第140-164页. [Хэ Жун. 2014. Чжунго лишишан ву “цзюнь” юй шэхуэй чжэн и гуань. — Шэхуэйсюэ яньцзю (“Равенство” и социальная справедливость в истории Китая. — Социологические исследования. № 5. С. 140-164)].

程立显.《伦理学与社会公正》.北京:北京大学出版社.2002年. [Чэнь Лисянь. 2002. Луньлисюэ юй шэхуэй гунчжэн (Этика и социальная справедливость. Пекин: Издательство Пекинского университета, 2002)].

管子.《管子》.北京:中华书局.2019年. [Гуань-цзы. 2019. Гуань-цзы (Гуань-цзы. Пекин: Чжунхуа)].

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.09

БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ КАК МНОГОМЕРНЫЙ ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.А. Чихарев

ЧИХАРЕВ Иван Александрович, кандидат политических наук, доцент факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, email: ichikharev@yandex.ru

Чихарев И.А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований. — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 129-146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>

Статья поступила в редакцию: 04.03.2019. Принята к публикации: 23.12.2020

Аннотация. Статья представляет собой презентацию исследовательской программы изучения политических процессов в регионе Большого Средиземноморья. В ней показаны научные и практические причины актуализации проблем политического развития данного макрорегиона. Особое внимание уделено политической эволюции региона, а также трансформациям и транзитам, которые поставили его в последнее время в центр мировой политической повестки. Предлагается концептуализация Большого Средиземноморья как 1) современных государств бассейна Средиземного, Черного и Азовского морей; 2) регионов, в которые включены данные государства; 3) регионов, описываемых контурами империй и цивилизаций, имевших выход к Средиземноморью и влиявших на его развитие; 4) срединных регионов, функционально подобных Средиземноморью; 5) сферы многосторонних глобальных коммуникаций, включающей Средиземноморье и соотносимой с ним. Эта конструкция объекта предопределяет направления сравнительных исследований: 1) проявление общесредиземноморских трендов в отдельных странах и субрегионах “бассейна”; 2) сравнение политической динамики Средиземноморья с другими регионами; 3) сравнение средиземноморий; 4) соотнесение трендов политического развития Средиземноморья и средиземноморий с глобальными тенденциями. Таким образом, Большое Средиземноморье представлено в статье как объект политических исследований в большом историческом времени и в макрорегиональной пространственной “развертке”. Он трактуется как макрорегион-экосистема, где в силу ресурсной и цивилизационной притягательности наиболее интенсивно конкурируют и эволюционируют геополитические стратегии. Подобная концептуализация позволяет очертить кластер взаимосвязанных проблем политического развития региона (транзитов, миграций, гибридных конфликтов, сецессий, хрупкости государств и международно-правовых дисфункций) и сформировать релевантную рамку их изучения.

Ключевые слова: Большое Средиземноморье, политические процессы, геополитика, политическое пространство, политическое время, исследовательская программа.

АКТУАЛИЗАЦИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Выделение Большого Средиземноморья (БС) (в отличие от традиционно-го термина “Средиземноморье”, подразумевающего государства, выходящие к Средиземному морю), в качестве объекта политических исследований обусловлено и фундировано рядом причин научного и практического свойства. В научном плане в изучении политических проблем глобального и регионального развития

поставлена проблема соотношения глобализации и регионализации, а также сравнительных темпов и особенностей интеграции регионов разного типа в глобальные процессы [Воскресенский 2013]. При этом разрабатывались вопросы вхождения в глобализацию субрегионов (микрорегионов), с одной стороны, и макроскопических регионов — сторон света и макроцивилизационных дихотомий (Север — Юг, Восток — Запад, Запад — не-Запад) — с другой. Достаточно длительную традицию и заметные научные результаты имеют традиционные региональные исследования (*area studies*), а также страноведение. При этом есть определенный дефицит изучения регионов “среднего уровня” — больше, чем *area*, и меньше, чем *grossraum* (“панрегион”).

Логика выделения таких регионов следующая: происходящие в них процессы нельзя понять без глобального контекста, но глобальные факторы влияют на них опосредованно, через специфические интерпретативные фильтры, с учетом их внутренней инерции. В ответ они влияют на глобальные тренды на свой манер, корректируя их под влиянием региональной специфики. При этом дело не только в размере, но и в “срединности” таких регионов, т.е. возможном цивилизационном синтезе или комплексе политических процессов, делающих такой синтез возможным. В ряду подобных регионов-“мостов”, соединяющих части света и конвенциональные региональные и субрегиональные образования (Южная Европа, Балканы, Черноморский регион, Передняя Азия, Ближний Восток, Северная Африка и т.д.), выделяется Средиземноморский макрорегион, выступающий мостом между частями света, океанами и даже полушариями Земли (благодаря трансатлантической связи).

130

С научной точки зрения выделение БС как особого объекта политических исследований — необходимая, а возможно, и центральная часть изучения макрорегиональных процессов, в рамках которых происходит непосредственное сопряжение политических систем (и культур) различных форм и видов, имеющее влияние на глобальные процессы и тем самым приобретающее глобальное значение. Отдельные политические проблемы международных отношений и развития традиционных субрегионов не могут быть разрешены в научном и практическом плане без посредства промежуточного макрорегионального, сравнительного кросс-макрорегионального и верхнеуровневого глобального исследования — БС представляет собой важную единицу такого многоуровневого анализа.

Средиземноморские исследования вполне институционализированы: имеются профильные исследовательские центры, университеты, журналы и научные ассоциации, проводятся форумы. Регион Средиземноморья и средиземноморская политика все чаще становятся предметом политических исследований. В 2017 г. был опубликован “Справочник Рутледж по средиземноморской политике”, в котором собрано несколько десятков статей, касающихся различных аспектов политического развития региона — авторитетное издательство выпускает такие книги, когда актуализируется определенное направление научных исследований [Routledge Handbook... 2017]. С 2017 г. БС изучается на междисциплинарной основе в Севастопольском государственном университете, где реализуется соответствующий научный проект под руководством профессора М.В. Ильина.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Понятие “Большое Средиземноморье” введено в научный дискурс Ф. Бродезем, предложившим художественное, но весьма эвристичное его описа-

ние: “Средиземноморье, рассматриваемое согласно запросам истории, должно быть обширной зоной, которую следует равномерно продолжать во всех направлениях на большое расстояние от морских побережий. По прихоти нашего воображения оно уподобляется силовому полю, магнитному или электрическому, или, проще говоря, световому источнику, яркость излучения которого по мере удаления от него слабеет, но это не дает нам возможности раз и навсегда провести линию разграничения между светом и тенью” [Бродель 2002: 237]. По этому описанию строгая политико-географическая дефиниция Средиземноморья весьма затруднена. С другой стороны, неудовлетворительно и узкое понимание региона как Средиземного моря от Гибралтара до Босфора — оно представляет собой неоправданное ограничение для изучения евразийских влияний, которые в ряде периодов истории были определяющими.

Конвенциональным представляется бассейновый подход, объединяющий собственно Средиземное, Черное и Азовское моря. Однако для понимания БС как объекта политического исследования будет недостаточно просто включить в него государства, имеющие выход к морю. Во-первых, приморские государства включены в системы материковых связей, не позволяющие рассматривать их только как средиземноморские. В силу этого в БС можно включать устойчивые группы стран, хотя бы одна из которых выходит собственно к Средиземноморью, например Ближний Восток и Балканы. Кроме того, в границы объекта необходимо включать территории, не имеющие выхода к морю сегодня, но оказавшие значительное влияние на развитие региона в истории.

Изучение срединных морей и срединных участков суши как особых геополитических объектов заставляет включить в широкую рамку средиземноморских исследований ряд регионов, подобных Средиземноморью по базовому признаку — как средоточия интенсивных многосторонних коммуникаций (т.е. географических зон, в которых благодаря средовым факторам легче установить коммуникации и где в них участвует большое количество субъектов — культур, городов, цивилизаций), — будем называть их средиземноморьями. И, наконец, в самом широком смысле средиземноморьем можно считать глобальный мир в целом — все по тому же признаку.

В итоге мы имеем схематический образ объекта как совокупность нескольких концентрических кругов и объемлющую их сферу: 1) государства Средиземноморского бассейна; 2) регионы, в которые они включены; 3) регионы, описываемые контурами империй и цивилизаций, имевших выход к Средиземноморью и влиявших на его развитие; 4) срединные регионы, функционально подобные Средиземноморью; и 5) сфера многосторонних глобальных коммуникаций, включающая Средиземноморье и соотносимая с ним. Такая конструкция объекта предопределяет направления сравнительных исследований: 1) проявление общесредиземноморских трендов в отдельных странах и субрегионах “бассейна”; 2) сравнение политической динамики Средиземноморья с другими регионами; 3) сравнение средиземноморий; 4) соотнесение трендов политического развития Средиземноморья и средиземноморий с глобальными процессами.

Терминологически важным видится определение уровня и характера Средиземноморья как региона. Оно затруднено сложностью и многоуровневостью конструкции объекта. В самом широком смысле БС можно называть макрорегионом, так как оно объединяет конвенциональные регионы вроде Южной Европы или Ближнего Востока. В случае именовании БС макрорегионом такие

“конвенциональные” регионы становятся по отношению к нему субрегионами. БС является трансрегионом в том смысле, что во втором, третьем и особенно в четвертом круге исследования оно охватывает пространства, не граничащие друг с другом и принадлежащие к совершенно разным “панрегионам” (в понимании К. Хаусхофера). Наконец, на глобальном уровне БС является метарегионом, т.е. посттерриториальным, географически “непривязанным” пространством. В последнем случае речь идет о современном транснациональном пространстве сетей и потоков, которое изоморфно географическим средиземноморьям как трансграничное пространство интенсивной многосторонней коммуникации.

Необходимо ввести ряд “квазитопонимических” терминов. Базовым “зонтичным” концептом для нас выступает “Большое Средиземноморье”. Мы оперируем термином “Средиземноморье”, когда говорим только о географических реалиях или историко-политических процессах, относящихся исключительно к бассейну Средиземного моря. Термин “средиземноморье” (“средиземье”) со строчной буквы мы используем, тогда говорим о регионах, сравнимых с БС по базовому признаку, выступающих как средоточия интенсивной многосторонней коммуникации.

Мы отвергаем термин “Классическое Средиземноморье” Д. Абулафии [Abulafia 2005], при всей значимости его концепции для наших исследований. Британский ученый не включает в свой концепт Черноморский регион на том основании, что последний участвовал в макрорегиональных процессах, но лишь как “реципиент” средиземноморских цивилизационных влияний [Abulafia 2011]. Эта конструкция сомнительна, так как регион развивался под сильным влиянием причерноморских народов, культур, а начиная с основания Византии – и цивилизаций. Несомненно глубокое влияние на регион Российской и Османской империй в Новое время и Советского Союза в XX в. Кроме того, если говорить о “классическом”, т.е. греко-латинском периоде в истории БС, то Причерноморье было не периферией, а ключевым хабом коммуникаций греков и римлян с евразийскими народами. Так, обозначенная еще на карте Анаксимандра река Фасис коррелирует не столько с известной до сегодняшнего дня небольшой речкой в Закавказье, сколько с великими реками, впадающими в Понт Евксинский, а располагавшаяся на территории Сухуми Диоскурия была торговой площадкой нескольких десятков народов. Основанный на ее месте римский Себастополис был важнейшим опорным пунктом римлян в регионе и восточным форпостом “реноватора империи” Юстиниана.

Несколько более взвешенную точку зрения на взаимодействие причерноморских и “классических средиземноморских” народов предлагает Н. Ашерсон [Ашерсон 2017], хотя и она не свободна от глубоких предубеждений, проводящих по Большому Средиземноморью карантинные линии.

РАЗМЕРНОСТЬ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Регион Средиземноморья представляет собой гигантский объект политического исследования. Он охватывает как минимум четыре субрегиона, которые являются устоявшимися объектами изучения в региональных штудиях – Ближний Восток, Северная Африка, Южная Европа (отдельно часто рассматриваются Балканы), Черноморский регион (также употребляется более широкий термин “Восточное Средиземноморье”). К Средиземноморью примыкают так называемые большие пространства, или трансрегионы – “Большой Ближний Восток”, MENA (сокр. от англ. *Middle East and North Africa* – Средний Восток и Южная Африка), “Большой

Черноморский регион”, Черноморского-Каспийский регион. Он включает в себя также евразийские проекты: ЕАЭС и “Один пояс — один путь”, “Междуморье” или “Инициатива трех морей” (единый интеграционный проект восточноевропейских государств от Прибалтики до Адриатики и Западного Причерноморья), Евро-Средиземноморье (государства Союза для Средиземноморья). Также макро-регион Средиземноморья охватывает разнообразные государства и непризнанные территории — от абсолютных монархий и теократий до старейших республик, демократий и наций-государств — синхронно существующих, но морфологически и эволюционно глубоко различных.

Трансрегионы, субрегионы и государства встроены в глобальную систему связей, а сам бассейн Средиземного моря представляет собой хаб межконтинентальной и межокеанской коммуникации — не только с Атлантикой и Индийским океаном, но и с Тихим Океаном, Арктикой и Антарктикой. Так, норманны коммуницировали со Средиземноморьем еще в Средневековье, а известны средиземноморским культурам были еще в древности; тихоокеанский транзит стал возможен со времен монголо-татарского завоевания Евразии; Антарктида была открыта в 1820 г. адмиралом Лазаревым, который впоследствии стал губернатором Севастополя — форпоста России в Средиземноморье. Россия сыграла одну из ключевых ролей в “подключении” Средиземноморья к системе трансокеанических и трансконтинентальных коммуникаций благодаря Средиземноморским походам через Атлантику и дальнейшим экспедициям, которые организовывались уже из Севастополя и других территорий присутствия Российской империи в Средиземноморье. Сегодня Арктика и Тихий океан на новом уровне “подключаются” к Средиземноморью благодаря евразийским интеграционным и инфраструктурным проектам, в которых главные роли играют Россия и Китай [Столетов и др. 2019a].

Демаркацию макрорегиона БС как отдельного объекта исследования затрудняет его включенность в систему поистине глобальных связей. С другой стороны, его целостному восприятию препятствует “разобранность” региона на предметы страноведческих и субрегиональных исследований и его раздел бинарными оппозициями “Запад — Восток” и “Север — Юг”, дихотомией “Запад — не-Запад”. Если же мы принимаем достаточно утвердившееся в современной науке (от Ф. Ратцеля до Д. Абулафии) представление о множественности средиземноморий, т.е. гомологичности характеристик морей и участков суши, функционирующих как средоточия интенсивных многосторонних коммуникаций, мы вынуждены трактовать средиземность и срединность как кросс-региональные или глобальные феномены. Кросс-региональный и глобальный подходы к феномену Средиземноморья обоснованы Дэвидом Д. Абулафией [Abulafia 2005]. Он доказывает, с одной стороны, что существует или существовало несколько “средиземноморий” в других регионах мира — Балтика, Карибы, Японское море, Атлантика и Индийский океан, и даже Евразийская степь и Сахара. С другой стороны, он утверждает, что средиземноморский мир как самостоятельное и относительно замкнутое явление перестает существовать в XXI в., “вливаясь” в глобальное средиземноморье транстерриториальных коммуникаций.

Обосновать выделение БС “в отдельное производство” как объекта политических и международных исследований можно только доказав сквозной характер трендов его политического развития и общую специфику международных отношений в нем, объединяющих его, несмотря на различия государств и субрегионов,

и одновременно отличающих от других средиземноморий и “средиземий”. По отношению к последним, включая “глобальный цифровой средиземный океан”, “Классическое Средиземноморье” представляет условный “эталон” сравнения не в смысле нормативной образцовости, но в плане наиболее полной выраженности признака “интенсивной многосторонней коммуникации”. Вследствие особых обстоятельств человеческой эволюции Средиземноморье стало средоточием общения максимального количества народов, культур, цивилизаций, наций, которое благодаря удачным географическим и климатическим условиям было наиболее интенсивным и концентрированным. В результате Средиземноморье дает обширную базу опытов политического строительства и международного взаимодействия в условиях геополитической срединности. Модельным для современных средиземноморий его делает включенность в глобальные процессы — как донора и реципиента глобальных влияний с древнейших времен. Помимо этого, в регионе продолжается активная политическая эволюция, которая может породить новые формы политической организации. Учитывая нормативный “заряд” евросредиземноморского проекта и в целом позиционирование Европы по отношению к внешнему миру как *model power* (Д. Милибенд), такие новые формы (например, форматы интеграции или гибридизации различных политических культур) могут получить глобальное распространение (что окажет существенное, хотя и не гарантированно положительное влияние на мировое развитие).

Наконец, в сугубо натуралистическом и геостратегическом смыслах Средиземноморье как минимум на несколько десятилетий останется крупнейшим средоточием углеводородных ресурсов, транспортных возможностей, рекреационного потенциала и вместе с тем — угроз безопасности. Это будет способствовать сохранению центральной роли Средиземноморья в мировом развитии, особенно учитывая непосредственную включенность в средиземноморские процессы США, России и Китая. Таким образом, макрорегион БС как объект исследования выступает единицей кросс-региональных сравнений, а также как лаборатория для изучения процессов политического развития, которые, с одной стороны, уникальны в силу специфических характеристик Средиземноморья, а с другой — могут приобрести универсальное значение как модельные.

БС как объект политического исследования определяется наличием специфических политических процессов, институтов и траекторий политического развития. Также Средиземноморье, как мы должны доказать, представляет собой не только “региональную подсистему международных отношений” или “комплекс безопасности”, но определенный тип анархии (предположительно, незрелой или абсолютной), подчиняющийся логике “деструктивных дилемм” безопасности (деструктивность дилемм и незрелость анархии не означают постоянную войну или тем более империю, они лишь исключают классический баланс сил, Вестфалию). При этом названные процессы, институты, международные тренды, подсистема должны отличаться от таковых в других (макро)регионах, хотя страны и регионы могут иметь здесь сложносоставную идентичность, входя в иные макрорегионы и выступая в них в ином качестве. Кроме того, принятие допущения множественности средиземноморий предполагает сравнимость процессов в классическом Средиземноморье с политической динамикой гомологичных регионов и даже общей динамикой глобализации, если соглашаться с концептом глобального Средиземноморья Абулафии.

Диахронно БС представляет собой без преувеличения самый большой объект политического исследования из известных, не считая мир в целом и глобальную политическую эволюцию как его временную развертку. Контур БС очерчиваются при одновременном наложении на карту примыкавших к нему империй, начиная с Саргона Великого и заканчивая польской “Инициативой трех морей” (хронологически) и от россыпи римлендов Британской империи до континентальной протяженности российского евразийского Хартленда. И тогда в диахронии у нас будут те же пространственные контуры, что и при синхронном наложении метарегионов, которое мы получили выше.

Есть сомнения в интеллигибельности политической истории БС, по крайней мере — при нынешнем развитии научного знания и академической кооперации. Некоторую надежду вселяют возможности развития морской робототехники, цифровой археологии и архивистики, анализа больших данных. Даже конвенциональная история дает нам несколько интерпретаций Средиземноморья — как целого, как сферы раздробленности и пересечения водоразделов, как неравномерно пульсирующего пространства вокруг срединного моря. Парадоксальным образом эти противоречивые интерпретации в большом историческом времени позволяют выделить общую черту — неравномерно-циклическое возникновение политически целостных больших пространств, примыкающих к Средиземному морю, и их последующая фрагментация при наличии рекуррентных линий раскола Север — Юг и Восток — Запад.

Большое историческое время позволяет нам увидеть практически совершенное БС — Римскую империю периода расцвета, для которой Средиземное море выступало *mare nostrum* (Карты Римской империи, исключаящие Крым, неверны — на южном берегу Крыма и в Севастопольском регионе до сих пор сохранилась, в частности, римская дорога [Никитин и др. 2017]). Таким образом, в диахронной развертке БС позволяет увидеть разноплановые, но вполне конкретные контуры объекта и преодолеть политически мотивированный презентизм в понимании его границ и структуры.

Не выдерживает критики негласно поддерживаемый англо-саксонскими, евроатлантическими и турецкими учеными и экспертами взгляд на Россию как внерегиональную державу, на Причерноморье — как объект средиземноморских влияний, но не субъект истории макрорегиона. Аналогичным образом исторически несостоятельны попытки отделения от Средиземноморского региона Ирана, наследника мощной средиземноморской державы персов, аравийских держав, выступавших центром Арабского халифата, центральной Африки, коммуникационно (и колониально) связанной со Средиземноморьем. При включении этих субрегионов в “большую картину” меняется и логика центров/периферий Средиземноморья: Рим может превратиться в периферию германских народов, Севилья — в столицу марокканских наследников Халифата, а острова греческих морей — в периферию Российской империи. И так до нынешних времен, когда южноевропейские столицы все больше приобретают арабский и африканский облик.

Развернутый во времени объект “БС” дает нам более точные представления о его границах и структуре, но при этом усложняет определение его сущности. Однако даже на нынешнем уровне развития науки истории, диахронное представление о макрорегионе диктует необходимость преодоления узких и геополитически мотивированных англосаксонского, евроатлантического и евроцентристского взгляда на него, необходимость многостороннего исследования Средиземноморья

и аналогичного характера усилий по его развитию. Итак, во времени БС как объект исследования представляет собой относительно единую политическую традицию, которую связывает обмен информацией между политиями или непосредственное наложение форм политической организации в рамках возникающей новой. Наиболее хрестоматийная иллюстрация — *translatio imperii*, т.е. “три Рима” в традиции христианской империи. БС в большом времени — это эволюционный политический “геобиоциноз” (ср. с платоновским “лягушки вокруг болота”), обусловленный геологически, географически и климатически, порождающий достаточно специфические жизнеспособные виды, испытывающие, однако, перманентные кризисы популяции. По сравнению с изучением нормальных эволюционных последовательностей постижение развития БС сложнее из-за искусственного, рефлексивного, а значит — гибридного характера эволюции, что порождает неустойчивость эволюционных форм.

БОЛЬШОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Обозначенная размерность Большого Средиземноморья, его включенность в систему поистине глобальных связей и эволюционных последовательностей требует соразмерного теоретико-методологического осмысления. На самом общем уровне для его изучения релевантны междисциплинарный исследовательский инструментарий и понятийно-категориальный аппарат политической глобалистики [Модельски 2005а, 2005б; Ильин, Урсул, Урсул 2012, 2014; Политическая глобалистика... 2020].

Глобалистика дает возможность изучения взаимодействия и коэволюции природных и социальных систем. В этом отношении значительный интерес представляет собой изучение БС в геологическом времени — как реликта древнего океана Тетиса (особенно периода Мезотетиса, 40-50 млн лет назад) [Ильин 2020] и в планетарном пространстве — как зоны напряжения при вращении геоида в районе 35-й параллели [Ретеюм 2020]. Эти ракурсы позволяют обосновать тезисы о множественности средиземноморий (реликтовых зон мезотетиса и участков “Параллели Верноне”) и осевом, “сквозном” характере Средиземноморья для глобальной коммуникации. Очевидно значение экологического подхода, определяющего средиземноморский ареал по пальмам и оливам [Бродель 2002] или средиземноморской изогие (норме осадков) [Horden, Purcell 2000]. Продуктивно понимание Большого Средиземноморья как экосистемы — не только как пересечения ареалов ряда политических “организмов” в благоприятном пространстве, но в современном смысле — как продуктивной среды производства новых политических стратегий и технологий (ср. “экосистема инноваций”).

В методологической рамке “глобальной политической эволюции” необходимо рассматривать прежде всего эволюцию глобальных коммуникаций от “линейных” к “циркулярным” и “сферическим” [Модельски 2005а, 2005б]. В этом плане Средиземноморье на ранних стадиях становления квазиглобальной (т.е. континентальной, в рамках Евразии, но стремящейся к мировому господству) системы выступает осью или по меньшей мере важнейшим участком или пунктом назначения трансевразийских коммуникаций (Великий шелковый путь), далее — истоком трансокеанических и циркулярных (огигающих континенты) коммуникаций. Интересно, что циркулярные коммуникации — до сих пор “незакрытый гештальт” глобального сообщения, он пока не включает в себя Северный морской путь. С позиций собственно политической эволюции Дж. Модельски предлагает

трактовать эволюцию стратегий глобальной организации — от территориальной империи через систему мирового лидерства наций к мировому сообществу.

С геополитической точки зрения Большое Средиземноморье — политический макрорегион, т.е. пространство, создаваемое проецированием силы субъекта политики. Это пространство может быть сферой власти или влияния политического субъекта. В силу специфики международного политического пространства фактически речь идет о динамическом пространстве, или поле, в котором происходит конкурентное взаимодействие политических субъектов (политических стратегий). Именно политическая стратегия, а не субъект, и есть единица эволюции, потому что она долгосрочна и может рассматриваться как морфологическая единица. Субъект — особь, группа субъектов — популяция, ряд субъектов с подобными стратегиями — вид, группа или эволюционная последовательность стратегий — род. Таким образом, политический макрорегион — это район наложения больших стратегий политических субъектов. Отсюда в результате комбинации подходов Дж. Модельски и М.В. Ильина мы получаем эволюционную последовательность (и параллелизм) стратегий — этнические (разливание, переселение, миграция, потестарность), полисные (создание центров, очагов развития), имперские (создание больших пространств, контролируемых и формируемых из единого центра), национальногосударственные (лидерство и/или баланс сил / международное общество), постгосударственные (интеграция, транснационализация, эпистемное сообщество [Naas 1989]).

Одновременно макрорегион не существует в вакууме, не только в смысле конкуренции больших стратегий, но в смысле сохранения реликта предыдущих поколений стратегий в виде “заполненных” пространств (суверенных или племенных, городов, сфер имперских интересов или святых мест, территорий под контролем международных организаций или режимов). Современные макрорегиональные стратегии должны учитывать и использовать данный ландшафт для надстраивания новых гармонизирующих, стабилизирующих и развивающих инфраструктур.

Геополитически БС смыкается с рядом так называемых больших пространств и конвенциональных регионов — Северной и Южной Атлантикой, Западной Европой (германский и французский “перешейки” Ф. Броделя), Восточной Европой (броделевские польский и русский “перешейки”) [Бродель 2002], Евразией (через средиземноморско-каспийскую ось и Великую степь), Большим Ближним Востоком, Индией и западной частью Индийского Океана, Аравией, Красным морем, Африканским рогом и государствами Северной Африки (включая Судан). Активно в средиземноморские процессы сегодня включается Китай. Средиземноморье оказывается средоточием, пересечением, фокусом ключевых мировых геополитических проектов — атлантического, евразийского, трансрегиональных — китайского, европейского, российского, а также целого ряда региональных и страновых — французского, итальянского, греческого, турецкого, саудовского, арабского в различных версиях, израильского и др.

Геополитический ракурс его рассмотрения БС включает, как уже говорилось, натуралистическую (геологическую, гидрологическую, экологическую) подоснову и достаточно прочно фундирован в классической геополитике. Средиземноморье рассматривалось А.Т. Мэхэном, Ф. Ратцелем, Х. Маккиндером и др. Ратцель пишет, что все древнейшие государства, о которых говорит нам история Старого Света, находятся под влиянием пространственных условий Средиземноморья [Ratzel 1897: 310]. Ему же принадлежит геополитическая типология морей —

закрытого, открытого и среднего. Срединное море приобретает значение универсальной геополитической категории, а Ратцель делает прогноз развития “по средиземноморскому сценарию” международных отношений в Карибском бассейне (сбывшийся во второй половине XX в.) и Океании [Ratzel 1897, 1911; Petri 2016]. Особое внимание средиземноморскому региону уделил географ немецкой школы А. Филиппсон, чье сочинение *Das Mittelmeergebiet* было переведено на русский язык как “Средиземье (Область Средиземного моря)” [Филиппсон 1911]. Глобальное понимание Средиземноморья соотносимо с понятием Хартленда как глобальной срединной земли и внутреннего/внешнего полумесяцев у раннего Маккинндера (где внутренний полумесяц практически полностью охватывает “средиземноморья” Античности и Средневековья, а внешний — “срединный пояс океанов” Нового времени; интересно, что Арктика в этом случае оказывается в точке, где смыкаются Хартленд, Римленд и Внешний полумесяц), или с его позднейшим *Round world*, где глобальное политическое пространство обретает благодаря многосторонности сферическую конструкцию (внутри которой каждая точка может без посредников соединяться с другой, как и контрагенты на разных берегах срединного моря) [Mackinder 1943].

БС концептуально вписывается в современные версии геополитики. В одной из популярных работ по “геополитике расширения”, т.е. продвижения глобализации, западных ценностей и гегемонии США, Средиземное море и прилегающие регионы рассматриваются как ось “неинтегрирующегося разрыва”. Имеется в виду особая геополитическая зона, характеризующаяся перманентной конфликтностью и “требующая” вмешательства Пентагона [Barnett 2005]. Для критической геополитики характерна деконструкция практик и дискурсов о БС, претендующих на привилегированность в описании и освоении макрорегиона — англосаксонского, американского, евросредиземноморского [О’Тоал 2009: 197]. С эволюционным подходом критическую геополитику роднит “таксономия” геополитических порядков и дискурсов Дж. Эгню и С. Корбриджа [Agnew, Corbridge 1995]. Эти авторы выделяют, в частности, историческую последовательность геополитических дискурсов — цивилизационный, натуралистический, идеологический и дискурс геополитики расширения, характерный для транснационального либерализма. При этом изучению БС и оптимальных стратегий его развития наиболее органична позиция, что “традиционным дихотомиям натуралистической геополитики (Хартленд — Римленд, океанические державы — континентальные) противостоит ноосферная политология, исследующая взаимосвязь территориальной динамики и идейной эволюции человечества в различных регионах планеты, мире в целом)” [Ильин, Панарин, Ахиезер 1996: 294].

Методологически в эволюционном исследовании доминирует исторический подход, однако в данном случае требуются уточнения. Привычные исторические нарративы истории Средиземноморья концентрируют внимание на уровне особей, т.е. соперничающих “государств и государей”. В этом отношении эволюционная история Средиземноморья — это попытка выйти на другой временной масштаб — биологическое, антропологическое, геологическое и планетарное время, перейти на уровень сравнения как минимум подвидов форм политической организации и их стратегий. Компаративистика является главным инструментом эволюционного исследования, органичным и для политической науки. В данном случае, в отличие от плоских сравнительных исследований, когда в нашей таксономии сравниваются особи, акцент делается на сравнении форм, т.е. условно не на по-

литики России и Турции в БС, а на различные постимперские виды (формы) стратегирования, и не ЕС и ИГИЛ (запрещено в России), а различных поколений политических стратегий — соответственно постгосударственных и этнических квазицивилизационных.

Наконец, весьма продуктивным в синхронном и диахронном исследовании представляется “атласный” подход — последовательное наложение ряда исторических и современных карт, создающее образ целостного объекта [Нечаев 2019; Тикунов и др. 2020]. Едва ли при построении атласа БС продуктивно полное следование сегодняшним принципам построения атласов — вызовом здесь является необходимость отразить многослойную и многовекторную структуру политического развития региона, создать четырехмерную модель БС с “небоскребами” крупнейших городов, прочными “плато” состоятельных государств, очагами духовных центров и университетов, “ямами” несостоявшейся государственности, “черными дырами” хронических конфликтов, “разломами” сепессионистских проектов и др. и при этом показать хронополитическую логику их возникновения и развития [Столетов и др. 2019b].

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Средиземноморский регион претерпевает масштабные международно-политические трансформации. Они связаны, во-первых, с “возвращением” России в регион после воссоединения с ней Крыма и Севастополя. Вовлечение нашей страны в сирийский конфликт, предполагаемое влияние на политические события в Ливии, Черногории и Каталонии сделали ее одним из ключевых субъектов международной и транснациональной политики в макрорегионе. Влияние Российской Федерации растет на фоне сокращения присутствия США в рассматриваемом международно-политическом пространстве из-за неоизоляционистских тенденций во внешней политике Соединенных Штатов и их относительно неудачного опыта вмешательства в североафриканские и ближневосточные конфликты. При этом точно США продолжают оказывать в целом дестабилизирующее влияние на макрорегион, прежде всего поддерживая достаточно провокационную политику Израиля (в частности, признав Иерусалим его столицей).

Стагнирует евросредиземноморский проект — на фоне внутренних противоречий в ЕС и нарастающего раскола европейских и традиционных исламских ценностей. Интересен факт, что штаб-квартира Союза для Средиземноморья, призванного интегрировать Евросоюз и средиземноморские государства, находится в Барселоне — столице Каталонии, стремящейся к отделению от Испании. Изменяется и средиземноморская политика других региональных и внерегиональных держав. Китайский проект “Нового шелкового пути” может существенно повлиять на геоэкономические и геополитические процессы в Средиземноморье [Столетов и др. 2019a].

Крайне амбициозна и во многих отношениях успешна политика Турции. В пространственном, геополитическом отношении наиболее значимо закрепление Турции в прикаспийском регионе, что означает очередной эпизод масштабирования средиземноморского региона. Польша продвигает проект “Междуморья” — интеграционного объединения государств, которое соединит Балтийское море с Черным и Средиземным [Gorka 2018]. Государства Восточного Средиземноморья (Греция, Кипр, Ливан, Израиль) сближаются для создания противовеса Турции и освоения найденных в Восточном Средиземноморье месторождений газа. На

этом фоне ведутся споры о разграничении средиземноморских вод. Одновременно во многих субрегионах Средиземноморья продолжаются конфликты или острые политические кризисы. Помимо Каталонии, серьезные политические противоречия в последние годы возникают во Франции, причем скандал вокруг высказываний президента Франции Э. Макрона относительно ислама имеет макрорегиональный резонанс. Обострилась напряженность в отношениях Греции и Турции, продолжается конфликт на Юго-Востоке Украины, сохраняются сепаратистские тенденции в Грузии, войны ведутся в Сирии и Ливии.

В этой комплексной проблематике можно выделить ряд проблемных полей, или предметных срезов.

В изучении политических институтов ключевое внимание необходимо уделить средиземноморской государственности: при всем разнообразии суверенное государство в регионе БС находится в кризисе, причем это касается не только неустойчивых государств Северной Африки и Ближнего Востока. Практически все южноевропейские государства испытывают угрозы суверенитету и территориальной целостности.

Хрестоматийным в плане государственной несостоятельности является афро-сахаро-арабийский пояс периферийного Средиземноморья, включающий Йемен, Сомали, Судан и другие *failed states*. Базовыми объяснительными переменными здесь выступают гибридизация и внешняя дестабилизация. Все средиземноморские политии — достаточно поздние и сложносоставные образования, сформировавшиеся под активным внешним влиянием (иногда это влияние было внутренним для региона, но внешним для той или иной страны — как в случае с политикой Франции в отношении бывших африканских колоний). На государства БС продолжает оказываться разностороннее влияние со стороны мировых (США, ЕС, России) и региональных (Турции, Ирана и др.) сил. Сочетание внутренней неустойчивости и активного внешнего влияния приводят к конфликтам в Каталонии, Йемене, Сирии, ДНР/ЛНР и т.д. Своего рода средоточием проблемной государственности с максимальной искусственностью и гибридностью при самом плотном внешнем прессинге является палестино-израильский конфликт. Этот предметный срез наиболее удачно отражает структуру Средиземноморья в качестве объекта, включенного в глобальную систему связей, эволюционно сложного и полиструктурного. Как объект кросс-регионального сравнения Средиземноморье может быть соотнесено с Карибским бассейном или Южно-Китайским морем, по крайней мере когда СССР выступал там активным внешним игроком.

Еще один институциональный предметный срез — это структуры европейской интеграции. Они, несомненно, имеют средиземноморскую природу. Барселонский процесс, Союз для Средиземноморья, инициативы Франции и Италии превращают Средиземноморье в связную конструкцию, которая, однако, остается незавершенной с востока — главным образом из-за особой позиции России, а теперь и Турции. На фоне кризисов ЕС по “северо-западной диагонали” (Брекзит, волнения во Франции, каталонский референдум), жесткого столкновения с Россией и внутренних споров (Польша, Венгрия) по поводу евроассоциации Украины намечаются процессы дезинтеграции, сравнимые со сбоями начала 2000-х (непринятие конституции ЕС в Великобритании и Нидерландах), но более глубокие. Евросредиземноморский союз вошел в фазу стагнации еще раньше, в период мирового финансово-экономического кризиса и особенно после событий Арабской весны. Налицо диалектика интеграции и дезинтеграции, в качестве причины

которой можно выделить сложность интеграции при кажущейся благоприятности условий, а также амбивалентность и неустойчивость интеграционных институтов. Аналогичным образом проявляет себя “Средиземноморское измерение ОБСЕ” — с одной стороны, на южном направлении оно соответствует интересам России, а на Юго-Востоке Украины вступает с ними в прямое противоречие.

Средиземноморье представляет собой проблемную зону для международного права, причем макрорегион как будто притягивает наиболее вопиющие случаи его нарушения: Югославия-1999, Ирак-2004, Косово-2008, Ливия-2011 и др. Новейшая история региона изобилует примерами подмены международного права актами организаций неуниверсального характера — ЕС, НАТО, а также отдельных стран. Причину можно усмотреть в ограниченной инклюзивности ЕС и НАТО, которые до сих пор направлены на сдерживание и отбрасывание России и ведущих ближневосточных государств. США ставят задачу преимущественного контроля над ресурсами региона и поддержания ключевой роли в системе безопасности Средиземноморья (причем в логике дилеммы безопасности называют это ответом на усиление исламских государств и России). В глубоком кризисе по сходным причинам находятся Совет Европы и его система регулирования.

Средиземноморские политические процессы также имеют свою специфику. Прежде всего, Средиземноморье в течение последнего полувека выступало зоной политического транзита, причем за исключением нескольких ближневосточных и аравийских монархий политические переходы разной степени радикальности и глубины пережили практически все три десятка государств средиземноморского бассейна. В этом процессе можно выделить несколько фаз: южноевропейскую (демократизация Греции, Испании и Португалии, 1970-е), восточноевропейскую (постсоветские политические транзиты, рубеж 1980-1990-х), юго-восточную (цветные революции в Югославии, Украине, Грузии, конец XX — начало XXI в.), арабскую (начало второй декады XX в., Магриб и часть Ближнего Востока) и, наконец, “русскую”, или “крымскую” (с 2014). Можно “закольцевать” композицию средиземноморских транзитов ровно пятьюдесятью годами — от Парижской весны до “желтых жилетов” (1968-2018), хотя ни в том, ни в другом случае собственно транзита не произошло, как и в результате волнений (2013) и попытки государственного переворота (2016) в Турции.

Гипотетические причины — хрупкость и гибридность государств плюс внешние влияния. Интенсивная коммуникация, цивилизационная иррадиация и историческая восприимчивость к ним средиземноморских народов — вот корни транзитов, при всем их многообразии. Позволим себе игру слов: транзитность Средиземноморья как коммуникационного хаба “проводит” волны транзитов политических и порождает заинтересованность внешних акторов в нестабильности — в этом случае из региона легче извлекать и выводить ресурсы.

Еще одна сущностная черта средиземноморских процессов — конфликтность, которая может рассматриваться как следствие многократного и многослойного наложения исторических и современных политических интересов акторов, окружавших и окружающих Средиземное море. *Differentia specifica* средиземноморских конфликтов является их гибридность, обусловленная многократно упоминавшейся эволюционной природой политий, окружающих данный бассейн. Это определяет и гибридизацию: субъекта войны — от почти имперсональных дронов и распределенных систем управления ими до прототеррористов-ассасинов; инструмента войны — от холодного оружия до оружия “на новых физических принципах”, объекта

войны — как неопределенного результата в виде “гибридного мира”, отсутствия победителей и проигравших.

Принято считать, что в регионе возник первый конфликт гибридного типа — палестино-израильский. Американские конфликтологи часто называют гибридными грузино-югоосетинский конфликт 2008 г. и события “русской весны” на территории Крыма, Севастополя, ДНР и ЛНР. На сегодняшний день любые региональные конфликты (в Сирии, Ливии, Йемене) можно рассматривать как гибридные. Как объект “гибридных угроз со стороны России” рассматриваются Балканы и даже Франция (президент Э. Макрон обвинял Россию в поддержке “желтых жилетов”). Впрочем, “гибридную угрозу России” некоторые усматривают во всех европейских странах, да и в других частях света. Тем не менее можно признать, что БС обладает особыми условиями для гибридизации конфликтов и угроз, “сверхпроводимостью” по отношению к ним и эмпирически большинство конфликтов нового типа наблюдается именно в Средиземноморье.

Наверное, важнейшим “регионообразующим” процессом БС является миграция, причем ее необходимо рассматривать не только как социальный, но прежде всего как политический процесс. Очевидно, что проблема не столько в перемещении какого-то количества людей из Африки и Ближнего Востока в Южную Европу, сколько в том, что оно может существенно изменить политические системы и культуры европейских государств. Именно это делает миграцию центральной средиземноморской проблемой. Кроме магистрального пути миграций, упомянутого выше, существуют потоки из Юго-Восточной Европы (а теперь и из Украины) в Западную, а также слабоизученный миграционный поток из материковой России в Крым и прежде всего Севастополь.

Исторически очевидны предпосылки современных миграций в наше-ствии народов моря и других процессов переселения народов, для которых Средиземноморье очевидно также обладает сверхпроводимостью. Особенность современных миграционных процессов в БС в том, что либо интеграция мигрантов в европейские системы, либо создание сдерживающей или эффективно регулирующей миграцию инфраструктуры породит совершенно новые политики, так или иначе регулирующие глобализационные диспропорции. Однако время, которое для этого потребуется, должно соотноситься не с конъюнктурной шкалой десятилетий и даже столетий.

Отдельно необходимо сказать о классе международных процессов, характеризующих БС. Изложенные выше наблюдения указывают на кризис межгосударственного регулирования средиземноморской подсистемы международных отношений. Ситуация парадоксальна, так как макрорегион непосредственно примыкает к западноевропейскому ядру формирования Вестфальской системы. С этой точки зрения опасения Платона, что слишком приближенное к морю государство подвержено риску падения нравов и разрушения, может быть дополнено рациональными доводами, раскрывающими международно-политическую природу средиземноморских систем.

В анархической логике войны всех против всех Средиземноморье представляет собой наиболее жестокую арену, так как ставки в войне тем выше, чем ценнее ресурсы. Островное или полуостровное положение дает “прибавочную безопасность”, позволяющую наращивать силы. Такого рода “Колизей” средиземноморских международных отношений создает систему абсолютной анархии, в которой каждый участник имеет постоянное искушение нарушить баланс сил и получить

решающее преимущество (типа контроля проливов, мест добычи и доставки углеводородов, точек пуска ракет). Империя как антитеза абсолютной анархии возникает именно как попытка получения такого эксклюзивного контроля. В результате средиземноморские системы не благоприятствуют созданию баланса сил и “зрелой анархии” — они осциллируют между крайностями макроконфликта и имперского порядка. Причем в силу связанности БС с глобальным океаническим пространством и модельностью БС для него эта закономерность начинает действовать на уровне “мировой политики”, в отличие от “международных отношений”. Иллюстративна в этом плане новейшая история, когда действия России в Крыму и Севастополе в 2014 г., а затем в Сирии начиная с 2015 г., нарушили однополярное доминирование США, но это на региональном уровне привело не к балансу сил, а к длящемуся более трех лет сирийскому конфликту.

Таким образом, изучение БС как многомерного объекта политических исследований дает следующие эвристические возможности. Во-первых, выделяется новый (макро)регион, имеющий наиболее глубокий опыт политического развития и многостороннего взаимодействия, причем “большой” пространственный и временной масштаб позволяет учесть не только отдельные политические традиции (новоевропейскую, христианскую, античную, исламскую, восточную, евразийскую), но их взаимодействие; это значимо не только для ретроспективного исследования политического развития, но и для изучения актуальных и перспективных форм сочетания политических культур и взаимодействия политических систем, например, в условиях сегодняшней миграции в Европу из Северной Африки, с Ближнего Востока, из Причерноморья. Во-вторых, новизна достигается за счет изменения пространственного и временного масштаба. Регион традиционно анализируется с точки зрения того или иного доминирующего геополитического проекта. В последнее время такими проектами были евросредиземноморский или евроатлантический, раньше — англосаксонский. Преодоление этих ограничений, а также предметных рамок традиционных региональных исследований (Южная Европа, Ближний Восток, Северная Африка, постсоветское Причерноморье) позволяет получить новое знание относительно общего и особого в циркумсредиземноморских процессах, более всего перспективен здесь сравнительный анализ политических транзитов, конфликтов, миграций, хрупкости государственных институтов.

Благодаря исследованию политических процессов в “рамке” и контексте БС: (1) выделяется кластер взаимосвязанных политических проблем регионального развития; (2) расширяется понимание геополитического значения региона как центрального для евразийско-атлантической системы связей; (3) преодолеваются политические и региональные уклоны в форматировании и структурировании средиземноморского пространства; (4) проблематизируется понятие региона срединного моря как геополитического пространства с особыми международно-политическими свойствами, ставится вопрос сравнимости с другими средиземноморьями, включая океанические пространства и глобализирующийся мир в целом; (5) регион рассматривается как лаборатория культурных, цивилизационных и политических синтезов, потенциальная крупнейшая коллекция опытов синтеза политических систем и культур; (6) появляется возможность увидеть фронтиры продвижения интеграционных процессов, полигоны тестирования новых форм конфликтов и стратегий их разрешения.

На этой основе БС разворачивается как многомерный объект политического исследования, имеющий ряд “регионообразующих” предметных срезов, за

каждым из которых стоит отдельная исследовательская повестка. Его изучение представляет собой проект класса *Megascience*, интеллектуальный вызов, ответ на который может стать определяющим для глобального развития и возрастания мировой роли России.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.09

THE GREAT MEDITERRANEAN AS A MULTI-DIMENSIONAL OBJECT OF POLITICAL RESEARCH

I.A. Chikharev¹

¹ Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

CHIKHAREV, Ivan Aleksandrovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor of the Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow University, email: ichikharev@yandex.ru

Chikharev I.A. The Great Mediterranean as a Multi-Dimensional Object of Political Research. — Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 129-146. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>

Received: 04.03.2019. Accepted: 23.12.2020

Abstract. The article is a presentation of the research program for the study of political processes in the greater Mediterranean region; the scientific and practical reasons for actualizing the problems of political development within the macroregion are demonstrated. Special attention is paid to political evolution in the region, including its transformations and transitions, which have recently put it at the top of the global political agenda. A review of the study of the Mediterranean in the history of socio-political thought and in modern political science is provided. It is proposed that the Greater Mediterranean should be conceptualized as 1) modern States of the Mediterranean, Black, and Azov seas; 2) regions including these States; 3) regions described by the contours of empires and civilizations which had access to the Mediterranean and influenced its development; 4) the middle regions, functionally similar to the Mediterranean; and 5) the scope of multilateral global communications, including the Mediterranean or being correlated with it. This design determines the direction of comparative studies: 1) the manifestation of Mediterranean trends in individual countries and subregions of the “basin”; 2) a comparison of the political dynamics of the Mediterranean with other regions; 3) a comparison of mediterraneans; 4) a correlation of trends in the political development of the Mediterranean and mediterraneans with global trends. Thus, the Great Mediterranean is presented in the article as a subject of political research across a the long historical timeline and in the macroregional spatial “unfolding”. It is interpreted as a macroregion — an ecosystem in which, due to its resource and civilizational attractiveness, geopolitical strategies compete and evolve most intensively. This conceptualization helps to reveal a cluster of interrelated problems of political development within the region (transits, migrations, hybrid conflicts, secessions, fragility of states, international legal dysfunctions), and to form a relevant framework for their study.

Keywords: Greater Mediterranean, political processes, geopolitics, political space and time, research program.

References

- Abulafia D. 2011. *The Great Sea: A Human History of the Mediterranean*. Oxford: Penguin Books Ltd. 958 p.
- Abulafia D. 2005. *Mediterraneans. — Rethinking the Mediterranean*. Oxford: Oxford University Press. P. 64-91.
- Agnew J., Corbridge S. 1995. *Mastering Space — Hegemony, Territory and International Political Economy*. London: Routledge. 402 p.
- Barnett T. 2005. *The Pentagon's New Map: War and Peace in the Twenty-First Century*. New York: Berkeley. 460 p.
- Gorka M. 2018. The Three Seas Initiative as a Political Challenge for the Countries of Central and Eastern Europe. — *Politics in Central Europe*. Vol.14. No. 3. P. 55-73.
- Haas P. 1989. Do Regimes Matter? Epistemic Communities and Mediterranean Pollution Control. — *International Organization*. Vol. 43. No. 3. P. 377-403. <https://doi.org/10.1017/s0020818300032975>
- Horden P., Purcell N. 2000. *Corrupting Sea*. London: Blackwell. 761 p.
- Mackinder H. 1943. The Round World and the Winning of Peace. — *Foreign Affairs*. July. P. 595-605.

- Petri R. 2016. The Mediterranean Metaphor in Early Geopolitical Writings. — *History*. Vol. 101. No. 348. P. 671-691. <https://doi.org/10.1111/1468-229x.12326>
- Routledge Handbook on Mediterranean Politics. 2017. Ed. by R. Gillespie, F. Volpi. London: Routledge. 432 p.
- Ratzel F. 1897. Studies in Political Areas. The Political Territory in Relation to Earth and Continent. — *American Journal of Sociology*. Vol. 3. No. 3. P. 297-313. <https://doi.org/10.1086/210709>
- Ratzel F. 1911. Das Meer als Quelle der Völkergrösse: eine politisch-geographische Studie. Berlin: Boston Oldenbourg Wissenschaftsverlag. 101 S. <https://doi.org/10.1515/9783486739077>
- Asherson N. 2020. The Black Sea. (Russ. ed.: Asherson N. *Chornoye more*. Moscow: AST: CORPUS. 480 p.).
- Braudel F. 2002. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II. (Russ. ed.: Braudel F. *Sredizemnomorye i sredizemnomorskiy mir vo vremena Filippa II*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 496 p.).
- Ilyin M.V. 2020. *Vvodnyi ocherk dlya Bol'shogo Sredizemnomor'ya* [An Introductory Essay for the Greater Mediterranean]. (In Russ.) <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22076.18569>
- Ilyin V.V., Panarin A.S., Akhiyezer A.S. 1995. Reformy i kontrreformy v Rossii. [Reforms and counterreforms in Russia]. Moscow: MSU. 399 p. (In Russ.)
- Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. 2012. Globalnyi evolyutsionizm: idei, problemy, gipotezy [Global Evolutionary Approach: Ideas, Problems, Hypotheses]. Moscow: MSU. 616 p. (In Russ.)
- Ilyin I.V., Ursul A.D., Ursul T.A. 2014. Evolyutsionnyi podkhod v globalistike [Evolutionary Approach in Global Studies]. — *Moscow University Bulletin. Series 27. Global Studies and Geopolitics*. No. 3/4. P. 4-17. (In Russ.)
- Modelski G. 2005a. The Evolution of Global Politics. — *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 62-82. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10>
- Modelski G. 2005b. The Evolution of Global Politics. — *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 124-142. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10>
- Nechaev V.D., Chikharev I.A., A.A. Irkhin, Makovskaya D.V. 2019. Framework of the Geostrategic Atlas of the Greater Mediterranean. — *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya*. No. 1. P. 67-74. (In Russ.)
- Nikitin M.J., Baraboshkina T.A., Baraboshkin E.J., Kuznetsova A.V. 2017. Crimea Mountains Area's Natural Resources and Transportation Networks. — *Vestnik Moskovskogo obshchestva ispytateley priridy. Otdel nauk o Zemlye*. P. 49-56 (In Russ.)
- Phillippson A. 1911. Das Mittelmeergebiet (Russ. ed.: Phillippson A. *Sredizemye*. Moscow: Zhurnal "Zemlevedenie").
- Politicheskaya globalistika: naprevleniya issledovaniy v usloviyakh globalnoy neopredelennosti [Global Political Studies: Research Areas at the Age of Global Uncertainty]. 2020. Ed. by A.I. Kostin. Moscow: MSU. 299 p. (In Russ.)
- Reteyum A. 2020. Vernone's Latitude in Nature and Society. — *Regnum*. <https://regnum.ru/news/innovatio/3094541.html> (accessed 31.03.2021).
- Stoletov O.V., Chikharev I.A., Moskalenko O.A., Makovskaya D.V. 2019a. Geoinformation Support of the Mediterranean Branch of the Silk Road. — *InterCarto. InterGIS. GI Support of Sustainable Development of Territories: Proceedings of the International Conference*. Moscow: Moscow University Press. Vol. 25. Part 1. P. 102-113. (In Russ.) <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113>
- Stoletov O.V., Chikharev I.A., Moskalenko O.A., Makovskaya D.V. 2019b. Geopolitical Foundations of the Project "Geostrategic Atlas of the Great Mediterranean". — *InterCarto. InterGIS. GI Support of Sustainable Development of Territories: Proceedings of the International Conference*. Moscow: Moscow University Press,. V. 25. Part 1. P. 163-178. (In Russ.) <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-163-178>
- Tikunov V.S., Chikharev I.A., Panin A.N., Rylskiy I.A. 2019. Atlas Informatic System "Geopolitical Situation in the Greater Mediterranean": Principles of Construction and Methods of Spatial Analysis. — *Science, Innovations, Technologies*. P. 107-114. (In Russ.)
- Tuathail G.Ó. 2009. Postmodern Geopolitics? The Modern Geopolitical Imagination and Beyond. — *Political Science (RU)*. No. 1. P.188-214.
- Voskressenskiy A.D. 2013. World Regional Studies and the Prospects of Non-Western (Sinocized) International Relations (IR) Theory. — *Polis. Political Studies*. No. 6. P. 82-96. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Ашерсон Н. 2017. *Черное море. Колыбель цивилизации и варварства*. М.: АСТ; CORPUS. 480 с.
- Бродель Ф. 2002. *Средиземноморье и средиземноморский мир во времена Филиппа II*. М.: Языки славянской культуры. 496 с.
- Воскресенский А.Д. 2013. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений. — *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 82-96.

Ильин М.В. 2020. *Вводный очерк для Большого Средиземноморья*. Препринт. <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.22076.18569>

Ильин В.В., Панарин А.С., Ахизер А.С. 1995. *Реформы и контрреформы в России*. М.: Издательство МГУ. 399 с.

Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. 2012. *Глобальный эволюционизм: идеи, проблемы, гипотезы*. М.: Издательство МГУ. 616 с.

Ильин И.В., Урсул А.Д., Урсул Т.А. 2014. Эволюционный подход в глобальных исследованиях. — *Вестник МГУ. Сер. 27. Глобалистика и геополитика*. № 3/4. С. 4-17.

Модельски Дж. 2005а. Эволюция глобальной политики. — *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 62-82. <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10>

Модельски Дж. 2005b. Эволюция глобальной политики. — *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 124-142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2005.04.10>

Нечаев В.Д., Чихарев И.А., Ирхин А.А., Маковская Д.В. 2019. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья. — *Вестник МГУ. Серия 5. География*. № 1. С. 67-74.

Никитин М.Ю., Барабошкина Т.А., Барабошкин Е.Ю., Кузнецова А.В. 2017. Природно-ресурсный потенциал и транспортная сеть Горного Крыма (от античности до XXI века). — *Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический*. Т. 92. Вып. 6. С. 49-56.

О’Тоал Дж. 2009. Геополитика постмодерна? Современные геополитические представления и за их пределами. — *Политическая наука*. № 1. С.188-214.

Политическая глобалистика: направления исследований в условиях глобальной неопределенности. 2020. Под. ред. А.И. Костина. М.: МГУ. 299 с.

Ретеюм А. 2020. Параллель Верноне в природе и обществе. — *Regnum*. URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/3094541.html> (accessed 31.03.2021).

Тикунов В.С., Чихарев И.А., Панин А.Н., Рыльский И.А. 2019. Атласная информационная система “Геополитическая ситуация в большом Средиземноморье: принципы создания и технология пространственного анализа”. — *Наука, инновации, технологии*. № 3. С. 107-114.

Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В. 2019а. Геоинформационное сопровождение средиземноморской ветви Шелкового пути. — *Материалы Международной конференции “ИнтерКарто. ИнтерГИС”*. Т. 25. № 1. С. 102-113. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-102-113>

Столетов О.В., Чихарев И.А., Москаленко О.А., Маковская Д.В. 2019b. Геополитические основания исследовательского проекта “Геостратегический атлас Большого Средиземноморья”. — *Материалы Международной конференции “ИнтерКарто. ИнтерГИС”*. Т. 25. № 1. С. 163-178. <https://doi.org/10.35595/2414-9179-2019-1-25-163-178>

Филиппсон А. 1911. *Средиземье (Область Средиземного моря). Его географическая и культурная характеристика*. М.: Журнал “Землеведение”. 270 с.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.10

ЛОГИКА ПРОТЕСТНЫХ КАМПАНИЙ: ОТ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ К ДИНАМИЧЕСКИМ МОДЕЛЯМ (И ОБРАТНО)

А.С. Ахременко, В.Е. Беленков, А.П. Петров

АХРЕМЕНКО Андрей Сергеевич, доктор политических наук, профессор, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: aakhremenko@hse.ru; **БЕЛЕНКОВ Вадим Евгеньевич**, аспирант, Аспирантская школа по политическим наукам, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: vadim.belenkov@gmail.com; **ПЕТРОВ Александр Пхоун Чжо**, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, Москва, email: petrov.alexander.p@yandex.ru

Ахременко А.С., Беленков В.Е., Петров А.П. Логика протестных кампаний: от эмпирических данных к динамическим моделям (и обратно). — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 147-165. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.10>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00274), Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”.

Мы выражаем особую благодарность аспиранту Аспирантской школы по политическим наукам Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” С.А. Жеглову за помощь в анализе научной литературы и баз данных, а также в реализации численной модели, представленной в статье, на языке программирования Python.

Статья поступила в редакцию: 08.11.2020. Принята к публикации: 15.02.2021

Аннотация. Значимые политические протесты представляют собой протяженные во времени кампании, включающие множество взаимосвязанных действий протестующих и властей. Между тем используемые в настоящее время для их изучения статистические методы и базы данных более приспособлены для анализа разовых событий, не связанных друг с другом во времени. В статье на обширном материале конкретных исследований рассматриваются две характерных черты такого подхода — феномен “избыточного агрегирования” и проблема “независимых событий”. В первом случае все характеристики протестных эпизодов усредняются по кампаниям в целом либо по годам или месяцам. Во втором случае исследователи формируют выборку из таких эпизодов в том предположении, что они никак не связаны между собой. И то, и другое приводит к игнорированию внутренней динамики протестных кампаний и не позволяет учесть целый ряд их важных особенностей. Среди них — характер информационной асимметрии между протестующими и представителями властей, опора в принятии решений на информацию о предшествующих этапах (прежде всего, об уровне их массовости), системные эффекты “каскадов” и “пороговых точек” в развитии протестного движения, а также эффекты обучения. Для преодоления указанных методологических проблем мы предлагаем математическую агентно-ориентированную модель, в которой множество потенциальных участников протеста представляется как социальная сеть, а индивиды принимают решения об участии в протестной акции с учетом предшествующих событий. Этот подход рассматривает протестную кампанию как динамически связанную и позволяет формулировать эмпирически проверяемые гипотезы, подкрепляемые результатами модельного эксперимента.

Ключевые слова: протестная кампания, политический протест, количественный анализ протестных кампаний, базы данных по протестам, математическое моделирование, агентно-ориентированная модель.

ВВЕДЕНИЕ

Современные масштабные кампании политического протеста¹, нацеленные на системное переустройство государственного порядка, обладают, по меньшей мере, двумя свойствами. Во-первых, в подавляющем большинстве случаев это длительные процессы, обычно занимающие в своей активной фазе несколько месяцев. Так, от полутора до трех месяцев длились “оранжевая” революция (2004-2005) и Евромайдан (2013-2014) на Украине, “революция роз” (2003-2004) в Грузии, “тюльпановая” (2005) и “дынная” (2010) революции в Киргизии, “революция кедров” (2005) в Ливане, “шафрановая” революция (2007) в Мьянме. Более полугодя продолжались “хризантемовая” революция в Молдавии (2015-2016) и Революция зонтиков (2014-2015) в Гонконге. В Венесуэле широкая волна протестов вообще имеет лишь выраженное начало (январь 2019), тогда как ее окончание трудно датировать.

Во-вторых, все они включают множество различных взаимосвязанных событий и действий как со стороны протестующих — в спектре от флешмобов в социальных медиа до штурма административных зданий, так и со стороны органов власти — в диапазоне от добровольных отставок до применения боевого оружия воинскими частями. При этом и “протестующие”, и “власти” зачастую состоят из различных групп с нередко кардинально различающимися стратегиями воздействия на оппонентов.

В статье мы покажем, что эти тривиальные наблюдения парадоксальным образом не нашли адекватного отражения в современной “мейнстримной” методологии исследования протестных кампаний. Мы сосредоточимся на методологии эмпирических исследований как на внутренне согласованной совокупности эмпирических данных, методов и моделей анализа. В статье не будет рассматриваться огромный корпус теорий “состязательной политики” (*contentious politics*), коллективного действия или массовых социальных движений. Отметим, что существующий теоретический багаж ни на уровне “больших теорий” (от относительной депривации [Gurr 1970; Buechler 2004] до подхода *Dynamics of Contention* [McAdam, Tarrow, Tilly 2001]), ни на уровне теоретических интерпретаций отдельных факторов² не предопределяет тех методологических проблем, о которых пойдет речь ниже. Также отметим, что в работе мы рассмотрим количественные исследования протестных кампаний, претендующие (по сравнению с большинством кейс-стади) на высокий уровень обобщения результатов.

В самом общем виде ключевая проблема нашей работы сформулирована так: исследователи склонны *игнорировать внутреннюю динамику протестных кампаний*. Наиболее характерное проявление — феномен “избыточного агрегирования”, когда все характеристики протестных событий усредняются по кампании в целом либо по годам или месяцам для каждой страны в выборке. Единицы анализа (наблюдения) “кампания”, “кампания — год”, “страна — год” (*country — year*) и “страна — месяц” по-прежнему активно используются в базах данных протестной активности и в эмпирических исследованиях. При избыточном агрегировании не учитывается,

¹ Под протестными кампаниями мы понимаем совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных протестных мероприятий, имеющих одинаковый набор требований и целей и направленных против действующих властей и/или их политического курса.

² Например, характер социальных связей [Butcher, Svensson 2014], насильственный потенциал государства [Slantchev, Matush 2020], “ресурсное проклятие” [Girod, Stewart, Walters 2016], история протеста [Braithwaite, Braithwaite, Kucik 2015], раскол в элитах [Pierskalla 2010] и многое другое.

что “протестная кампания” подразумевает протяженный во времени процесс. Невозможно исследовать, например, эскалацию насилия в рамках кампании, если уровень насилия в многомесячном протестном движении описывается одним числом.

Но даже в тех случаях, когда база данных построена на основе отдельных протестных событий³ по дням, возникает *проблема “независимых событий”*. Например, исследуются реакции протестующих на репрессии⁴ против них. В рамках одной протестной кампании эпизодов ответа на них, как правило, несколько. В большинстве случаев исследователи формируют выборку из таких эпизодов в том предположении, что они никак не связаны между собой.

Тот факт, что одно событие в протестной кампании происходит раньше другого, имеет фундаментальное значение. Во-первых, разные стадии кампании различаются характером информационной асимметрии между протестующими и представителями властей [Shadmehr 2014; Lohmann 1994]. Так, на ранней стадии участники протеста еще плохо осознают свои ресурсы, потенциальных союзников среди представителей элиты, эффективность горизонтальной координации действий, издержки участия в протестных акциях и др. Но развитие кампании, которое в этом ракурсе представляет собой процесс *обучения (learning)*, сглаживает информационную асимметрию, и в конце концов перевес может оказаться на стороне протестующих.

Во-вторых, решения об участии в протестных акциях принимаются очень многими с опорой на информацию о предыдущих уровнях их массовости. Это легко объяснить даже в рациональной парадигме: чем выше предполагаемая численность протестующих, тем ниже вероятность стать жертвой возможного насилия со стороны властей. Этот механизм порождает характерные для многих протестных кампаний динамические по своей природе феномены “протестных каскадов”, когда на каждом следующем шаге к протесту присоединяются те, кто не был готов пойти на такой шаг при меньшей массовости движения. Он был показан еще в ставших классическими работах М. Грановеттера и Т. Курана [Granovetter 1978; Kuran 1989] и активно разрабатывается в современных исследованиях [Hussain, Howard 2013; Akhremenko, Yureskul, Petrov 2019]. Изучение “каскадов протеста” имеет смысл только при учете фактора времени.

Игнорирование динамики почти автоматически приводит к исчезновению из поля зрения исследователя всех эффектов, характерных для поведения сложных систем. В частности, это разного рода “критические точки” (*tipping points*), когда по достижении некоторым параметром определенного порогового значения (например, числа протестующих) поведение системы качественно меняется [Centola et al. 2018].

В-третьих, действия акторов могут иметь как немедленный, так и отсроченный эффект. Те же репрессивные действия властей могут подавлять протест в первую неделю и порождать усиленную реакцию спустя месяц [Rasler 1996]. Насилие со стороны протестующих стимулирует накапливающееся отторжение со стороны

³ Под протестным событием мы понимаем массовое публичное действие (уличное собрание в разных формах или забастовку), направленное против действующих властей и/или их политического курса.

⁴ Под репрессиями мы понимаем действия властей, нацеленные на повышение издержек (в форме лишения жизни, нанесения ущерба здоровью и/или материальному благосостоянию, лишения свободы или иного преследования) для конкретных людей и/или конкретных социальных групп за их предполагаемое участие в протестных событиях или иных действиях, направленных против властей.

умеренных групп граждан [Chenoweth, Belgioioso 2019]. Проблемы “переагрегирования” и “независимости событий” во времени порождают, как правило, и проблему избыточного объединения и “в пространстве” (на уровне конфликтующих акторов). Как среди протестующих [Rasler 2017], так и среди представителей власти [Demirel-Pegg 2017] есть различные группы с характерными стратегиями противостояния.

Наконец, при игнорировании внутренней динамики кампаний в полный рост встает проблема обоснования наличия каузальных связей, которой в современной политической науке уделяется особое внимание [Gerber, Green, Kaplan 2004].

Названные особенности протестных кампаний (динамическая взаимосвязь событий, взаимные реакции, иногда отсроченные, различных групп на действия друг друга по обе стороны конфликта, системные эффекты каскадов и пороговых точек, феномен обучения) имеют важнейшее значение для их адекватного анализа. Современное развитие протестных движений, когда все большую роль начинают играть коммуникации в социальных сетях, только усложняет ситуацию. На данный момент все это, по большому счету, выпадает из фокуса внимания количественных исследований уже на уровне подбора эмпирического материала. В следующем разделе мы детально разберем имеющиеся базы данных и характерные примеры эмпирических исследований.

С нашей точки зрения, для полноценного анализа динамики протестных кампаний требуется добавить одно звено между теориями и эмпирическими исследованиями — динамическую математическую (численную) модель. Мы предложим авторскую агентно-ориентированную модель, воспроизводящую многие из указанных выше черт динамики реальных протестных кампаний, а именно: а) изменения во времени, когда последующие события зависят от предыдущих; б) принятие индивидуальных решений об участии в протесте в зависимости от решений других агентов; в) неоднородность индивидов по степени исходной готовности к участию в протестных акциях; г) нюансированный механизм реакции на репрессии, которые порождают (как и в реальной жизни) противоположно направленные стимулы: к участию (за счет возмущения насильственными действиями властей) и к неучастию (рост рисков). Модель позволяет воспроизводить *динамические паттерны* (или сценарии) развития протеста, такие как названные выше протестные каскады, и выдвигать эмпирически проверяемые гипотезы об условиях их возникновения.

БАЗЫ ДАННЫХ И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящее время в эмпирических исследованиях, опубликованных в ведущих международных журналах и издательствах, используются такие единицы анализа, как протестные кампании в целом или протестные кампании в конкретном году [Chenoweth, Stephan 2011; Chenoweth, Lewis 2013], какой-либо промежуток времени, по которому агрегируются данные о протестных событиях [Carey 2010; Sullivan 2016; Bell, Murdie 2018; Carey 2006], отдельное событие (протестное событие, а также репрессии либо уступки со стороны властей) [Earl, Soule, McCarthy 2003; Davenport, Soule, Armstrong 2011; Salehyan et al. 2012] и событие — день [Francisco 2009]⁵. В работах о протестах и революциях, опубликованных в российских научных журналах, преобладают теоретические исследования без привлечения

⁵ Речь идет о базе данных Р. Франсиско *European Protest and Coercion Data*. См.: *European Protest and Coercion Data*. URL: <https://web.ku.edu/~ronfrand/data/> (accessed 07.11.2020).

эмпирических баз данных [Никифоров 2008; Розов 2017]. В немногочисленных публикациях, использующих количественный анализ, данные имеют исключительно пространственное измерение (только одно наблюдение по каждой стране). Это связано с тем, что в данных работах акцент сделан на изучение влияния структурных характеристик стран на исходный масштаб протестной мобилизации в конкретный период [Коротаев, Исаев, Васильев 2015], а не факторов, связанных с динамикой развития протестных кампаний.

К базам данных с кампанией (кампанией-годом) в качестве единицы анализа относятся две базы проекта *Nonviolent and Violent Campaign and Outcomes* (NAVCO): NAVCO 1.1 [Chenoweth, Stephan 2011] и NAVCO 2.0 [Chenoweth, Lewis 2013]. База NAVCO 1.1 использовалась ее авторами для проверки гипотезы о положительном влиянии ненасильственной стратегии протеста на его успешность [Chenoweth, Stephan 2011]. Э. Ченовет и М. Стефан проверили ее с помощью логистической регрессии и линейной регрессии с робастными стандартными ошибками и получили согласующиеся с ней результаты. Вместе с тем использованные ими данные имеют существенные недостатки, связанные с выбором кампании в качестве единицы анализа [Rasler 2017]. Они не дают возможности утверждать, что действительно есть причинно-следственные связи между ненасильственной стратегией протеста, численностью участников кампании и ее успешностью.

Это проявление более общей проблемы “переагрегирования”, когда каждой протестной кампании соответствует только одно наблюдение. В этом случае в принципе нельзя установить причинно-следственную связь между переменными, так как непонятен порядок событий внутри кампаний и неизвестна динамика изменения их значений в ее ходе. Например, при выборе кампании в качестве наблюдения трудно определить эффект количества участников протестов и их стратегий на их успешность. Хотя протестная кампания может достигнуть своих целей как в то время, когда количество участников было максимальным за всю кампанию, так и после снижения численности протестующих, агрегированные данные не позволят увидеть различий между такими ситуациями.

Также с помощью таких данных невозможно корректно проверить гипотезу о влиянии репрессий на изменение количества протестующих в ходе кампании. Если и уровень репрессий, и максимальное количество участников были высокими, то неясно, было ли оно достигнуто до или после их применения. Формат данных не позволяет отличить случаи, когда репрессии вызвали рост протестной активности, от случаев, когда они подавили протест или не оказали на его развитие существенного влияния.

Руководители проекта NAVCO попытались решить проблему выявления эффекта репрессий на протестную активность в базе NAVCO 2.0. Они включили переменную “*camp_backlash*”, которая отражает влияние репрессий на развитие протестной кампании [Chenoweth, Lewis 2013]. Вместе с тем включения этой переменной недостаточно для преодоления трудностей, вызванных “переагрегированием”. Репрессии могут применяться неоднократно в ходе кампании, и неизвестно, эффект каких конкретно репрессий отражен в названной переменной [Sutton, Butcher, Svensson 2014].

При использовании некоторого промежутка времени как единицы анализа за качество данных и их пригодность для исследования протестных кампаний зависят от выбранного периода агрегирования. Наибольшую остроту проблема “переагрегирования” приобретает, если каждое наблюдение соответствует году

для конкретной страны (как в исследовании [Carey 2010]). В этом случае теряется временной порядок событий, что не позволяет учесть эндогенную взаимосвязь между протестами в рамках одной кампании и реакцией властей на них. Кроме того, данные в формате “страна — год” обладают тем недостатком, что в одном наблюдении объединяют информацию о протестах с разными участниками и требованиями и о противодействии властей разнообразным по составу участников и характеру требований протестов.

В современных исследованиях протестов используются также такие периоды агрегирования, как месяц [Sullivan 2016; Johnson, Thyne 2018] и неделя [Rasler 1996; Bell, Murdie 2018; Grimm, Harders 2018]. Чем меньше промежуток времени, которому соответствует наблюдение, тем больше информации сохраняется о динамике развития кампании и реакции властей на нее. Тем не менее при использовании месяца в качестве периода агрегирования невозможно установить более краткосрочный эффект между протестами и реакцией властей на них. Недельный период выглядит более предпочтительно, особенно для такой переменной, как численность протестующих. Поскольку у людей больше возможностей для участия в протестах в нерабочие дни, разумно ожидать, что наибольшая численность участников протестных мероприятий будет достигаться в выходные. Однако это не обязательно так, особенно в случае организации палаточных городков или использования “вахтового метода”.

Большого уровня детализации дают возможность достичь данные о протестах за каждый день [Carey 2006]. Они позволяют учесть динамику развития протестов и реакции властей на них и дают больше возможностей для установления причинно-следственных связей. Но для данных, агрегированных и по дням, и по неделям, сохраняется проблема “смещения” разнообразных по требованиям и составу участников протестных событий и репрессий против разных протестных движений.

Именно это “смещение” возникло в исследовании взаимообусловленности протестов, репрессий и уступок (со стороны властей и со стороны протестующих) в шести латиноамериканских и трех африканских странах, проведенном С. Кэри. Она агрегировала по дням событийные данные *Intranational Political Interactions Project* [Davis, Leeds, Moore 1998], в которых действия правительства и других акторов упорядочены по шкалам конфликта и сотрудничества. В результате она выявила, что репрессии и протесты устойчивы во времени, что рост конфронтационности протестов приводит к росту жесткости репрессий, а рост жесткости репрессий — к росту конфронтационности протестов.

В этой связи неслучаен рост внимания к данным о событиях (*event-data*), предполагающих сбор детализированной информации по каждому протестному эпизоду [Earl, Soule, McCarthy 2003; Ives, Lewis 2019; Davenport, Soule, Armstrong 2011; Moore 1998; Salehyan et al. 2012; Nardulli, Althaus, Hayes 2015; Raleigh et al. 2010; Clark, Regan 2016; Francisco 2009]. Смысл такого подхода заключается в попытке избежать проблем, связанных с “переагрегированием”. Кроме того, он позволяет собрать информацию о составе участников протестных мероприятий, требованиях протестующих и о группах, по отношению к которым применяются репрессии.

Существующие событийные базы данных имеют ряд недостатков, связанных с недостаточно последовательным отказом от попыток агрегировать имеющуюся информацию. Так, в *The Social Conflict Analysis Database* (SCAD) одно событие может длиться десятилетиями, что лишает исследователей возможности проследить динамику его развития [Salehyan et al. 2012]. В *Mass Mobilization Protest Data* (MMPD), в свою очередь, максимальная длительность события превышает два года [Clark,

Regan 2016], а в базе данных *Dynamics of Collective Action* (DCA) максимальная длительность события равна 1 000 дней⁶.

В последние годы у исследователей возникает понимание, что для изучения протестных кампаний более пригодны базы, в которых данные представлены в формате “событие — день” [Chenoweth, Pinckney, Lewis 2018; Ives, Lewis 2019]. Так, Э. Ченовет вместе с коллегами фактически признала, что “кампания” и “кампания — год” как единицы анализа не позволяют увидеть динамику возникновения и развития протестной кампании и изменения реакции властей на нее. В созданной ими базе NAVCO 3.0 в формате “событие — день” представлена информация о протестных действиях (в том числе заявлениях) и реакции властей на них в 26 странах мира в период с 1991 по 2012 г. В ней содержатся данные о целях протестующих, их тактиках, характере репрессий или уступок со стороны властей [Chenoweth, Pinckney, Lewis 2018]. Недостатки базы NAVCO 3.0 заключаются в существенном количестве пропущенных значений переменной, отражающей количество участников протестного события. В качестве примеров других баз в формате “событие — день” можно привести *The Armed Conflict Location & Event Data Project* (ACLED) [Raleigh et al. 2010], *The Mass Mobilization in Autocracies Database* (MMAD) [Weidmann, Rød 2019] и *European Protest and Coercion Data* (EPCD)⁷ [Francisco 2009].

Одна из возможных проблем работы с событийными базами данных состоит в том, что они собираются не по отдельным протестным кампаниям, а по всем протестным событиям в стране за определенный период. Информации о характере требований протестующих и их составе может оказаться недостаточно для отнесения протестных событий к кампаниям. По этой причине для исследования кампаний лучше изначально собирать данные в формате “событие — день” только о протестных событиях, репрессиях против протестующих и уступках властей, которые непосредственно связаны (по требованиям протестующих, по составу участников, по обсуждаемым проблемам) с протестной кампанией. Хороший пример такого подхода — база данных с сопутствующим исследованием событий весны 1968 г. во Франции [Francisco 2009].

Тенденция к повышению востребованности событийных данных начинает проявлять себя и в эмпирических исследованиях. Так, Б. Ивс и Дж. Льюис исследовали эффект количества времени, прошедшего после репрессий, и степени организованности протестующих на характер протеста (насильственный или ненасильственный) на уровне события [Ives, Lewis 2019], используя событийные данные SCAD [Salehyan et al. 2012] и более дезагрегированные данные ACLED [Raleigh et al. 2010]. С помощью многоуровневых логистических регрессий они выявили, что недавние репрессии и низкий уровень организации протестующих положительно связаны с использованием насилия с их стороны.

Итак, именно данные типа “событие — день” дают наиболее широкие возможности для исследования динамики развития протестной кампании. Они позволяют проверять гипотезы об эффектах действий властей и действий протестующих на последующие действия властей, на численность и действия протестующих, на “выживаемость” протестных кампаний, а также на общие политические результаты протестов. Этот формат данных дает возможность установить временной порядок событий и правдоподобно предположить наличие причинно-следственной связи.

⁶ *Dynamics of Collective Action*. URL: <http://www.dynamicsofcollectiveaction.com> (accessed 07.11.2020).

⁷ *European Protest and Coercion Data*. URL: <https://web.ku.edu/~ronfrand/data/> (accessed 07.11.2020).

Наконец, именно данные в формате “событие — день” могут быть агрегированы на любом временном промежутке и по любым типам требований протестующих.

Вместе с тем решение проблемы “избыточного агрегирования” данных само по себе не гарантирует высокого качества эмпирического исследования. Для изучения протестных кампаний как длительного процесса, действия участников которого взаимообусловлены, нужны методы, позволяющие исследовать протестные события как связанные друг с другом.

Протестные события в рамках кампании не могут быть независимыми хотя бы по той причине, что каждый следующий этап ее развития опирается на предыдущий. В современных исследованиях протестов по-прежнему в основном используются методы анализа данных и эмпирические модели, применение которых требует принятия некорректных предпосылок, связанных с отсутствием пропущенных переменных и с независимостью наблюдений.

Показательным примером работы, в которой протестные события рассматриваются как независимые друг от друга, является исследование Ф. Аюба [Ayoub 2010]. В своей работе ученый пытался выяснить, какая теория лучше объясняет применение репрессий по отношению к протестующим. Он использовал в этих целях событийные данные о протестах в четырех странах Европы в период с 1975 по 1989 г. (данные собраны [Kriesi et al. 1995]). С помощью логистических регрессий Ф. Аюб продемонстрировал, что только переменные, отражающие угрозу со стороны протестующих, систематически и устойчиво положительно связаны с повышенной вероятностью применения арестов. Используя линейную регрессию, оцененную методом наименьших квадратов, он выявил, что переменные, отражающие угрозу, также положительно связаны с количеством арестованных [Ayoub 2010].

При этом одна из предпосылок классической логистической регрессионной модели, параметры которой оцениваются с помощью метода максимального правдоподобия, состоит в независимости значений зависимых переменных от значений таких же переменных для других наблюдений [Casella, Berger 2002]. В свою очередь, для получения состоятельных оценок параметров линейной регрессии посредством метода наименьших квадратов необходимо отсутствие пропущенных переменных, объясняющих одновременно значения зависимых и независимых переменных. А для получения эффективных оценок параметров линейной регрессии посредством МНК необходимо отсутствие условной корреляции (автокорреляции) случайных ошибок [Wooldridge 2013].

Этой независимости нет в данных, использованных Ф. Аюбом. В своей работе он ограничивается лишь набором характеристик конкретного протестного мероприятия без переменных, связывающих его с более ранними протестами и случаями применения репрессий, и даже без использования учитывающих возможную автокорреляцию (последствие зависимости наблюдений) стандартных ошибок оценок коэффициентов [ibidem]. Исследователь учел лишь различия в ожидаемой вероятности репрессий и количестве арестованных между разными странами и в разные годы посредством включения соответствующих фиксированных эффектов. При этом взаимосвязи между событиями на более коротком промежутке времени не учтены. Это подрывает уверенность в том, что гипотезы, вытекающие из теории угрозы, действительно подтвердились [Ayoub 2010]⁸.

⁸ Тем не менее работа Ф. Аюба — важный и существенный прорыв в изучении причин политических репрессий против протестующих. Именно в этом исследовании была проведена систематическая и одновременная проверка гипотез, вытекающих из альтернативных и конкурирующих теорий.

Мы столь подробно разбираем данный пример, так как он отражает гораздо более общую проблему. *Современный инструментарий количественной эмпирической политологии рассчитан на анализ независимых (или считающихся таковыми) событий.* Это касается и проблемы “избыточного агрегирования”. Так сложилось, что современному политологу-“количественнику” проще и привычнее работать с массивами “независимых” данных типа “кампания”, “кампания — год”, “страна — год” и “страна — месяц”. Причины такого положения вещей мы не будем здесь разбирать, это отдельная огромная тема. Отметим лишь, что существенное влияние оказали долгие годы некритического следования в фарватере базовых методов эконометрики.

При этом готового и однозначно правильного способа учесть на уровне эмпирических методов все особенности протестных кампаний как динамических процессов на данный момент не существует. Полезные находки есть в теории временных рядов (которая, к слову, почти не изучается даже в самых “продвинутых” мировых школах количественного политического анализа), где установка на “независимость событий” исходно отсутствует. И эпизодически работы по анализу протестных кампаний в этой методической парадигме встречаются (например, упомянутая выше работа С. Кэри, где была использована векторная авторегрессия [Carey 2006]). Однако и подходы анализа временных рядов далеко не решают проблемы в полной мере. Таким образом, разработка методологии эмпирического анализа протестных кампаний представляет собой нерешенную и чрезвычайно актуальную задачу.

Мы попытаемся сделать существенный шаг в ее решении, предложив математическую (и вычислительную) модель развития протестной кампании. Модель позволяет не только улучшить понимание логики развития протеста и сформулировать нетривиальные гипотезы, но и эффективно разрабатывать и корректировать методологию эмпирического анализа. Численный эксперимент над моделью дает возможность сгенерировать данные типа “события — день”, которые полностью аналогичны реальным эмпирическим данным, но — в отличие от последних — получены в контролируемых условиях (значения параметров и формы функций модели определяются исследователем). За счет возможности настраивать ключевые параметры в самых широких пределах могут быть созданы численные аналоги самых разных кампаний, имевших место в действительности. Это делает такого рода модель своего рода “универсальным полигоном” для определения стратегий и совершенствования методов эмпирического анализа.

МОДЕЛЬ

Рассматриваемая ниже модель выполнена в дизайне *agent-based modeling* (ABM, “агентно-ориентированное моделирование”). С детальным обзором современного состояния ABM можно ознакомиться в [Ахременко, Петров, Жеглов 2021], здесь же мы вкратце продемонстрируем ключевые особенности данного подхода, которые позволяют нам предлагать его в качестве основного инструмента моделирования протестных кампаний. Кроме того, мы покажем, как предлагаемая нами модель вписана в сложившиеся традиции численного моделирования протестной активности и каков ее вклад в решение проблем на данном направлении.

Модель — это система автономных элементов, представляющих — как правило, а также в нашем конкретном случае, — отдельных индивидов. Индивиды могут быть гетерогенны по отдельным свойствам и, в некоторых случаях, обладать различными механизмами принятия решений. Это дает широкие возможности для моделирования различных “неоднородностей” и групп в протестном движении и — в перспективе — во властной элите.

Решения, принимаемые агентами, зависят не только от их свойств, но и от решений других агентов в предыдущие моменты времени. Это формирует динамическую взаимосвязанность и взаимообусловленность событий в рамках кампании. Отсутствует централизованный контроль индивидуального поведения, действует “восходящая” (“*bottom—up*”) логика, когда глобальное поведение системы “вырастает” из интеракций микроуровня. Глобальное же поведение модели (например, динамика численности протестующих) является ее эмерджентным (не сводимым к характеристикам элементов) свойством. В качестве таковой она демонстрирует характерные черты поведения сложных систем (*complex systems*) и способна воспроизводить такие особенности реальных протестных кампаний, как “протестные каскады” и “пороговые точки”.

Наиболее влиятельную традицию в современном агентном моделировании протестной активности заложил Дж. Эпстин своей работой “Моделируя гражданское насилие: агентно-ориентированный вычислительный подход” [Epstein 2002]. В ней сформулирован ряд принципов и приемов, широко используемых и сегодня (в том числе и нами в представляемой модели). К ним относятся, прежде всего, рассмотрение принятия решения об участии в протесте как баланса стимулов и контрстимулов. Поводы для недовольства (*grievances*) в модели Дж. Эпстина формируются сочетанием общего уровня (не)легитимности власти и индивидуальных невзгод (*hardships*). На противоположной чаше весов находятся индивидуальное избегание риска (*risk aversion*), общий уровень репрессивности (величина тюремного срока) и вероятность подвергнуться аресту. Последняя определяется отношением полицейских и протестующих в локальном окружении агента и, следовательно, предыдущими решениями других индивидов. Если разность мотивов в пользу открытого проявления недовольства и противоположных стимулов превосходит некоторую пороговую величину, индивид переходит из “спокойного” состояния в “активное”.

За истекшие двадцать лет подход Дж. Эпстина получил развитие в целом ряде направлений. Некоторые авторы вводят дополнительные разновидности агентов — например, члены революционных организаций [Moro 2016], активисты гражданских движений [Lemos 2018] и даже автоматизированные аккаунты социальных сетей [Ross et al. 2019]. Некоторые расширяют мотивационную составляющую принятия решений — в частности, за счет эффектов групповой идентичности [Kim, Hanneman 2011] или гомофилии [Makowsky, Rubin 2013]. Вводятся новые макроскопические параметры, такие как эффективность силового принуждения (*effectiveness in the military capacity*) [Moro 2016], тестируются различные математические решения взаимодействия агента со своим окружением [Fonoberova et al. 2012].

Наиболее существенным и магистральным на сегодняшний день направлением эволюции агентного моделирования протестной активности является включение индивидов в сетевое окружение вместо геометрического (в исходной модели Дж. Эпстина и многих ее модификациях агенты взаимодействовали с пространственно близкими индивидами). “Флагманской” работой здесь мы считаем статью Д. Сигеля в одном из ведущих мировых изданий “*Journal of Politics*”, в которой анализируется влияние различных сетевых топологий⁹ на распространение протестного поведения [Siegel 2011]. Сетевой дизайн позволяет естественным образом расши-

⁹ Под сетевой топологией (сетевой архитектурой) понимается качественный характер организации сети (графа). Например, в сетях предпочтительного присоединения (*preferential attachment*) вероятность присоединения к вершине новой связи положительно связана с тем, сколько ребер уже присоединено к данной вершине (принцип “богатые богатеют”). Подробнее см. [Ахременко, Петров, Жеглов 2021].

речь исследовательское поле, включив в него протест в социальных медиа, а также предоставляет возможности для учета в моделях широкого спектра особенностей индивидуальных коммуникационных стратегий и паттернов взаимодействия групп [Will et al. 2020]. Предлагаемая нами модель также построена на сетевой основе.

Несмотря на несомненный и быстрый прогресс в моделировании протестного поведения, по меньшей мере одна крупная проблема остается нерешенной, несмотря на значительные усилия исследователей. Речь идет о неоднозначности влияния репрессий на поведение протестующих (“*protest-repression nexus*” или “*punishment puzzle*”, см. [Akhremenko, Petrov 2020]). В подавляющем большинстве моделей, начиная с Дж. Эпстина, репрессии “работают” только на одной чаше весов баланса мотиваций индивида, увеличивая риски и, соответственно, формируя отрицательный стимул к участию в протесте. Однако многочисленные эмпирические работы свидетельствуют, что репрессии могут играть и противоположную роль, стимулируя к протесту через различные механизмы “социального вознаграждения”, групповой сплоченности (“общей судьбы”) [Opp, Roehl 1990; Rasler 1996]. Немалую роль играют и индивидуальные психологические реакции — от морального осуждения полицейского насилия [Soares et al. 2018; Drury, Reicher 2000] до прямых эмоциональных реакций в виде вспышек гнева и ярости [Ayanian, Tausch 2016]. Подчеркнем, что эта проблема имеет первостепенное значение с точки зрения рассматриваемой нами темы — методологии исследования протестных кампаний, так как их динамика в очень значительной мере и определяется реакциями протестующих на тот или иной градус репрессий со стороны властей.

Попытка учесть эту “двойственность” в воздействии репрессий предпринята Д. Сигелем [Siegel 2011]. Он предлагает две альтернативные модельные спецификации, в одной из которых репрессии воздействуют на решение индивида об участии в протесте со знаком плюс, в другой — со знаком минус (в данном случае это не только метафора, но и точное отражение формализма модели). Для каждой спецификации проводятся отдельные серии численных экспериментов и формулируются отдельные результаты.

Такое решение — при всех несомненных достоинствах модели Д. Сигеля, — трудно признать удовлетворительным. Фактически предлагаются две разные модели, отражающие разные реальности. В жизни же прямой и обратный эффекты репрессий на протестное поведение реализуются *одновременно*. В нашей модели (насколько нам известно, впервые) предлагается механизм такого одновременного воздействия. Какая компонента репрессий — “устрашающая” или “возмущающая” — перевесит в итоге, определяется целиком эндогенно, внутри модели, без какого-либо “ручного управления” со стороны исследователя. Это и есть наш ключевой вклад в разработку проблемы численного моделирования протестных кампаний.

В центре нашей модели лежит принятие решения об участии в “сегодняшней” (в момент *t*) протестной акции. Индивиды неоднородны по своей “мобилизационной” готовности (мы называем ее установкой). Некоторые из них, симпатизирующие протесту, готовы присоединиться к нему только тогда, когда “на площади” собралось уже — условно¹⁰ — 100 тысяч человек: риск минимален, а вероятность победы высока. В этом случае мы говорим, что наличие 100 тыс. протестующих создает для данного индивида мотивацию, достаточную для того, чтобы он при-

¹⁰ В последней версии нашей модели 1 000 агентов (что более чем достаточно для симуляции всех качественных свойств протестной кампании). В иллюстративных целях мы приводим числа, более соответствующие реальным кампаниям.

нял положительное решение о собственном участии. Есть, однако, и такие, кто считает риск достаточно малым, а вероятность победы достаточно большой уже при 70 тыс. протестующих. Для кого-то достаточная мотивация возникает при 50 тыс. Некоторые же оппозиционеры готовы прийти вообще в первых рядах; им не нужно дополнительной мотивации после события, ставшего триггером протеста, — такого, как оспариваемые результаты выборов.

Таким образом, потенциальные участники протеста в различной мере “установлены на участие”. Установка зависит от социального опыта индивида, его социального и экономического положения, идеологических и ценностных предпочтений и иных факторов, которые мы на данный момент эксплицитно не выделяем. Важно в данном случае, что все они носят долгосрочный характер и, как правило, существенно не меняются в ходе самой кампании. Подчеркнем, что в такой парадигме факторы участия классифицируются на долгосрочные, т.е. создающие фон для динамики протеста, и краткосрочные, непосредственно определяющие эту динамику.

Мы неявно допустили упрощение, предположив, что индивид ориентируется лишь на численность протестующих. В рамках этого упрощения установка имеет вид “я выйду сегодня на площадь, если вчерашнее количество протестующих было не меньше, чем N ”, где число N характеризует данного конкретного индивида. Так, в первый день после спорных выборов выходят на протест индивиды, для которых $N = 0$. Предположим для определенности, что количество таких индивидов равно 2 000 (некоторые источники приводят эту цифру в качестве оценки числа протестующих в первый день Евромайдана в Киеве 21 ноября 2013 г.¹¹). Тогда во второй день к протесту присоединятся индивиды, для которых $N \leq 2000$. Если их количество равно, например, 9000, то в третий день на протест выйдут те, для кого $N \leq 11000$, и т.д. Этот процесс может продолжаться до тех пор, пока численность протестующих не станет достаточно большой, чтобы обеспечить успех протеста, либо он может остановиться раньше — ввиду репрессий или просто потому, что будет исчерпан его потенциал. Эта механика хорошо известна по крайней мере с классических работ [Schelling 1969; 1971; Granovetter 1978].

Однако динамика протеста определяется не только численностью протестующих, но также рядом других факторов, важнейший из которых — наличие и уровень репрессий против протестующих. Это ключевой фактор не только ввиду его значимости для мотивации потенциальных участников, но также в силу неоднозначности его последствий. Действительно, если текущая численность участников мотивирует по принципу “чем их больше, тем сильнее мотивация к участию”, то репрессии создают мотивацию как к участию (в частности, усиливая гнев по отношению к власти), так и к неучастию (увеличивая страх). Какое из этих двух противоположно направленных влияний окажется более значимым в каждом конкретном случае — этот вопрос на протяжении уже долгого времени дискутируется в теории социальных движений (см. краткий обзор в [Akhremenko, Petrov 2020]).

При этом некоторые факторы действуют в социальном пространстве не только глобально, но и локально. Например, мотивация к участию зависит, вообще говоря, не только от того, сколько всего людей протестует на площади, но и от того, “сколько там моих друзей”. Чтобы учесть этот фактор, мы реализовали модель в виде сети, вершины которой соответствуют индивидам, ребра — связям между ними. Роль связей состоит в том, что они формируют социальную окрестность ин-

¹¹ Противники приостановки евроинтеграции Украины в ночи вышли на улицы Киева. — *Newsru.com*. 22.11.2013. URL: <https://www.newsru.com/world/22nov2013/ukr.html> (accessed 11.02.2021).

дивиды: при принятии решения об участии он оценивает ситуацию как в масштабе общества (например, общую численность протестующих), так и в масштабе своего локального окружения (численность протестующих среди его знакомых). Для генерации сети используется топология Д. Уоттса и С. Строгатца, более известная как “мир тесен”¹² (*small-world*) [Watts, Strogatz 1998].

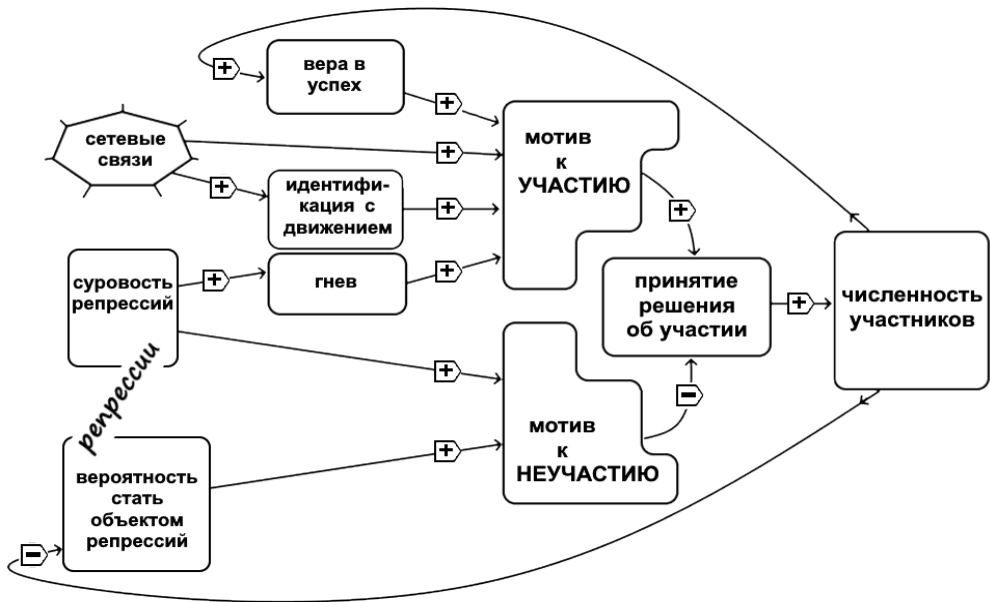
Одна из трудностей, возникающих при описании принятия индивидом решения об участии в протесте, — это необходимость учесть факторы различной природы. В соответствии с этим в социальной психологии сформировалось и получило эмпирическое обоснование представление о том, что в качестве медиаторов между факторами и решением действуют такие психологические antecedentes принятия решения, как гнев (*anger*), вера в способность добиться успеха (или “самоэффективность”, *efficacy belief*), идентификация индивида с протестным движением (*identification*) [Ayarian, Tausch 2016; van Stekelenburg, Klandermans 2017]. Этот подход реализован нами в математической модели, качественно отображенной на рис. (основные формулы даны в *Приложении*).

Репрессии представлены двумя переменными: суровостью репрессий (*severity*) и вероятностью конкретного индивида стать объектом насилия. Эта вероятность тем ниже, чем больше текущая численность протестующих. Суровость репрессий дает вклад как в мотив к неучастию, повышая риски, так и в мотив к участию, стимулируя гнев. Отметим также, что вера в успех протеста зависит от числа протестующих.

Рисунок (Figure)

Схема принятия решения об участии в протесте
Decision-making Scheme for Participation in a Protest Action

159

¹² Подробнее о сетевых топологиях см. [Ахременко, Петров, Жеглов 2020].

Сетевые влияния на индивида учитываются в виде двух путей. Первый реализует понятие нормативного мотива, введенного в работе [Klandermans 1984] (см. также более современную работу [Stürmer, Simon 2004]). В ней была введена классификация мотивов к участию: помимо коллективного (связанного с достижением целей акции как таковых: например, смены власти в стране) и “ревардного” (*reward motive*) (связанного с вознаграждением за участие в процессе, включая удовольствие от времяпрепровождения на митинге), выделяется нормативный мотив. Его смысл состоит в том, что в социальном окружении индивида формируется локальная норма поведения, подразумевающая, например, обязательное сочувствие и поддержку оппозиции. В таком случае человек может принять участие в протесте, чтобы оправдать ожидания и не разочаровать друзей. Соответственно, в модели принимается, что нормативный мотив индивида к участию в протесте тем выше, чем большее количество его друзей уже участвует.

Второй путь — это влияние социальной сети на идентификацию индивида с протестным движением. Здесь предполагается, что идентификация коррелирует с его интеграцией в движение: другими словами, чем больше персональных контактов имеет член движения среди других членов, тем сильнее его идентификация с этим движением.

Обратные связи, создающие динамику модели, — это влияние численности участников на веру в успех и риск подвергнуться репрессиям. Таким образом, каждый индивид принимает решение об участии в конкретный день, взвесив мобилизационный мотив и долгосрочную установку на участие с одной стороны, и мотив к неучастию — с другой. Результатом для каждого момента времени является некоторое количество индивидов, принявших положительное решение, и оно становится (наряду с уровнем репрессий) составляющей расчета мотивации на следующий день.

Такова, в самом общем виде, логика модели. Формулы можно найти в *Приложении* (с. 165).

Описанная модель, в настоящее время реализованная нами на языке программирования *Python*, является “систематическим генератором” данных протестных кампаний в формате “событие — день”. На “входе” исследователь может настраивать, сообразуясь с теоретическими представлениями или особенностями конкретных кампаний, целый ряд параметров: форму распределения протестных установок; силу “события-триггера”, дающего стартовый импульс протестной кампании; плотность сети, связывающей агентов; интенсивность и характер репрессивного ответа властей¹³; относительную значимость различных психологических компонент принятия решения (идентификация, самооффективность, гнев); наконец, сами алгоритмы принятия решений могут быть разными для разных групп протестующих. На “выходе”, по результатам численных экспериментов, могут фиксироваться, кроме динамики общей численности протестующих и изменений в уровне репрессий, данные об участии отдельных индивидов (в реальной жизни такая информация становится доступной исследователям за счет анализа геолокационных данных пользователей социальных сетей). Такие данные позволяют

¹³ В кратком описании модели, которое мы даем в нашей работе, для простоты предполагается, что уровень репрессий устанавливается исследователем экзогенно, однако это далеко не единственно возможный вариант; репрессии могут быть эндогенизированы, один из вариантов предложен нами в [Akhremenko, Yureskul, Petrov 2019].

формулировать конкретные, эмпирически проверяемые гипотезы о влиянии “входных” параметров на “выходные”, которые будут подкреплены не только теорией, но и результатами модельного эксперимента. Например, при работе с моделью мы получили указания на критическую важность наличия пусть и небольшого по относительной численности, но обладающего выраженными установками на протест “ядра” будущей кампании для запуска “протестного каскада”.

В контексте данной работы еще более важно сказать о возможностях такого подхода для совершенствования техник работы с эмпирическими данными. Немаловажную роль играет появившаяся возможность описывать протестную динамику на языке цифр, который имеет четкую и прямую привязку к понятийному аппарату модели, благодаря чему появляются условия как для выведения конкретных гипотез, описывающих контекст, в рамках которых имеет место предполагаемая взаимосвязь, так и для более точной операционализации концептов, используемых уже в ходе эмпирических проверок. Представление протестных кампаний в виде численных векторов, которые мы получаем в результате компьютерных симуляций, указывает на то, каким образом могут быть верно собраны и правильно агрегированы эмпирические данные по протестным кампаниям. Благодаря этому мы сможем без потерь перейти от данных вида “событие — день” к данным вида “протестные кампании”, ведь именно выделение паттернов развития протестных кампаний и определение факторов их динамики и является задачей исследовательского поля, в рамках которого лежит данная работа.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.10

THE LOGIC OF PROTEST CAMPAIGNS: FROM EMPIRICAL DATA TO DYNAMIC MODELS (AND BACK)

A.S. Akhremenko¹, V.E. Belenkov¹, A.P. Petrov²

¹ HSE University. Moscow, Russia

² Keldysh Institute for Applied Mathematics (Russian Academy of Science). Moscow, Russia

AKHREMENKO, Andrei Sergeevich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, School of Social Sciences, HSE University, email: aakhremenko@hse.ru; BELENKOV, Vadim Evgen'evich, PhD student, Doctoral School of Political Science, HSE University, email: vadim.belenkov@gmail.com; PETROV, Alexander Pkhoun Chzho, Dr. Sci. (Applied Math.), Senior Researcher, Keldysh Institute for Applied Mathematics (Russian Academy of Science), email: petrov.alexander.p@yandex.ru

Akhremenko A.S., Belenkov V.E., Petrov A.P. The Logic of Protest Campaigns: From Empirical Data to Dynamic Models (and Back). — Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 147–165. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.10>

Acknowledgement. This research is supported by the Russian Science Foundation under grant no. 20-18-00274, National Research University Higher School of Economics.

We also express our gratitude to S.A. Zhiglov, PhD student of Doctoral School of Political Science in National Research University Higher School of Economics, for help in the analysis of scientific literature and datasets, as well as for help in realization of computational model presented in this article in Python programming language.

Received: 08.11.2020. Accepted: 15.02.2021

Abstract. The most important political protests are long-lasting campaigns where a large number of various interrelated events and actions — both for protesters and for the authorities — intersect. At the same time, empirical research tools — statistical methods and data sets — are more suitable for the study of one-off events, not related to each other in time. In this article, on the broad basis of existing research, the authors demonstrate two characteristic features of this approach — the phenomenon of “over-aggregation” and the problem of “independent events”. In the first case, all parameters of protest episodes are averaged over the campaign as a whole, or over years or months. In the second case, researchers tend to form a sample of such episodes on the assumption that they are not related to each other. Both of these perspectives

lead to the internal dynamics of protest campaigns being ignored, failing to take into account a number of their important features. Among such features are the nature of information asymmetry between protesters and authorities, decision-making based on information about the previous protest events (their size on the first place), the systemic effects of “cascades” and “tipping points” in the development of the protest movement, and the effects of learning. We propose agent-based mathematical model to solve these methodological problems and to depict these dynamics. In the model we present the set of potential protesters as a social network; individuals make decisions about participation in “today’s” protest event on the basis of previous events. This approach considers a protest campaign as a chain of events, and enables empirically testable hypotheses to be formulated inferred not only from theory but also from the results of model experiment.

Keywords: protest campaign, political protest, quantitative analysis of protest campaigns, protest datasets, formal modelling, agent-based model.

References

- Akhremenko A., Petrov A. 2020. Modeling the Protest-Repression Nexus. — *Proceedings of the MACSPro Workshop 2020*. Venice, Italy, October 22-24. CEUR Workshop Proceedings.
- Akhremenko A., Yureskul E., Petrov A. 2019. Latent Factors of Protest Participation: A Basic Computational Model. — 2019 *Twelfth International Conference “Management of Large-Scale System Development” (MLSD)*. Moscow: IEEE. <https://doi.org/10.1109/MLSD.2019.8910999>
- Ayanian A., Tausch N. 2016. How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists during the 2013 Post-coup Uprising. — *British Journal of Social Psychology*. Vol. 55. No. 4. P. 700-721. <https://doi.org/10.1111/bjso.12164>
- Ayoub P. 2010. Repressing Protest: Threat and Weakness in the European Context, 1975-1989. — *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 15. No. 4. P. 465-488. <https://doi.org/10.17813/mai.15.4.f6306060j4511u58>
- Bell S., Murdie A. 2018. The Apparatus for Violence: Repression, Violent Protest, and Civil War in a Cross-National Framework. — *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 35. No. 4. P. 336-354. <https://doi.org/10.1177/0738894215626848>
- Braithwaite A., Braithwaite J. M., Kucik J. 2015. The Conditioning Effect of Protest History on the Emulation of Nonviolent Conflict. — *Journal of Peace Research*. Vol. 52. No. 6. P. 697-711. <https://doi.org/10.1177/0022343315593993>
- Buechler S. 2004. The Strange Career of Strain and Breakdown Theories of Collective Action. — *The Blackwell Companion to Social Movements*. Ed. by D. Snow, S. Soule, H. Kriesi. Malden, MA: Blackwell. P.47-65. <https://doi.org/10.1002/9780470999103>
- Butcher C., Svensson I. 2014. Manufacturing Dissent. Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. No. 2. P. 311-339. <https://doi.org/10.1177/0022002714541843>
- Carey S. 2006. The Dynamic Relationship between Protest and Repression. — *Political Research Quarterly*. Vol. 59. No. 1. P. 1-11. <https://doi.org/10.1177/106591290605900101>
- Carey S. 2010. The Use of Repression as a Response to Domestic Dissent. — *Political Studies*. Vol. 58. No. 1. P. 167-186. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9248.2008.00771.x>
- Casella G., Berger R. 2002. *Statistical Inference*. 2nd Edition. Pacific Grove: Duxbury, Thomson Learning.
- Centola D., Becker J., Brackbill D., Baronchelli A. 2018. Experimental Evidence for Tipping Points in Social Convention. — *Science*. Vol. 360. No. 6393. P. 1116-1119. <https://doi.org/10.1126/science.aas8827>
- Chenoweth E., Belgioioso M. 2019. The Physics of Dissent and the Effects of Movement Momentum. — *Nature Human Behavior*. Vol. 3. P. 1088-1095. <https://doi.org/10.1038/s41562-019-0665-8>
- Chenoweth E., Lewis O. 2013. Unpacking Nonviolent Campaigns: Introducing the NAVCO 2.0 Dataset. — *Journal of Peace Research*. Vol. 50. No. 3. P. 415-423. <https://doi.org/10.1177/0022343312471551>
- Chenoweth E., Pinckney J., Lewis O. 2018. Days of Rage: Introducing the NAVCO 3.0 Dataset. — *Journal of Peace Research*. Vol. 55. No. 4. P. 524-534. <https://doi.org/10.1177/0022343318759411>
- Chenoweth E., Stephan M. 2011. *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.
- Clark D., Regan P. 2016. Mass Mobilization Protest Data. — *Harvard Dataverse. Version 4*. <https://doi.org/10.7910/DVN/HTTWYL>
- Davenport C., Soule C., Armstrong D. 2011. Protesting While Black? The Differential Policing of American Activism, 1960 to 1990. — *American Sociological Review*. Vol. 76. No. 1. P. 152-178. <https://doi.org/10.1177/0003122410395370>

Davis D., Leeds B., Moore W. 1998. Measuring Dissident and State Behavior: The Intranational Political Interactions (IPI) Project. — *The Workshop on Cross-National Data Collection*. Texas A&M University.

Demirel-Pegg T. 2017. The Demobilization of the Protest Campaigns. — *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.251>

Drury J., Reicher S. D. 2000. Collective Action and Psychological Change: The Emergence of New Social Identities. — *British Journal of Social Psychology*. Vol. 39. No. 4. P. 579-604. <https://doi.org/10.1348/014466600164642>

Earl J., Soule S., McCarthy J. 2003. Protest Under Fire? Explaining the Policing of Protest. — *American Sociological Review*. Vol. 68. No. 4. P. 581-606. <https://doi.org/10.2307/1519740>

Epstein J.M. 2002. Modeling Civil Violence: An Agent-Based Computational Approach. — *Proceedings of the National Academy of Sciences*. Vol. 99. No. 3. P. 7243-7250. <https://doi.org/10.1073/pnas.092080199>

Francisco R. 2009. *Dynamics of Conflict*. New York: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-0-387-75242-6>

Fonoberova M., Fonoberov V., Mezic I., Mezic J., Brantingham P. 2012. Nonlinear Dynamics of Crime and Violence in Urban Settings. — *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. Vol. 15. No. 1. <https://doi.org/10.18564/jasss.1921>

Gerber A., Green D., Kaplan E. 2004. The Illusion of Learning from Observational Research. — *Problems and Methods in the Study of Politics*. Ed. by I. Shapiro, S. Smith, T. Massoud. New York: Cambridge University Press. P. 251-273.

Girod D., Stewart M., Walters M. 2016. Mass Protests and the Resource Curse: The Politics of Demobilization in Rentier Autocracies. — *Conflict Management and Peace Science. Advance*. Vol. 35. No. 5. P. 503-522. <https://doi.org/10.1177/0738894216651826>

Granovetter M. 1978. Threshold Models of Collective Behavior. — *The American Journal of Sociology*. Vol. 83. No. 6. P. 1420-1443. <https://doi.org/10.1086/226707>

Grimm J., Harders C. 2018. Unpacking the Effects of Repression: The Evolution of Islamist Repertoires of Contention in Egypt after the Fall of President Morsi. — *Social Movement Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 1-18. <https://doi.org/10.1080/14742837.2017.1344547>

Gurr T. 1970. *Why Men Rebel?* Princeton, NJ: Princeton University Press.

Hussain M., Howard Ph. 2013. What Best Explains Successful Protest Cascades? ICTs and the Fuzzy Causes of the Arab Spring. — *International Studies Review*. Vol. 15. No. 1. P. 18-66. <https://doi.org/10.1111/misr.12020>

Ives B., Lewis J. 2019. From Rallies to Riots: Why Some Protests Become Violent. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 64. No. 5. P. 958-986. <https://doi.org/10.1177/0022002719887491>

Johnson J., Thyne C. 2018. Squeaky Wheels and Troop Loyalty: How Domestic Protests Influence Coups d'état, 1951-2005. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. No. 3. P. 597-625. <https://doi.org/10.1177/0022002716654742>

Kim J., Hanneman R. 2011. A Computational Model of Worker Protest. — *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. Vol. 14. No. 3. <https://doi.org/10.18564/jasss.1770>

Klandermans B. 1984. Mobilization and Participation: Social-Psychological Expansions of Resource Mobilization Theory. — *American Sociological Review*. Vol. 49. No. 5. P. 583-600. <https://doi.org/10.2307/2095417>

Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J., Giugni M. 1995. *New Social Movements in Western Europe: A Comparative Analysis*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

Kuran T. 1989. Sparks and Prairie Fires: A Theory of Unanticipated Political Revolution. — *Public Choice*. No. 61. P. 41-74. <https://doi.org/10.1007/bf00116762>

Lemos C. 2018. *Agent-Based Modeling of Social Conflict from Mechanisms to Complex Behavior*. Switzerland: Springer International Publishing.

Lohmann S. 1994. The Dynamics of Informational Cascades: The Monday Demonstrations in Leipzig, East Germany, 1989-91. — *World Politics*. Vol. 47. No. 1. P. 42-101. <https://doi.org/10.2307/2950679>

Makowsky M., Rubin J. 2013. An Agent-Based Model of Centralized Institutions, Social Network Technology, and Revolution. — *PLoS ONE*. Vol. 8. No. 11. e80380. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0080380>

McAdam D., Tarrow S., Tilly C. 2001. *Dynamics of contention*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511805431>

Moore W. 1998. Repression and Dissent: Substitution, Context, and Timing. — *American Journal of Political Science*. Vol. 42. No. 3. P. 851-873. <https://doi.org/10.2307/2991732>

Moro A. 2016. Understanding the Dynamics of Violent Political Revolutions in an Agent-Based Framework. — *PLoS ONE*. Vol. 11. No. 4: e0154175. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0154175>

- Nardulli P., Althaus S., Hayes M. 2015. A Progressive Supervised-learning Approach to Generating Rich Civil Strife Data. — *Sociological Methodology*. Vol. 45. No. 1. P. 148-183. <https://doi.org/10.1177/0081175015581378>
- Opp K-D., Roehl W. 1990. Repression, Micromobilization, and Political Protest. — *Social Forces*. Vol. 69. No. 2. P. 521-524. <https://doi.org/10.2307/2579672>
- Pierskalla J. 2010. Protest, Deterrence, and Escalation: The Strategic Calculus of Government Repression. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 54. No. 1. P. 117-145. <https://doi.org/10.1177/0022002709352462>
- Raleigh C., Linke A., Hegre H., Karlsen J. 2010. Introducing ACLED — Armed Conflict Location and Event Data. — *Journal of Peace Research*. Vol. 47. No. 5. P. 651-660. <https://doi.org/10.1177/0022343310378914>
- Rasler K. 1996. Concessions, Repression, and Political Protest in the Iranian Revolution. — *American Sociological Review*. Vol. 61. No. 1. P. 132-152. <https://doi.org/10.2307/2096410>
- Rasler K. 2017. Dynamics, Endogeneity, and Complexity in Protest Campaigns. — *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. URL: <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.321>
- Ross B., Pilz L., Cabrera B., Brachten F., Neubaum G., Stieglitz S. 2019. Are Social Bots a Real Threat? an Agent-Based Model of the Spiral of Silence to Analyse the Impact of Manipulative Actors in Social Networks. — *European Journal of Information System*. Vol. 28. No. 4. P. 394-412. <https://doi.org/10.1080/0960085X.2018.1560920>
- Salehyan I., Cullen S., Hamner J., Case C., Linebarger C., Stull E., Williams J. 2012. Social Conflict in Africa: A New Database. — *International Interactions*. Vol. 38. No. 4. P. 503-511. <https://doi.org/10.1080/03050629.2012.697426>
- Schelling T. 1969. Models of Segregation. — *The American Economic Review*. Vol. 59. No. 2. P. 488-493.
- Schelling T. 1971. Dynamic Models of Segregation. — *Journal of Mathematical Sociology*. Vol. 1. P. 143-186. <https://doi.org/10.1080/0022250X.1971.9989794>
- Shadmehr M. 2014. Mobilization, Repression, and Revolution: Grievances and Opportunities in Contentious Politics. — *Journal of Politics*. Vol. 76. No. 3. P. 621-635. <https://doi.org/10.1017/S002238161400026>
- Siegel D. 2011. When Does Repression Work? Collective Action and Social Networks. — *Journal of Politics*. Vol. 73. No. 4. P. 993-1010.
- Soares M., Barbosa M., Matos R., Mendes S. 2018. Public Protest and Police Violence: Moral Disengagement and Its Role in Police Repression of Public Demonstrations in Portugal. — *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. Vol. 24. P. 27-35. <https://doi.org/10.1037/pac0000277>
- Slantchev B., Matush K. 2020. The Authoritarian Wager: Political Action and the Sudden Collapse of Repression. — *Comparative Political Studies*. Vol. 53. No. 2. P. 214-252.
- Stürmer S., Simon B. 2004. The Role of Collective Identification in Social Movement Participation: A Panel Study in the Context of the German Gay Movement. — *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 30. No. 3. P. 263-277. <https://doi.org/10.1177/0146167203256690>
- Sullivan C. 2016. Undermining Resistance: Mobilization, Repression, and the Enforcement of Political Order. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. No. 7. P. 1163-1190. <https://doi.org/10.1177/0022002714567951>
- Sutton J., Butcher C., Svensson I. 2014. Explaining Political Jiu-Jitsu: Institution-Building and the Outcomes of Regime Violence against Unarmed Protests. — *Journal of Peace Research*. Vol. 51. No. 5. P. 559-573. <https://doi.org/10.1177/0022343314531004>
- Van Stekelenburg J., Klandermans B. 2017. Individuals in Movements: A Social Psychology of Contention. — *Handbook of Social Movements across Disciplines*. Ed. by C. Roggeband, B. Klandermans. Cham: Springer. P. 103-139. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-57648-0>
- Watts D., Strogatz S. 1998. Collective Dynamics of Small-World Networks. — *Nature*. Vol. 393. No. 6684. P. 440-442. <https://doi.org/10.1038/30918>
- Weidmann N., Rød E. 2019. Chapter 4: Coding Protest Events in Autocracies. — *The Internet and Political Protest in Autocracies*. New York: Oxford University Press. P. 35-60.
- Will M., Groeneveld J., Frank K., Müller B. 2020. Combining Social Network Analysis and Agent-Based Modelling to Explore Dynamics of Human Interaction: A Review. — *Socio-Environmental Systems Modelling*. Vol. 2. 16325. <https://doi.org/10.18174/sesmo.2020a16325>
- Wooldridge J. 2013. *Introductory Econometrics. A Modern Approach*. Mason: South Western.
- Akhremenko A., Petrov A., Zheglov S. 2021. How Information and Communication Technologies Change Trends in Political Processes Modeling: Towards an Agent-Based Approach. — *Political Science (RU)*. No. 1. P. 12-45. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01>
- Korotaev A., Isaev L., Vasiliev A. 2015. Quantitative Analysis of 2013-2014 Revolutionary Wave. — *Sociological Studies*. No. 8. P. 119-127. (In Russ.) URL: <http://socis.isras.ru/article/5621> (accessed 11.03.2021).

Nikiforov A. 2008. Revolution and Its Causes: Answers and New Questions. — *Political Expertise: POLITEX. Vol. 4. No. 2. P. 80-100. (In Russ.)*

Rozov N. 2017. Crisis and Revolution: Fields of Interaction, Actors' Strategies, and Trajectories of Conflict Dynamics. — *Polis. Political Studies. No. 6. P. 92-108. (In Russ.)* <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.07>

Литература на русском языке

Ахременко А.С., Петров А.П., Жеглов С.А. 2021. Как информационно-коммуникационные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов: к агентному подходу. — *Политическая наука. № 1. С. 12-45. https://doi.org/10.31249/poln/2021.01.01*

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. — *Социологические исследования. № 8. С. 119-127. URL: http://socis.isras.ru/article/5621 (accessed 11.03.2021).*

Никифоров А.А. 2008. Революция и ее причины: ответы и новые вопросы. — *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. Т. 4. № 2. С. 80-100.*

Розов Н.С. 2017. Кризис и революция: поля взаимодействия, стратегии акторов и траектории конфликтной динамики. — *Полис. Политические исследования. № 6. С. 92-108. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.07*

ПРИЛОЖЕНИЕ. Математический аппарат агентно-ориентированной сетевой модели протестной мобилизации.

Сетевая топология: “тесный мир” (*small world*) Д. Уоттса и С. Стрататца с параметрами (1000, 4, 0.3). Первый параметр означает количество узлов в сети, а второй и третий определяют процесс ее генерации. Так, число 4 означает степень вершины, которая будет служить ориентиром для каждого узла в данном процессе, а третий параметр указывает на вероятность переприсоединения.

Число агентов в модели: 1000.

Стандартная продолжительность симуляции: 100 периодов времени.

Основные формулы. Индивид i в день t принимает положительное решение об участии в протесте, если его латентная позиция $\lambda(t, i) = \varphi(i) + \psi(t, i)$ положительна, и отрицательное — в обратном случае. Здесь $\varphi(i)$ — установка i -того индивида на участие, $\psi(t, i)$ — разность между мотивом к участию и мотивом к неучастию:

$$\psi(t, i) = M_{\text{action}}(t, i) - M_{\text{inaction}}(t, i).$$

Мотив к участию рассчитывается по формуле:

$$M_{\text{action}}(t, i) = 1/3 [a(t)b(t)(1 + d(i)) + M_{\text{norm}}(t, i)].$$

Здесь $a(t)$ — гнев, $a(t) = (a_0 + s(t))/2$, где $a_0, s(t)$ — соответственно, гнев, вызванный событием-триггером и суровость репрессий. Далее, $b(t)$ — вера в успех, $b(t) = \exp(k_B(P(t) - P_0)) / [1 + \exp(k_B(P(t) - P_0))]$, где k_B, P_0 — константы, $P(t)$ — численность участников; $d(t)$ — идентификация индивида с протестным движением: $d(t) = d_0 + (1 - d_0)D(i)$, d_0 — постоянная, $D(i)$ — его интеграция в сообщество, рассчитываемая как количество число связей узла, деленное на моду связей сети, но не превышающая единицу. Нормативный мотив $M_{\text{norm}}(t, i)$ представляет собой долю “друзей” агента, участвовавших в протесте в предыдущий такт времени, в общем количестве “друзей”. Мотив к неучастию имеет вид $M_{\text{inaction}}(t + 1) = 1 - \exp(-100s(t)e^{-100P(t)})$, где $s(t)$ — суровость репрессий.

См. также [Akhremenko, Yureskul, Petrov 2019; Akhremenko, Petrov 2020].

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.11

ДОЛЯ МОЛОДЕЖИ В ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ИНТЕНСИВНОСТИ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРОТЕСТОВ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Д.М. Романов, К.В. Мещерина, А.В. Коротаев

РОМАНОВ Даниил Михайлович, младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: dm.romanov@me.com; **МЕЩЕРИНА Кира Владимировна**, магистр политологии, преподаватель факультета мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, email: k.meshcherina@hotmail.com; **КОРОТАЕВ Андрей Витальевич**, доктор философии (Ph.D.), доктор исторических наук, профессор, зав. лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”; профессор факультета глобальных процессов МГУ, Москва, email: akorotayev@gmail.com

Романов Д.М., Мещерина К.В., Коротаев А.В. Доля молодежи в общей численности взрослого населения как фактор интенсивности ненасильственных протестов: опыт количественного анализа – Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 166–181. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254). Выражаем также признательность С.А. Никифоровой за неоценимую помощь при подготовке данной статьи.

Статья поступила в редакцию: 28.12.2019. Принята к публикации: 04.09.2020

Аннотация. Исследования по политической демографии дают основания предполагать наличие положительной связи между повышенной долей молодежи в общей численности взрослого населения (“молодежными буграми”) и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Однако проведенные нами эмпирические тесты показали, что прямой (без дополнительных контролей) анализ корреляции между “молодежными буграми” и интенсивностью ненасильственных акций протеста приводит к неожиданным результатам, так как в этом случае мы обнаруживаем статистически значимую отрицательную корреляцию. Показано, что это связано с эффектами социально-политической, социокультурной и экономической модернизации. В долгосрочной перспективе модернизация через снижение рождаемости и рост ожидаемой продолжительности жизни ведет к старению населения и сокращению доли молодежи в общей численности взрослого населения, что само по себе служит фактором снижения интенсивности антиправительственных демонстраций. Но, с другой стороны, модернизация высвобождает иные мощные силы, такие как демократизация, урбанизация и экспансия формального образования, которые оказываются способны с лихвой компенсировать сдерживающее влияние уменьшения “молодежных бугров”. Эти теоретические ожидания были подтверждены проведенными тестами. После введения соответствующих контролей “молодежные бугры” оказываются фактором, увеличивающим интенсивность протестов, в то время как без этих контролей они становятся предиктором относительно низкой интенсивности ненасильственных протестов. Таким образом, наши тесты показывают, что сама по себе высокая доля молодежи при прочих равных все-таки является фактором повышенной интенсивности антиправительственных демонстраций и без снижения “молодежных

бугров” модернизация привела бы к значительно более выраженному росту интенсивности ненасильственных акций протеста.

Ключевые слова: ненасильственные протесты, политическая демография, молодежные бугры, модернизация, политическая нестабильность.

ВВЕДЕНИЕ

В этой статье мы хотели бы сосредоточить внимание на таком важном политико-демографическом факторе как повышенная доля молодежи в общей численности взрослого населения страны (так называемый молодежный бугор). Изменение этого показателя всегда привлекало интерес политических демографов, поскольку такие изменения в возрастной структуре населения могут вызывать различные дестабилизирующие события. Г. Фуллер указывает, что такие важнейшие общественно-политические события, как Гражданская война в Англии в 1640-1660 гг. и Великая французская революция 1789-1799 гг., европейский колониализм, рост нацистского движения в Германии в 1920-х и 1930-х годах и активизация коммунистических движений во время холодной войны в 1947-1991 гг. могли быть спровоцированы именно увеличением доли молодежи в населении [Fuller 2004; также см. Goldstone 1991, 2002; Huntington 1996; Heinsohn 2003].

Подавляющее большинство исследователей политической демографии фокусируется на насильственных типах социально-политической дестабилизации: гражданских войнах, беспорядках, террористических актах и т.д. [Goldstone 1991; Urdal 2004, 2006, 2008; Lia 2007; Urdal, Hoelscher 2012; Farzanegan, Witthuhn 2017; Flückiger, Ludwig 2018; Weber 2019]. С другой стороны, исследования влияния “молодежных бугров” на интенсивность ненасильственных протестов практически не проводились.

Насколько нам известно, до настоящего времени только в работе А.У. Анга, Ш. Динара и Р.Е. Лукаса [Ang, Shlomi, Russell, 2014] была эмпирически исследована связь между “молодежными буграми” и интенсивностью ненасильственных протестов. Тем не менее эти авторы не смогли обнаружить статистически значимую связь между долей молодежи в населении и протестной активностью; они делают вывод только о связи между ненасильственными протестами и эффектом взаимодействия (*interaction term*) “молодежных бугров” и проникновения информационных и коммуникационных технологий [ibidem].

Настоящая работа направлена на выявление взаимосвязи между “молодежными буграми” и интенсивностью ненасильственных протестов. Таким образом, основная гипотеза может быть сформулирована следующим образом: “Повышенная доля молодежи в общей численности взрослого населения страны является положительным предиктором интенсивности антиправительственных демонстраций”.

“МОЛОДЕЖНЫЕ БУГРЫ”, ПРОТЕСТНАЯ АКТИВНОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ

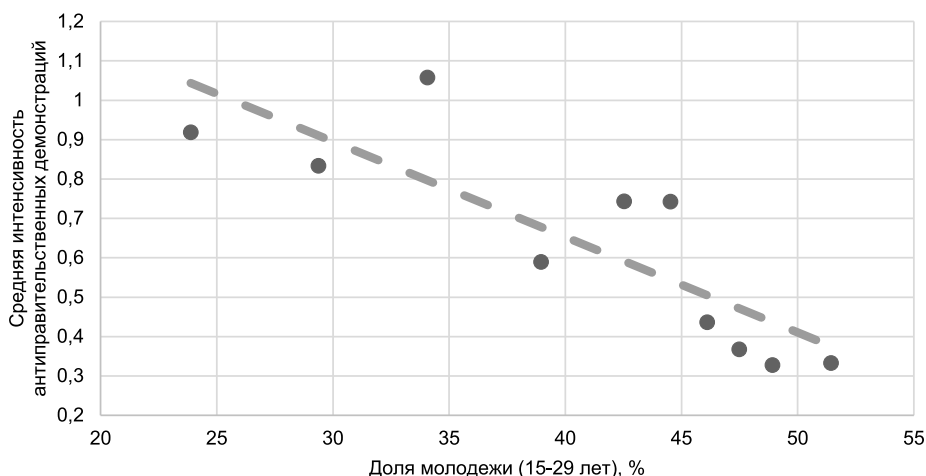
В свете сказанного выше весьма симптоматично, что прямой тест на корреляцию между долей молодых людей в возрасте 15-29 лет в общей численности взрослого населения и интенсивностью ненасильственных акций протеста выявляет довольно сильную *отрицательную* корреляцию — т.е. на первый взгляд получается, что чем моложе население, тем меньшую интенсивность ненасильственных протестов следует от него ожидать (см. рис. 1). Мы имеем

дело с достаточно сильной отрицательной корреляцией по децилям между долей молодежи в общей численности взрослого (15+) населения и интенсивностью антиправительственных демонстраций. В трех децилях с самой низкой долей молодежи, менее 35%, средняя интенсивность протестов составляет около одной антиправительственной демонстрации на страну каждый год, тогда как в трех децилях с наивысшим значением этого показателя (более 42%) — около одной демонстрации каждые три года. Для децилей с промежуточными значениями доли молодежи в общей численности взрослого населения мы наблюдаем промежуточные уровни интенсивности антиправительственных протестов.

Рисунок 1 (Figure 1)

Корреляция между долей (%) молодежи в возрасте 15–29 лет (% от общей численности населения в возрасте 15+) и средней интенсивностью протестной активности (подецильный анализ)¹, 1950–2008 гг.

Correlation between the proportion (%) of young people aged 15–29 (% of the total population aged 15+) and the average intensity of protest activity (sub-specific analysis), 1950–2008

Примечание: $r = -0,83$, $p = 0,003^2$, $R^2 = 0,684$. Источники данных: Banks, Wilson 2019; UN Population Division 2019. Данные по 146 странам и территориям мира.

Однако есть основания полагать, что это соотношение не следует интерпретировать как индикатор негативного влияния “молодежных бугров” на протестную активность. Эта корреляция фактически объясняется изменением как доли молодежи, так и протестной активности в процессе модернизации. После того же, как вводится контроль на модернизационные факторы, влияние доли молодежи на интенсивность протеста оказывается положительным. Отрицательная корреляция между долей молодых людей в общей

¹ При подецильном анализе выборка разбивается на 10 децилей по независимой переменной и при этом рассчитываются средние значения для каждого дециля по каждой из переменных.

² Особо отметим, что двусторонняя отрицательная биномиальная регрессия с долей молодежи в общей численности взрослого населения в качестве зависимой переменной и интенсивностью антиправительственных демонстраций в качестве независимой переменной также указывает на наличие статистически значимой отрицательной корреляции между интересующими нас переменными (см. табл. и табл. S2 в Приложении на сайте журнала, <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Romanov-App-1.pdf>).

численности взрослого населения и интенсивностью ненасильственных антиправительственных акций протеста может рассматриваться как результат взаимодействия ряда фундаментальных факторов.

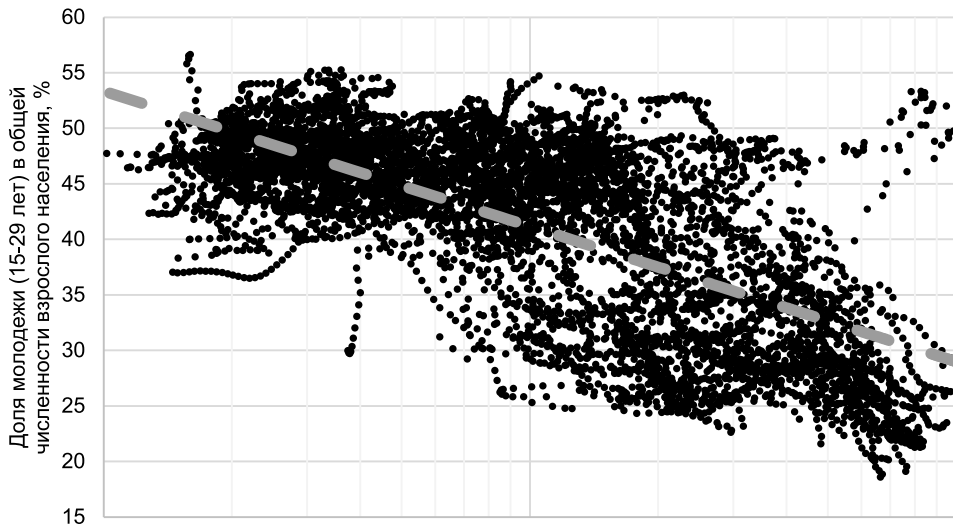
Очень важным моментом является то, что для рассматриваемого периода (1950-2008 гг.)³ модернизация экономики и увеличение подушевого ВВП демонстрирует отрицательную корреляцию с долей молодежи в общей численности взрослого населения (см. рис. 2).

Рисунок 2 (Figure 2)

Корреляция между уровнем ВВП на душу населения, ППС (логарифмическая шкала) и долей молодежи 15-29 лет в общей численности взрослого населения, 1950-2008 гг.

Диаграмма рассеивания с наложенной линией логарифмической регрессии.

Correlation between the level of GDP per capita, PPP (logarithmic scale) and the proportion of young people aged 15-29 in the total adult population, 1950-2008. Scatter plot with superimposed logarithmic regression line

Источники данных: UN Population Division 2019; Maddison 2010.

Следует отметить, что отрицательная корреляция между ВВП на душу населения и долей молодежи в общей численности взрослого населения объясняется механизмами демографического перехода. Демографический переход — это переход от традиционного режима воспроизводства населения, характеризующегося высокой рождаемостью и высокой смертностью, к современному режиму, характеризующемуся низкой рождаемостью и низкой смертностью (см., например, [Вишневский 2005; Chesnais 1992; Caldwell 2006; Gould 2015]). Исследователи обычно выделяют две основные фазы демографического перехода. Интенсивная экономическая и социаль-

³ То, что в качестве верхней хронологической границы рассматриваемого периода был выбран 2008 г., связано с тем обстоятельством, что общепризнанные оценки А. Мэддисоном динамики ВВП по странам [Maddison 2010] имеются только до 2008 г. (что связано со смертью А. Мэддисона в 2010 г.). База данных Всемирного банка содержит оценки ВВП по странам только с 1990 года. См. *World Bank*. 2019. GDP per capita, PPP (constant 2011 international \$). URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.KD> (accessed 10.05.2019).

ная модернизация западных стран, начавшаяся в конце XVIII в., привела там в XIX в., на первой фазе демографического перехода, к увеличению ожидаемой продолжительности жизни, обусловленной прежде всего значительным снижением младенческой и детской смертности, что привело к росту “молодежных бугров”, которые способствовали европейским революциям XIX в. [Goldstone 1991; Caldwell 2006; Dyson 2013; Gould 2015]. В 1870-1920-х годах большинство стран Западной Европы перешло к следующему этапу демографического перехода. На этом этапе уровень рождаемости значительно снизился, что привело к общему старению населения, увеличению медианного возраста и (с определенным отставанием) к уменьшению доли молодежи в общей численности взрослого населения.

Та же логика применима и к большинству развивающихся стран после Второй мировой войны. После Второй мировой войны глобальное внедрение современных медицинских технологий (особенно антибиотиков) привело к заметному снижению смертности во всех развивающихся странах, большинство из которых, таким образом, довольно быстро (зачастую еще до 1960-х годов) прошли первую фазу демографического перехода, что привело к значительному увеличению доли молодежи среди взрослого населения [Preston 1979; Dyson 2013; Gould 2015]. С 1960-х годов развивающиеся страны начали приближаться ко второй фазе демографического перехода. Дальнейшая модернизация социальных систем приводит к снижению рождаемости — например, в результате урбанизации или распространения образования, особенно среди женщин, поскольку образованные женщины, как правило, контролируют свою фертильность гораздо эффективнее, чем необразованные. Как и ранее в Европе, в большинстве развивающихся стран это привело в последние десятилетия к началу старения населения.

В этом контексте важно, что интенсивность ненасильственных акций протеста положительно коррелирует с модернизацией экономики (см. [Коротаев и др. 2016, 2017] и рис. S1 онлайн). Чтобы объяснить положительную корреляцию между экономической модернизацией и интенсивностью антиправительственных демонстраций, необходимо принять во внимание ряд факторов. Одним из них является демократизация.

Процесс экономической модернизации, как правило, сопровождается ростом доли демократий [Lipset 1959; Dahl 1971; Londregan, Poole 1996; Przeworski, Limongi 1997; Epstein et al. 2006; Korotayev et al. 2018].

Особенно важно, что доля демократических государств среди стран с более высоким уровнем дохода, как правило, куда значительнее, чем среди стран с более низким уровнем дохода (см., например, [Korotayev et al. 2018: 418, рис. 6]). Другими словами, более развитые страны имеют тенденцию быть гораздо менее авторитарными, что увеличивает интенсивность мирных демонстраций, в то время как полные автократии почти по определению являются довольно сильными ингибиторами мирных антиправительственных акций протеста (см., например, [Коротаев и др. 2016; Korotayev et al. 2018]), а значит, уменьшение их доли среди более экономически развитых стран будет в тенденции сопровождаться увеличением интенсивности мирных антиправительственных акций протеста.

Другим важным результатом модернизации является взрывной рост урбанизации, который можно измерить через долю городского населения в об-

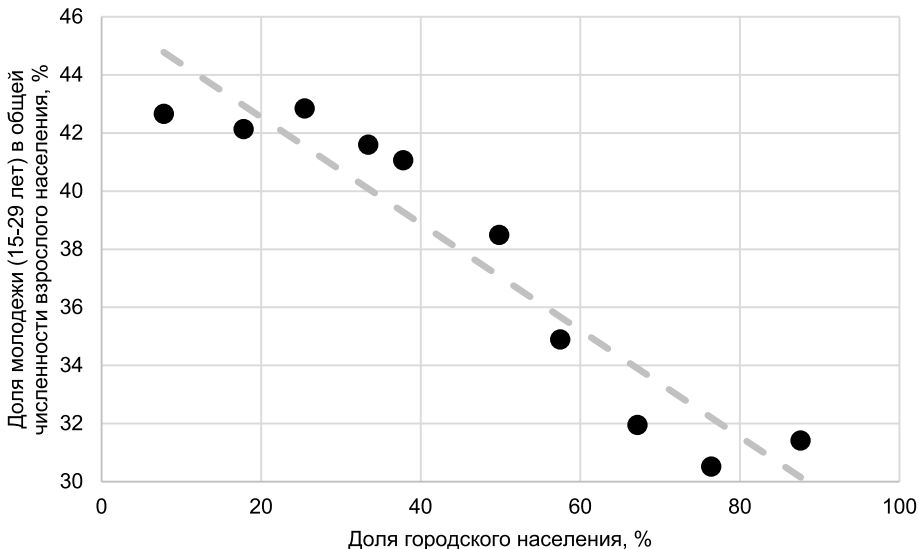
щей численности населения. Важно, что “молодежные бугры” в целом выше в странах с меньшим уровнем урбанизации (см. рис. 3).

Как мы видим, в странах с самыми низкими уровнями урбанизации (менее ~30%) “молодежные бугры” являются наиболее выраженными, при этом средняя доля молодежи (в возрасте 15-29 лет) в общей численности взрослого населения составляет около 42-43%. Эта доля немного уменьшается с ростом урбанизации примерно до 50% (средняя доля молодежи в странах, где примерно половина населения проживает в городах, составляет около 39%). Существенное снижение доли молодежи (с 39% до 32%) наблюдается при росте урбанизации с 50% до 70% городского населения. С другой стороны, среди стран с наивысшим уровнем урбанизации (более ~70%) “молодежные бугры” являются наименее выраженными, при этом средняя доля молодежи составляет менее 30-31%.

Рисунок 3 (Figure 3)

**Корреляция между долей городского населения (%) и долей молодежи (%)
(в возрасте от 15 до 29 лет) (подецильный анализ), 1950-2008 гг.**

*Correlation between the proportion of the urban population (%) and the proportion of young people (%)
(aged 15-29) (sub-specific analysis), 1950-2008*

Источник данных: UN Population Division 2019.

Как показали некоторые исследования (см., например, [Urdal, Hoelscher 2012; Dahl et al. 2014; Gleditsch, Rivera 2017: 131]), повышенный уровень урбанизации может быть важным фактором повышенного уровня социальных протестов как насильственной, так и ненасильственной природы. Более высокий уровень урбанизации отрицательно коррелирует с долей молодежи — таким образом, на фоне положительной корреляции между уровнем урбанизации и интенсивностью протеста мы можем иметь дело с механизмом, объясняющим отрицательную корреляцию между долей молодежи в общей численности взрослого населения и интенсивностью ненасильственных протестов.

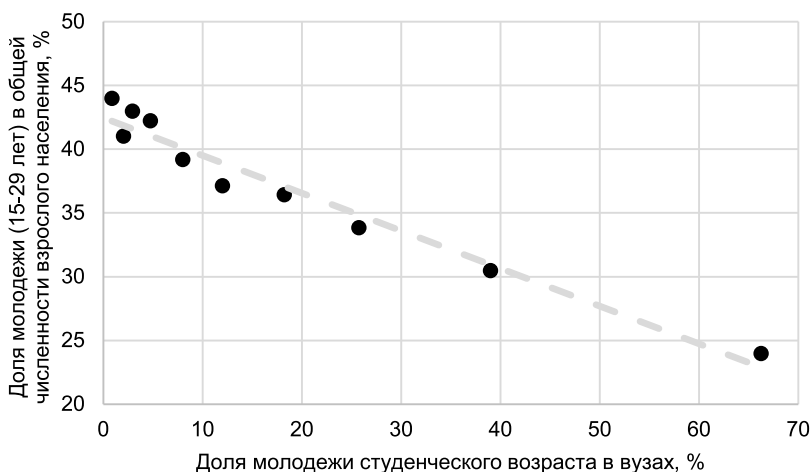
Другим важным результатом процесса модернизации экономики является диффузия формального образования [Barro 1991; Sala-i-Martin, Doppelhofer, Miller, 2004; Benos, Zotou 2014]. В свою очередь, некоторые исследования

показывают, что уровень образования населения тесно коррелирует с интенсивностью антиправительственных демонстраций — ненасильственные демонстрации являются более популярной формой протеста среди образованных людей ([Barnes, Kaase 1979; Hall et al. 1996; Jenkins, Wallace 1996; Korotayev et al. 2018; об общей положительной корреляции между распространением образования и социально-политической дестабилизацией (см., например, [Huntington 1996; Goldstone 1991, 2002; Lia 2007; Weber 2019]).

Поскольку для стран с более низкими уровнями рождаемости характерен более высокий уровень экономического развития и охвата населения формальным образованием [Lutz, Qiang 2002], неудивительно, что в странах с более выраженными “молодежными буграми” мы можем наблюдать более низкий уровень образования. На следующей диаграмме рассеивания описывается корреляция между “молодежными буграми” и уровнем диффузии формального образования, измеряемым через долю молодежи студенческого возраста, проходящей обучение в вузах (см. рис. 4).

Рисунок 4 (Figure 4)

Корреляция между долей (%) молодежи (в возрасте от 15 до 29 лет) в общей численности взрослого населения, и долей (%) молодежи студенческого возраста, проходящей обучение в вузах (по децилям), 1950-2008 гг.
Correlation between the proportion (%) of young people (aged 15-29) in the total adult population, and the tertiary enrollment rate (by deciles), 1950-2008

В странах первых четырех децилей с очень высокой (более 41%) долей молодежи в общей численности взрослого населения средний уровень охвата высшим образованием не превышает 5%, тогда как в децилях с самой низкой средней долей молодежи (~24%), доля молодежи студенческого возраста, проходящей обучение в вузах, превышает 66%. Таким образом, для децилей стран с самой низкой долей молодежи уровень охвата молодежи студенческого возраста высшим образованием оказывается в 66 раз выше, чем среди децилей с самой высокой долей молодежи. В диапазоне от 41 до 23% (по доли молодежи) мы наблюдаем довольно заметное увеличение уровня охвата молодежи студенческого возраста высшим образованием по мере “рассасывания” молодежных бугров.

Итак, в странах с большей долей молодого населения в общей численности взрослого населения мы имеем тенденцию обнаруживать меньший уровень охвата молодежи студенческого возраста высшим образованием, что справедливо и для таких показателей, как среднее число лет обучения и доля грамотных⁴. Как было упомянуто выше, рост охвата населения формальным образованием положительно коррелирует с интенсивностью ненасильственных протестов — таким образом, мы имеем дело с еще одним возможным механизмом, объясняющим непосредственную отрицательную корреляцию между долей молодежи в общей численности взрослого населения и интенсивностью ненасильственных протестов.

По-видимому, именно модернизация экономики и тесно связанные с модернизацией социальные и политические макропроцессы (демократизация, распространение формального образования и урбанизации, снижение рождаемости и т.д.) и могут объяснять отраженную на рис. 1 глобальную отрицательную корреляцию между высокой долей молодежи в общей численности взрослого населения (“молодежными буграми”) и интенсивностью антиправительственных демонстраций в проанализированной генеральной совокупности стран мира (за 1950-2008 гг.). Однако при рассмотрении связи между уровнем ненасильственных демонстраций и “молодежными буграми” на определенных уровнях модернизации и с учетом различных политических режимов видна положительная корреляция между двумя переменными.

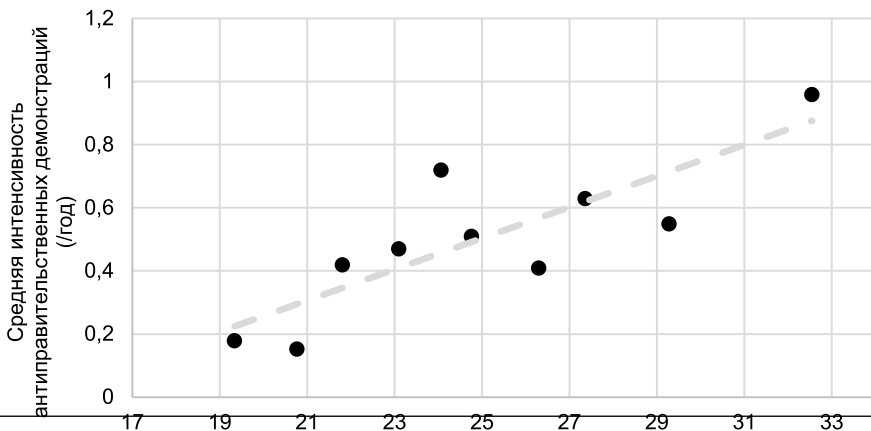
Рассмотрим взаимосвязь между “молодежными буграми” и ненасильственными демонстрациями в наиболее экономически развитых странах с демократическим политическим режимом (см. рис. 5).

173

Рисунок 5 (Figure 5)

Корреляция между долей (%) молодых людей (в возрасте 15-29 лет) в общей численности взрослого населения и средней интенсивностью протестной активности (по децилям) в наиболее экономически развитых странах с демократическими политическими режимами, 1950-2008 гг.

Correlation between the share (%) of young people (aged 15-29) in the total adult population and the average intensity of protest activity (by deciles) in the most economically developed countries with democratic political regimes, 1950-2008

⁴ См., например: United Nations Development Program, Human Development Data, 2020. URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/> (accessed 02.02.2020).

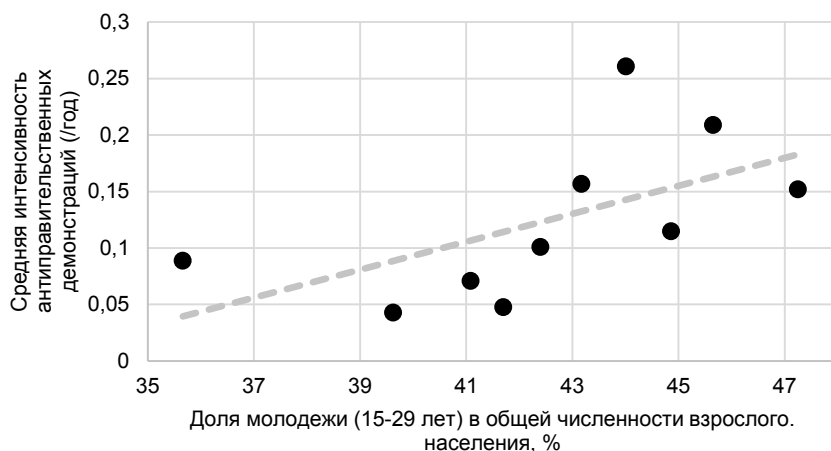
В наиболее экономически развитых демократических странах существует положительная корреляция между уровнем протестной активности и “молодежными буграми”, что прямо противоположно общему паттерну, отраженному на рис. 1. Эта же корреляция для наименее экономически развитых стран с полностью или частично авторитарными режимами представлена на рис. 6.

И на этом уровне социально-политической и экономической модернизации, прослеживается положительная корреляция между “молодежными буграми” и интенсивностью антиправительственных демонстраций.

Рисунок 6 (Figure 6)

Корреляция между средней интенсивностью протестной активности и долей (%) молодых людей (в возрасте 15-29 лет) в наименее экономически развитых странах с авторитарным режимом (по децилям), 1950-2008 гг.

Correlation between the average intensity of protest activity and the proportion (%) of young people (aged 15-29) in the least economically developed countries with an authoritarian regime (by deciles), 1950-2008

Результаты, представленные на рис. 1, 5 и 6, показывают, что связь между “молодежными буграми” и интенсивностью антиправительственных демонстраций, по-видимому, различается в зависимости от того, идет ли речь о всех обществах (находящихся на разных фазах модернизации, а значит, без контроля на модернизацию) или только об обществах одной фазы (т.е., по сути, при контроле на модернизацию).

Итак, переменные, связанные с экономической, социокультурной и политической модернизацией, такие как уровень урбанизации, демократизации или охвата населения формальным образованием, могут оказать сильное влияние на связь между “молодежными буграми” и интенсивностью антиправительственных демонстраций. Следовательно, эту связь следует изучать прежде всего в контексте рассмотренных модернизационных переменных.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Для того, чтобы проверить связь между долей молодежи в общей численности взрослого населения (“молодежными буграми”) и интенсивностью

антиправительственных демонстраций, мы использовали информацию базы данных *Cross-National Time-Series (CNTS)* [Banks, Willson 2019], которые содержат переменную, отражающие мирные протесты – (“Антиправительственные демонстрации”). Система *CNTS* определяет антиправительственные демонстрации как “любое мирное собрание с участием не менее 100 человек с целью демонстрации или проявления оппозиции государственной политике или власти” [Willson 2019: 13]. Эта переменная указывает на число мирных протестов, зафиксированных системой *CNTS* в данный год в данной стране. Это будет наша зависимая переменная.

Универсального подхода к определению “молодежных бугров” не существует. В ранних исследованиях по выявлению связи между “молодежными буграми” и вооруженными конфликтами, проводившихся П. Кольером и А. Хоффлер [Collier, Hoeffler 2004], а также Дж. Фионом и Д. Лайтином [Fearon, Laitin 2003], “молодежные бугры” описывались как отношение численности молодежных когорт 15-24 лет, поделенных на общую численность населения страны. В своем теоретическом исследовании С. Хантингтон [Huntington 1996] прибегал к аналогичной операционализации “молодежных бугров”. Этот подход к определению подвергся критике со стороны Х. Урдала, который утверждал, что такое измерение “молодежных бугров” может быть проблематичным из-за недооценки некоторых демографических факторов в странах с сохраняющимися высокими показателями рождаемости [Urdal 2004]. Сам Урдал предлагает измерять “молодежные бугры” как долю молодых людей в возрасте 15-24 или 15-29 лет от общей численности взрослого населения старше 15 лет [Urdal 2004, 2006, 2008]. Точно такой же подход к определению “молодежных бугров” используется, скажем, Р. Нордасом и К. Дэйвенпортом [Nordås, Davenport 2013] или М. Фарзанеганом и С. Виттхуном [Farzanegan, Witthuhn 2017]. В нашем исследовании мы придерживаемся именно этой операционализации “молодежных бугров” и проводим тестирование с использованием обоих основных вариантов определения “молодежи” (как лиц в возрасте 15-24 года или 15-29 лет).

Мы берем сведения о численности населения и молодежи из базы данных Отдела народонаселения ООН [UN Population Division 2019]. Эта база данных содержит данные о численности населения той или иной страны по разным возрастным группам за период 1950–2008 гг. и за последующие годы. Многие исследователи отмечают, что уровень экономического развития может повлиять на интенсивность дестабилизации в стране. Более высокий уровень экономического развития создает условия, способствующие мирным протестам, создавая плотную инфраструктуру для общения между потенциальными протестующими, а также средствами массовой информации, которые повышают осведомленность общественности о протестной активности (см., например, [Dalton et al. 2010; Korotayev et al. 2018]).

Чтобы ввести контроль на уровень экономического развития страны, мы используем сведения о ВВП на душу населения (по ППС)⁵ из базы данных А. Мэддисона [Maddison 2010]. Мы будем использовать эту базу данных, поскольку она охватывает генеральную совокупность стран мира с 1950 по 2008 гг. В частности, она охватывает развивающиеся страны в период 1950–1970 гг., когда они проходили через первую фазу демографического перехода, харак-

⁵ В международных долларах Гири – Хамиса 1990 г.

теризовавшуюся снижением детской смертности на фоне все еще высокой рождаемости, что было главным фактором появления “молодежных бугров” в этих странах [см. Korotayev et al. 2015]. Мы используем для контроля логарифм ВВП на душу населения для нормализации распределения этой переменной.

В странах с большим населением в тенденции наблюдается больше протестов. Поэтому мы вводим дополнительный контроль на общую численность населения в стране. Мы берем данные о населении из базы данных Отдела народонаселения ООН [UN Population Division 2019]. Для нормализации распределения мы используем логарифм данной переменной.

Одним из важных предикторов интенсивности мирных протестов является уровень урбанизации. Мы вводим контроль на уровень урбанизации в стране, используя базу данных Отдела народонаселения ООН [ibidem]. Чтобы измерить уровень урбанизации, мы делим численность городского населения на общую численность населения страны.

Другой важной переменной, которая оказывает сильное влияние на протесты, является диффузия формального образования. Для контроля на распространение образования мы используем такое измерение образования как доля молодежи студенческого возраста, проходящей обучение в вузах. Эти сведения взяты из базы данных *V-Dem* [Coppedge et al. 2018], создатели которой для данного показателя опирались на информацию Р. Барроу и Дж.-В. Ли [Barro, Lee 2015].

Наконец, тип политического режима оказывает значительное влияние на различные типы нестабильности, включая мирные демонстрации [см. Korotayev et al. 2018]. Поэтому вводится дополнительная контрольная переменная, которая отражает тип политического режима в соответствующей стране. Мы используем данные о политическом режиме/индекс демократии из базы данных *Polity IV* [Marshall, Gurr, Jaggers 2016]. Напомним, что *Polity IV* применяет шкалу, которая варьируется от -10 (“Автократия”) до +10 (“Полная демократия”).

Ключевым методом исследования является отрицательная биномиальная регрессия. Ее специфика позволяет избежать проблем, связанных с кардинально отличным от нормального пуассоновским распределением зависимой переменной с большим числом нулей (а наша зависимая переменная является здесь характерным примером). Это не позволяет применять стандартную параметрическую МНК-регрессию, которая базируется на допущении о нормальном распределении зависимой переменной [Hilbe 2011]. Поскольку данные организованы в виде панели, мы вводим контроль на фиксированные эффекты по странам и годам.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Итак, проверим нашу основную гипотезу о существовании связи между повышенной долей молодежи (молодых людей в возрасте 15–24 года / 15–29 лет) в общей численности взрослого населения (“молодежными буграми”) и интенсивностью антиправительственных демонстраций. В таблице приведены результаты отрицательных биномиальных моделей с фиксированными эффектами, в которых проверяется связь между “молодежными буграми”, измеряемыми как доля молодых людей (в возрасте от 15 до 24 лет) в общей численности взрослого населения, и интенсивностью ненасильственных антиправительственных демонстраций.

Модель 1 с “молодежными буграми” в качестве единственной независимой переменной указывает на отрицательную статистически значимую корреля-

цию между “молодежными буграми” (15-24 года) и интенсивностью ненасильственных антиправительственных демонстраций. Однако после того, как в Модели 2 мы добавляем соответствующие контрольные переменные, отражающие разного рода результаты процесса экономической, социокультурной и политической модернизации, корреляция между двумя переменными оказывается положительной. При этом значения IRR, рассчитанные для Модели 2, указывают на то, что один процент увеличения “молодежных бугров” (в возрасте от 15 до 24 лет) ведет в тенденции (при учете вышеупомянутых контролей) к увеличению общего числа ненасильственных акций протеста на 4,3%⁶ (а рост этой доли на 10% – к полуторакратному увеличению протестной активности, т.е. к достаточно заметному эффекту).

Таблица (Table)

**Отрицательная биномиальная регрессия с фиксированными эффектами:
“молодежные бугры” (15–24 года) и интенсивность ненасильственных акций протеста,
1950-2008 гг.**

*Negative binomial regression with fixed effects:
youth bulges (age 15-24) and intensity of nonviolent protests, 1950-2008*

	Зависимая переменная	
	Антиправительственные демонстрации	
	(1)	(2)
Константа	-0,074	-4,456***
	(0,144)	(0,860)
“Молодежные бугры” (15-24)	-0,045***	0,042***
	(0,005)	(0,010)
Log(ВВП на душу населения)		-0,282**
		(0,093)
Log(население)		0,280***
		(0,035)
Демократичность режима ⁷		0,015*
		(0,006)
Урбанизация		0,038***
		(0,004)
“Образование” ⁸		0,007**
		(0,003)
Фиксированные по времени эффекты	Да	Да
Фиксированные по стране эффекты	Да	Да
Наблюдения	8 131	5 378
Информационный критерий Акаике	12557	7873

Примечание: *p<0,05; **p<0,01; ***p<0,001.

⁶ Значение *Incidence Rate Ratio (IRR)* – 1,043.

⁷ Индекс демократии *Polity IV*.

⁸ Доля молодежи студенческого возраста, проходящей обучение в вузах.

Важно, что полученные результаты остаются стабильными, независимо от выбора способа операционализации “молодежных бугров” — в качестве доли молодежи в возрасте 15–24 лет в общей численности взрослого населения (см. табл.) или как доли молодежи в возрасте 15–29 лет (см. табл. S2 онлайн в *Приложении на сайте журнала*⁹), что дополнительно подтверждает гипотезу о положительной статистически значимой связи между “молодежными буграми”, охватывающими рассматриваемые когорты молодежи, и интенсивностью ненасильственных протестных действий. Результаты остаются стабильными при разбиении базы данных на две подвыборки: для периода холодной войны (до 1991 г.) и для периода после 1991 г. (см. табл. S3 в *Приложении на сайте журнала*¹⁰).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой статье мы фокусируемся на влиянии повышенной доли молодежи (в возрасте 15–24 года и 15–29 лет) в общей численности взрослого населения (“молодежных бугров”) на интенсивность ненасильственных акций протеста.

В вводной части мы показали, что прямой анализ корреляции между долей молодежи в общей численности взрослого населения и интенсивностью мирных антиправительственных демонстраций приводит к неожиданным результатам, так как в этом случае мы сталкиваемся со статистически значимой *отрицательной* корреляцией. Однако мы выяснили, что в этом случае мы имеем дело с эффектами социально-политической, социокультурной и экономической модернизации. Дело в том, что благодаря хорошо известным механизмам демографического перехода в более развитых странах доля молодежи в населении страны, как правило, значительно ниже.

С другой стороны, интенсивность ненасильственных акций протеста в более развитых странах в целом выше. Это объясняется несколькими механизмами. Например, экономический рост, как правило, сопровождается снижением доли полных автократий в целом достаточно эффективно препятствующих проведению ненасильственных протестных акций. Другими словами, более развитые страны имеют тенденцию быть гораздо менее авторитарными, и уменьшение числа полных автократий среди более экономически развитых стран неизбежно связано с увеличением интенсивности ненасильственных антиправительственных акций протеста. Другие такого рода факторы — это урбанизация и охват населения формальным образованием. После введения контролей на подушевой ВВП, демократичность политического режима, уровень распространенности формального образования и урбанизацию повышенная доля молодежи в общей численности взрослого населения оказывается фактором, позитивно коррелирующим с частотой антиправительственных демонстраций, в то время как без этих контролей “молодежные бугры” оказываются скорее предикторами относительно низкой интенсивности ненасильственных протестов.

Тем не менее, мы хотели бы подчеркнуть, что тот факт, что в отсутствие контролей уверенно обнаруживается статистически значимая отрицательная корреляция между долей молодежи в общей численности взрослого населения и интенсивностью ненасильственных акций протеста, представляет собственный интерес. Действительно, из этого следует, что само по себе знание того, что

⁹ URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2021/3/Polis-2021-3-Romanov-App-1.pdf>

¹⁰ Там же.

в стране А мы находим очень высокую долю молодежи в общей численности взрослого населения, а в стране Б эта доля очень низкая, позволяет предполагать, что мы должны ожидать более высокую интенсивность ненасильственных акций протеста в стране Б, а не в стране А. Следовательно, нужно быть очень осторожными и не спешить с выводами при рассмотрении этого предиктора. Модернизация, которая обычно сопровождается снижением рождаемости и, следовательно, уменьшением “молодежных бугров”, создает мощные силы, такие как урбанизация, демократизация и рост охвата населения формальным образованием, которые с избытком компенсируют уменьшение “молодежных бугров”, хотя сама по себе высокая доля молодежи при прочих равных все-таки является фактором повышенной интенсивности протестных акций.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.11

THE SHARE OF YOUTH IN THE TOTAL POPULATION AS A FACTOR OF INTENSITY OF NON-VIOLENT PROTESTS: A QUANTITATIVE ANALYSIS

D.M. Romanov¹, K.V. Meshcherina¹, A.V. Korotayev^{1,2}

¹ National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia

² Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia

ROMANOV, Daniil Mikhailovich, junior researcher, Socio-Political Destabilization Risk Monitoring Laboratory, National Research University Higher School of Economics, email: dm.romanov@me.com; **MESHCHERINA, Kira Vladimirovna**, master (Polit. Sci.), lecturer, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University Higher School of Economics, email: k.meshcherina@hotmail.com; **KOROTAYEV, Andrei Vital'evich**, Ph.D., Dr. Sci. (Hist.), Professor, Head of Socio-Political Destabilization Risk Monitoring Laboratory, National Research University Higher School of Economics; Professor, Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University, email: akorotayev@gmail.com

Romanov D.M., Meshcherina K.V., Korotayev A.V. The Share of Youth in the Total Population as a Factor of Intensity of Non-Violent Protests: A Quantitative Analysis. — Polis. Political Studies. 2021. No. 3. P. 166–181. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.11>

Acknowledgements. This article was prepared in the framework of the HSE University Fundamental Research Program in 2020 with financial support provided by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00254. The authors express their gratitude to S.A. Nikiforova for invaluable help in the preparation of this article.

Received: 28.12.2019. Accepted: 04.09.2020

Abstract. Studies in political demography suggest that there should be a positive correlation between the increased share of youth in the total population (‘youth bulges’) and the intensity of anti-government demonstrations. However, a correlation analysis (without adding any control variables) between the youth bulges and the intensity of non-violent protests demonstrates unexpected results: in this case, a statistically significant negative correlation is identified instead. It is shown that this is due to sociopolitical, sociocultural, and economic modernization factors. In the long run, modernization — through a decrease in the birth rate and an increase in life expectancy — leads to the population ageing and a reduction in the share of youth in the total adult population, which by itself acts as a factor in reducing the intensity of anti-government demonstrations. Nevertheless, on the other hand, modernization gives rise to other powerful factors, such as democratization, urbanization, and the expansion of formal education, which are more than able to compensate for the ‘youth bulge’ decline. These theoretical expectations have been confirmed by our tests. After the introduction of respective control variables, ‘youth bulges’ turn out to be a factor increasing the intensity of protests, yet without these controls they become a predictor of the relatively low intensity of non-violent protests. Thus, our tests show that a high proportion of young people in the total population, all other things being equal, is still a factor in the increased intensity of anti-government demonstrations; without a decrease in ‘youth bulges’, modernization would have led to a significantly more pronounced increase in the intensity of non-violent protests.

Keywords: non-violent protests, political demography, youth bulges, modernization, political instability.

References

- Ang A.U., Shlomi D., Russell E.L. 2014. Protests by the Young and Digitally Restless: The Means, Motives, and Opportunities of Anti-Government Demonstrations. — *Information, Communication & Society*. Vol. 17. No. 10. P. 1228-1249. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.918635>
- Banks A., Wilson K.A. 2019. *Cross-National Time-Series Data Archive*. Jerusalem: Databanks International. URL: <http://www.databanksinternational.com> (accessed 01.09.2019).
- Barnes S.H., Kaase M. 1979. *Political Action. Mass Participation in Five Western Democracies*. Beverly Hills, CA: Sage.
- Barro R.J. 1991. Economic Growth in a Cross Section of Countries. — *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 106. No. 2. P. 407-443. <https://doi.org/10.2307/2937943>
- Barro R.J., Lee J.W. 2015. *Education Matters. Global Schooling Gains From the 19th To the 21st Century*. Oxford: Oxford University Press.
- Benos N., Zotou S. 2014. Education and Economic Growth: A Meta-Regression Analysis. — *World Development*. Vol. 64. P. 669-689. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.06.034>
- Caldwell J.C. 2006. *Demographic Transition Theory*. Dordrecht: Springer.
- Chesnais J.-C. 1992. *The Demographic Transition: Stages, Patterns, and Economic Implications*. Oxford: Oxford University Press.
- Collier P., Hoeffler A. 2004. Greed and Grievance in Civil War. — *Oxford Economic Papers*. Vol. 56. No. 4. P. 563-595. <https://doi.org/10.1093/oenp/gpf064>
- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C.H., Lindberg S.I., Skaaning S.-E., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Fish M.S., Cornell A., Dahm S., Gjerløw H., Glynn A., Hicken A., Krusell J., Lüthmann A., Marquardt K.L., McMann K., Mechkova V., Medzihorsky J., Olin M., Paxton P., Pemstein D., Pernes J., von Römer J., Seim B., Sigman R., Staton J., Stepanova N., Sundström A., Tzelgov E., Wang Yi-t., Wig T., Wilson S., Ziblatt D. 2018. V-Dem Codebook v8. — *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*.
- Dahl R.A. 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press.
- Dahl M., Gates S., Gleditsch K.S., Gonzalez B. 2014. *Accounting for Numbers: Actor Profiles and Violent and Non-Violent Tactics*. Oslo: Peace Research Institute Oslo.
- Dyson T. 2013. *Population and Development: The Demographic Transition*. London: Zed Books Ltd.
- Epstein D.L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006. Democratic transitions. — *American Journal of Political Science*. Vol. 50. No. 3. P. 551-569. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2006.00201.x>
- Farzanegan M.R., Witthuhn S. 2017. Corruption and Political Stability: Does the Youth Bulge Matter? — *European Journal of Political Economy*. No. 49: P. 47-70. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2016.12.007>
- Fearon J.D., Laitin D.D. 2003. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. — *American Political Science Review*. Vol. 97. No. 1. P. 75-90. <https://doi.org/10.1017/S0003055403000534>
- Flückiger M., Ludwig M. 2018. Youth Bulges and Civil Conflict: Causal Evidence from Sub-Saharan Africa. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 62. No. 9. P. 1932-1962. <https://doi.org/10.1177/0022002717707303>
- Fuller G.E. 2004. *The Youth Crisis in Middle Eastern Society*. Clinton Township: Institute of Social Policy and Understanding.
- Gleditsch K.S., Rivera M. 2017. The Diffusion of Nonviolent Campaigns. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 61. No. 5. P. 1120-1145. <https://doi.org/10.1177/0022002715603101>
- Goldstone J.A. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J.A. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. — *Journal of International Affairs*. Vol. 56. No. 1. P. 3-21.
- Goldstone J.A., Bates R.H., Epstein D.L., Gurr T.R., Lustik M.B., Marshall M.G., Ulfelder J., Woodward M. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability. — *American Journal of Political Science*. Vol. 54. No. 1. P. 190-208. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00426.x>
- Gould W. 2015. *Population and Development*. London: Routledge.
- Heinsohn G. 2003. *Söhne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli.
- Hilbe J.M. 2011. *Negative Binomial Regression*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Huntington S.P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY: Simon & Schuster.
- Jenkins J.C., Wallace M. 1996. The Generalized Action Potential of Protest Movements: The New Class, Social Trends, and Political Exclusion Explanations. — *Sociological Forum*. Vol. 11. No. 2. P. 183-207. <https://doi.org/10.1007/BF02408364>
- Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. 2018. GDP per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. — *Cross-Cultural Research*. Vol. 52. No. 4. P. 406-440. <https://doi.org/10.1177/1069397117732328>

- Korotayev A., Zinkina J., Goldstone J.A. 2015. Phases of Global Demographic Transition Correlate with Phases of the Great Divergence and Great Convergence. — *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 95. P. 163–169. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2015.01.017>
- Lia B. 2007. *Globalisation and the Future of Terrorism: Patterns and Predictions*. London: Routledge.
- Lipset S.M. 1959. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. — *American Political Science Review*. Vol. 53. No. 1. P. 69–105. <https://doi.org/10.2307/1951731>
- Londregan J.B., Poole K.T. 1996. Does High Income Promote Democracy? — *World Politics*. Vol. 49. P. 1–30. <https://doi.org/10.1353/wp.1996.0024>
- Lutz W., Qiang R. 2002. Determinants of Human Population Growth. — *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences*. Vol. 357. No. 1425. P. 1197–1210. <https://doi.org/10.1098/rstb.2002.1121>
- Maddison A. 2010. *World Population, GDP and Per Capita GDP, A.D. 1–2008*. Database. URL: www.ggdc.net/maddison (accessed 01.05.2019).
- Marshall M.G., Gurr T.R., Jagers K. 2016. *Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800–2013*. Vienna, VA: Center for Systemic Peace.
- Nordås R., Davenport C. 2013. Fight the Youth: Youth Bulges and State Repression. — *American Journal of Political Science*. Vol. 57. No. 4. P. 926–940. <https://doi.org/10.1111/ajps.12025>
- Preston S.H. 1979. Urban Growth in Developing Countries: A Demographic Reappraisal. — *Population and Development Review*. Vol. 5. No. 2. P. 195–215. <https://doi.org/10.2307/1971823>
- Przeworski A., Limongi F. 1997. Modernization: Theories and facts. — *World Politics*. Vol. 49. No. 2. P. 155–183. <https://doi.org/10.1353/wp.1997.0004>
- Sala-i-Martin X., Doppelhofer G., Miller R.I. 2004. Determinants of Long-Term Growth: A Bayesian Averaging of Classical Estimates (BACE) Approach. — *American Economics Review*. Vol. 94. No. 4. P. 813–835. <https://doi.org/10.1257/0002828042002570>
- UN Population Division. 2019. *World Population Prospects 2019*. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/> (accessed 02.05.2019).
- Urdal H. 2004. *The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950–2000*. Washington, DC: World Bank.
- Urdal H. 2006. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. — *International Studies Quarterly*. Vol. 50. No. 3. P. 607–629. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2006.00416.x>
- Urdal H. 2008. Population, Resources, and Political Violence: A Subnational Study of India, 1956–2002. — *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 52. No. 4. P. 590–617. <https://doi.org/10.1177/0022002708316741>
- Urdal H., Hoelscher K. 2012. Explaining Urban Social Disorder and Violence: An Empirical Study of Event Data From Asian and Sub-Saharan African Cities. — *International Interactions*. Vol. 38. No. 4. P. 512–528. <https://doi.org/10.1080/03050629.2012.697427>
- Weber H. 2019. Age Structure and Political Violence: A Re-Assessment of the “Youth Bulge” Hypothesis. — *International interactions*. Vol. 45. No. 1. P. 80–112. <https://doi.org/10.1080/03050629.2019.1522310>
- Korotayev A.V., Bilyuga S.E., Shishkina A.R. 2016. GDP per Capita, Protest Intensity and Regime Type: A Quantitative Analysis. — *Comparative Politics Russia*. Vol. 7. No. 4. P. 72–94. (In Russ.) [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-72-94](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94)
- Korotayev A.V., Vaskin I.A., Bilyuga S.E. 2017. Olson-Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis. — *Russian Sociological Review*. Vol. 16. No. 1. P. 9–47. (In Russ.)
- Vishnevskiy A.G. 2005. Демографическая теория и демографическая история [Demographic theory and Demographic History]. — *Izbrannye demograficheskie trudy* [Selected Works on Demography]. Vol. 1. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Вишневский А.Г. 2005. Демографическая теория и демографическая история. — *Избранные демографические труды*. Т. 1. М.: Наука.
- Коротаев А.В., Билюга С.Э., Шишкина А.Р. 2016. ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. — *Сравнительная политика*. Т. 7. № 4. С. 72–94. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4\(25\)-72-94](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94)
- Коротаев А.В., Васькин И.А., Билюга С.Э. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. — *Социологическое обозрение*. Т. 16. № 1. С. 9–47.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.12

РОССИЯ И КОРЕЙСКИЙ ПОЛУОСТРОВ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ И ЭМПАТИЯ

А.Л. Лукин

ЛУКИН Артем Леонидович, кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, заместитель директора по науке Восточного института — Школы региональных и международных исследований, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, email: artlukin@mail.ru

Лукин А.Л. Россия и Корейский полуостров: политический реализм и эмпатия. — Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 182–191. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.12>

Статья поступила в редакцию: 25.03.2021. Принята к публикации: 08.04.2021

Аннотация. От развития ситуации на Корейском полуострове, который находится практически в сердцевине Северо-Восточной Азии, во многом будет зависеть стратегическая обстановка в Азиатско-Тихоокеанском регионе и глобальной политике. Монография А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова “Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет” посвящена рассмотрению ситуации на полуострове и вокруг него с 2008 г. до настоящего времени. В книге исследуются сразу несколько крупных взаимосвязанных сюжетов: внутренние процессы в Южной и Северной Корее, отношения между Севером и Югом, ядерная проблема Корейского полуострова и попытки ее решения, перспективы формирования многосторонней архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии, а также политика России на Корейском полуострове и отношения России с каждым из двух корейских государств. Хотя с некоторыми выводами авторов можно поспорить, книгу, отличает, с одной стороны, трезвый и реалистичный анализ процессов на Корейском полуострове, а с другой стороны — чувство геополитической эмпатии, позволяющее лучше понять мотивы, которые толкнули Северную Корею на ракетно-ядерный путь. Авторы монографии предлагают визионерский “северотихоокеанский проект” — институт сотрудничества ключевых игроков в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана, в рамках которого можно было бы взаимодействовать не только по ядерно-стратегической проблематике, но и по самому широкому кругу вопросов.

Ключевые слова: Корейский полуостров, КНДР, Северная Корея, Республика Корея, Южная Корея, Северо-Восточная Азия, ядерная проблема Корейского полуострова, российско-корейские отношения.

Перемещение центра глобальной геополитики в Восточную Азию — это уже почти аксиома. Не в Евро-Атлантике, а на Тихом океане будут решаться судьбы мира в двадцать первом веке. В свою очередь Корейский полуостров — это, пожалуй, главный центр тяжести восточноазиатской геополитики. Именно здесь, в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана, непосредственно пересекаются — и зачастую сталкиваются — все три великие державы мира: США, Китай и Россия. Здесь же располагаются и игроки меньшего ранга, чей военно-политический и экономический вес тем не менее весьма внушителен, — Япония, Южная и Северная Корея, а также Тайвань.

Корейский полуостров интересен еще и тем, что это сегодня единственный кейс, где в чистом виде явлено соперничество двух конкурирующих социально-политических моделей — либеральной и авторитарно-тоталитарной. В чем-то похожая ситуация имеется между “коммунистическим” материковым Китаем и “демократическим” Тайванем, но все-таки в китайско-тайваньском

случае асимметрия в потенциалах слишком велика, чтобы можно было делать сколько-нибудь обоснованные сравнения. Корейские же государства вполне сопоставимы в размерах, и подводить итоги этого “социального эксперимента”, наверное, еще преждевременно.

России этот полуостров на восточном краю Евразии небезразличен еще и потому, что Корея (Северная) имеет общую границу с российским Дальним Востоком, а Южная Корея стала вторым по значимости торговым партнером нашей страны в АТР (следуя за Китаем, но опережая Японию). Наконец, Россия не может не ощущать определенную моральную ответственность за то, что происходит на Корейском полуострове, учитывая, что наша страна с конца XIX в. была плотно вовлечена в геополитические игры вокруг полуострова, а после Второй мировой войны СССР фактически создал Корейскую Народно-Демократическую Республику (КНДР), внося таким образом вклад в раскол Кореи на два противостоящих друг другу государства.

Давние связи России с Кореей и более чем вековая вовлеченность русских в региональные геополитические процессы закономерно способствовали тому, что в нашей стране сложилась одна из самых сильных в мире школ корейских исследований. Еще одно подтверждение этому – выход в свет в этом году монографии “Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет”, авторами которой выступили А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая и И.В. Дьячков. Книга посвящена рассмотрению ситуации на Корейском полуострове и вокруг него со второй половины первого десятилетия нашего века до настоящего времени. В монографии сведены воедино сразу несколько крупных, но взаимосвязанных сюжетов: внутренние процессы в КНДР и Республике Корея (РК), отношения между Севером и Югом, ядерная проблема Корейского полуострова и попытки ее решения, перспективы формирования многосторонней архитектуры безопасности в Северо-Восточной Азии и, наконец, политика России на полуострове и отношения России с каждым из двух корейских государств.

Монография “Современная Корея” – это не теоретический труд. Авторы не претендуют на изобретение новых теорий и концепций и даже не ссылаются на уже существующие. И это в данном случае вполне справедливо, поскольку предметом их исследования являются одновременно и внутренние (в Южной и Северной Корее), и международно-политические процессы. Нужна теория, которая адекватно объясняет и внутренние, и международные измерения политического поля, а также их взаимосвязи и взаимодействия. Но такой теории не существует, и еще вопрос, можно ли ее создать вообще.

Впрочем, можно утверждать, что имплицитно в книге присутствует вполне определенная теоретическая парадигма. Это парадигма политического реализма, согласно которой мир политического основан на силе и балансе сил. Читая монографию, еще раз убеждаешься, что перипетии вокруг Корейского полуострова принципиально не отличаются от соперничества держав две с половиной тысячи лет назад на другом евразийском полуострове, Пелопоннесском, описанного Фукидидом в классической “Истории Пелопоннесской войны”. В фукидидовском “Мелосском диалоге” жители небольшого острова Мелос отказываются покориться могущественным Афинам, надеясь на помощь союзников и защиту богов, которые не могут допустить попрания справедливости. В результате, как известно, Мелос был взят афинянами “по праву сильного”, а все его население либо уничтожено, либо обращено в рабство. В отличие от несчастного Мелоса,

Северная Корея всегда остро осознавала, что “только при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость” [Фукидид 2017].

Главным “уравнителем” в отношениях Пхеньяна с великими державами в конечном счете стало ядерное оружие. В северокорейском сюжете авторы по сути рассказывают историю о том, как небольшое азиатское государство не только выживает в крайне непростых условиях, но и не без успеха заставляет сверхдержаву (США) признавать равенство сил, а значит и равенство прав.

“Современная Корея” импонирует тем, что ее авторы не навязывают свои интерпретации и весьма сдержанны в оценках. Это выгодно отличает книгу от большинства западных продуктов на схожую тематику, в которых Пхеньян выступает в виде аморального актора и источника всяческих угроз международному сообществу. В то же время монография свободна и от другой крайности, свойственной работам некоторых отечественных авторов: в ней нет идеализации КНДР. Показательно, например, что северокорейская политическая система в книге именуется амбивалентным словом “режим”, хотя применительно к Южной Корее этот термин ни разу не употребляется. Ученые прямо заявляют, что КНДР представляет собой клановую “аристократическую теократию” наподобие древней “восточной деспотии” и отличается “исключительно жестким режимом административно-полицейского контроля” [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 7].

Авторы монографии подчеркивают, что нет оснований сомневаться в долгосрочной устойчивости северокорейского режима, особенно учитывая многочисленные прошлые прогнозы о его “неизбежном и скором крахе”, ни один из которых не оправдался. Они прогнозируют, что КНДР “все так же останется ‘крепким орешком’” [там же: 4]. Однако можно ли с полной уверенностью утверждать, что КНДР гарантировано дальнейшее существование? Можно ли считать абсолютно устойчивой политику, в рамках которой, как отмечают сами авторы, несколько сотен тысяч семей, в основном сконцентрированных в Пхеньяне, образуют наследственный привилегированный класс, а значительная часть населения живет в крайней бедности и не участвует в политическом процессе? Более 45% жителей Севера страдают от недостаточного питания¹, при этом большинство северян, по-видимому, знают о том, что стандарты потребления в соседних государствах — и прежде всего в ко-этнической Южной Корее — гораздо выше. Кто-то из северных корейцев знает и о южнокорейской демократии, где население само выбирает — и смещает — лидеров государства. Насколько внешние проявления лояльности рядовых северных корейцев правящей династии Кимов соответствуют их внутреннему состоянию? Иными словами, что северные корейцы думают на самом деле и как они поведут себя в критический момент, который может наступить в результате очередного кризиса, вызванного внутренними или внешними обстоятельствами? Достоверного ответа на этот вопрос не знает никто, включая северокорейское руководство. История знает примеры, когда казалось бы очень прочные и длительно существовавшие авторитарные режимы рушились в одночасье. Если верить мемуарам Джона Болтона, президент Монголии Баттулга — а монголы хорошо знакомы с психологией северных корейцев, — на встрече с Дональдом Трампом высказал мнение, что Ким Ченын больше всего опасается народного

¹ Asia and the Pacific Regional Overview of Food Security and Nutrition 2020. — *FAO UN*. 2020. URL: <http://www.fao.org/documents/card/en/c/cb2895en> (accessed 30.03.2021).

восстания [Bolton 2020: 326]. Не следует забывать и о том, что северокорейская элита при всей своей сплоченности тоже не гарантирована от внутреннего раскола и предательства. По Фукидиду, Мелос пал в том числе и потому, что в “среде самих осажденных завелась измена” [Фукидид 2017]. Не подвергая сомнению тезис авторов о том, что сейчас не просматривается предпосылок для падения режима, сделаем оговорку: возможность серьезного социально-политического кризиса в Северной Корее исключить нельзя и он может случиться в тот момент, когда его меньше всего ждут.

Нынешний руководитель КНДР Ким Ченын, вставший у кормила после смерти своего отца Ким Ченира в декабре 2011 г., — это уже третье поколение династии Кимов. Но является ли власть молодого Кима по-настоящему единоличной, как у его деда, основателя КНДР Ким Ирсена, стиль которого Ким-младший пытается копировать? В книге нет прямого ответа на этот вопрос. Авторы предпочли не вдаваться в спекуляции на эту тему в условиях отсутствия сколько-нибудь достоверной информации о системе принятия политических решений в КНДР, хотя все же склоняются к тому, что Ким, с одной стороны, не может не учитывать мнений и настроений северокорейской элиты, а с другой стороны, не может отказаться от идеологического наследия своих предшественников [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 14]. На укрепление личной власти молодого вождя были направлены чистки в высших эшелонах в первые годы его правления, кульминацией которых стала казнь Чан Сонтхэка в 2013 г., мужа родной тети Ким Ченына и одного из наиболее влиятельных людей в северокорейской верхушке. Не исключено, что эту же цель — устранение всех потенциальных соперников — преследовало и убийство в 2017 г. в аэропорту Куала-Лумпура сводного брата Ким Ченына Ким Ченнама. Однако по-настоящему обеспечить легитимность власти Ким Ченына должны были его достижения на благо государства и народа. Таковыми задумывались повышение уровня жизни населения и укрепление ракетно-ядерной мощи. Если на поприще ядерных зарядов и ракет Ким действительно добился впечатляющего прогресса, то с экономикой дела обстоят в целом печально. Ахиллесовой пятой Кима, да и всего северокорейского режима, также может стать состояние здоровья вождя.

Исследователи придерживаются подхода, что главным вопросом для будущего Корейского полуострова “остается будущая роль... и вектор развития Северной Кореи” [там же: 7]. При этом они в какой-то мере противоречат своему же тезису о КНДР как “ригидной структуре”. Способность же Юга выйти за устоявшиеся геополитические рамки оценивается в книге довольно скептически: Сеул “вряд ли сможет вырваться из-под опеки США, тем более в условиях разворачивающегося американо-китайского конфликта” [там же: 4]. Думаю, авторы все же несколько недооценивают потенциал для трансформаций в Республике Корея, в том числе таких, которые могут привести к серьезному ослаблению или даже разрыву альянса Сеула с Вашингтоном.

По мере нарастания противостояния между США и Китаем Южной Корее придется делать выбор: либо укреплять связи с американо-японской коалицией и участвовать в сдерживании Китая, либо постепенно дистанцироваться от Вашингтона и Токио и дрейфовать в сторону геополитического нейтралитета и финляндизации, чтобы избежать конфликта с Пекином. Третий теоретически возможный вариант заключается в том, чтобы стать младшим союзником и клиентом Пекина, но вряд ли он всерьез рассматривается южными

корейцами². Несмотря на риторику Сеула о “нерушимости” альянса с США, многие в Вашингтоне подозревают нынешнего южнокорейского лидера Мун Чжэина и его сторонников в недостаточной лояльности к США. Скорее всего, эти подозрения небезосновательны. Левопрогрессивный лагерь, к которому принадлежит Мун, видит Корею в будущем полностью суверенным и независимым государством, а не младшим союзником Вашингтона. Об этом, кстати, свидетельствует ускоренный рост расходов на военные нужды при Муне, что обосновывается в том числе необходимостью “самоопределения”³.

В южнокорейском обществе активно обсуждаются практически немыслимые ранее вопросы. Следует ли Сеулу пересмотреть свои военно-политические связи с США и избрать политику нейтралитета? Может ли Южная Корея признать гегемонию Китая в Восточной Азии? Следует ли Югу обзавестись собственным ядерным оружием?⁴ За почти семьдесят лет существования альянса на Юге в среде военных, дипломатов и экспертно-академического сообщества сформировались мощные проамериканские группы интересов. Укоренилась и психологическая зависимость от альянса с США: несколькими поколениями южных корейцев внушали, что безопасность может быть надежно обеспечена только американскими войсками [Suh 2004].

Поэтому движение в сторону нейтралитета будет, скорее всего, осторожным и постепенным. Южная Корея может последовать по пути Таиланда, формально оставаясь союзником Вашингтона, но одновременно поддерживая близкие отношения с Пекином. Дружба с Пекином нужна Сеулу не только в силу высокой и растущей экономической зависимости Южной Кореи от Китая, но и в связи с пониманием того, что антагонистически настроенный Китай способен негативно влиять на межкорейские отношения и даже сделать невозможной перспективу объединения Кореи.

Одновременно Сеул будет наращивать свой военный потенциал в направлении большей автономии и самодостаточности, уже обладая внушительными вооруженными силами и развитым военно-промышленным комплексом и планируя в ближайшие годы приступить к производству авианосцев, атомных подводных лодок, истребителей и иных мощных систем вооружений⁵. Кроме того, у Южной Кореи есть все необходимое, чтобы при принятии политического решения в краткие сроки стать ядерной державой.

Учитывая, что РК значительно опережает КНДР и по численности населения, и особенно по экономико-технологическому потенциалу, политический выбор Юга может оказаться важнее событий на Севере. Тогда вопрос о том, кто стоит у руля в Сеуле, может в какой-то момент оказаться даже более значимым для судеб Корейского полуострова, чем личности пхеньянских вождей. Нельзя не отметить, что авторам удалось политические портреты трех последних лидеров РК — Ли

² Лукин А. Почему США не удастся создать “мини-НАТО” в Северо-Восточной Азии? — *Валдай*. 03.12.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-ssha-ne-udayetsya-sozdat-mini-nato/> (accessed 30.03.2021).

³ South Korea’s Moon Jae-in UPS Defence Spending, Urges North Korea to Talk. — *The Straits Times*. 22.10.2019. URL: <https://www.straitstimes.com/asia/east-asia/south-koreas-moon-jae-in-ups-defence-spending-urges-north-korea-to-talk> (accessed 30.03.2021).

⁴ Robertson J. Coming soon: a neutral South Korea? — *The Interpreter*. 04.11.2020. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/coming-soon-neutral-south-korea> (accessed 30.03.2021).

⁵ Defense Ministry plans to build ballistic missile submarines. — *The Korea Herald*. 10.08.2020. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20200810000758> (accessed 30.03.2021).

Мёнбака (2008-2013), Пак Кынхе (2013-2017) и Мун Чжэина (с 2017). При знакомстве с их жизнеописаниями возникает ощущение, что их стиль, замешанный на авторитаризме и волюнтаризме, не так уж сильно разнится с северокорейским.

Разумеется, что важное место в книге уделено ядерной проблеме Корейского полуострова. Авторы дают концентрированный обзор истоков, основных этапов становления и современного состояния ракетно-ядерной программы Пхеньяна. Хотя основным адресатом ядерных приготовлений КНДР выступают США, авторы отмечают, что потенциальную угрозу в Пхеньяне видят отнюдь не только со стороны американо-южнокорейского альянса: северокорейское руководство держит в уме и риски со стороны своего могущественного соседа и официального союзника — Китая [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 183-184]. С выводами о том, что “КНДР будет держаться за ядерное оружие до последнего” [там же: 184] и что денуклеаризация Северной Кореи находится “за гранью горизонта вероятности” [там же: 254], трудно спорить.

Авторы монографии не спешат соглашаться с расхожим мнением о том, что наличие у Севера ядерного оружия противоречит целям экономического развития, отмечая, что после освоения технологий и создания базовых объектов ядерный арсенал уже не требует постоянных значительных вложений, а военно-промышленный комплекс может стать источником инноваций и технологий для других отраслей экономики [там же: 54]. Интересно, что схожий тезис об экономической рациональности ядерного оружия формулируют и некоторые видные теоретики на Западе. Так, Эвери Гольдштейн называет ядерное оружие “самым экономически эффективным способом максимизировать безопасность государства, находящегося в опасном окружении”. Оно “позволяет государствам удовлетворить базовые потребности в безопасности, не завися от других и не неся высокие материальные издержки по содержанию обычных вооруженных сил, которые бы обладали сопоставимой с ядерным оружием мощностью” [Goldstein 2000: 225]. Во многом именно появление у Северной Кореи ядерного потенциала позволило Ким Ченыну провозгласить в 2013 г. курс “пён-чжин”, который предусматривал, что отныне государственные ресурсы будут направляться не только на оборонные нужды, но и на развитие гражданской экономики [Торкунов, Толорая, Дьячков 2021: 54].

При Ким Ченыне ракетно-ядерная программа КНДР перешла в новое качество. Северная Корея существенно форсировала работы по совершенствованию своего стратегического арсенала, которые сопровождались участвовавшими атомными и ракетными испытаниями [там же: 190]. Как справедливо отмечают ученые, сложно судить о реальной степени развития северокорейской ракетно-ядерной программы [там же: 200]. Но нельзя отрицать и того, что за десять лет правления Ким Ченына Северу удалось зримо нарастить ядерный потенциал. КНДР обладает примитивными межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) и, вероятно, термоядерным зарядом. Автор этих строк, который довольно скептически относился к ядерным возможностям КНДР, мог лично убедиться в успехах северокорейского ВПК, когда 3 сентября 2017 г. в его квартире во Владивостоке задрожали пол и мебель. Ощутимое землетрясение, которых отродясь не бывало в столице Приморья, было вызвано волной от испытания термоядерного (или, возможно, бустированного) заряда на полигоне Пхунгери.

Но не стал ли ракетно-ядерный триумф Ким Ченына его стратегическим просчетом? Авторы монографии, верные своему “оценочному минимализ-

му”, воздерживаются от суждений на этот счет. Выскажу предположение, что, когда Ким Ченын начинал свой ракетно-ядерный спурт, он рассчитывал на совершенно иные результаты. Замысел заключался в том, чтобы впечатлить Вашингтон северокорейскими ядерными ракетами, способными доставать до континентальной территории США. Таковые возможности Пхеньяна были продемонстрированы успешными пусками МБР “Хвасон-14” и “Хвасон-15” в июле и ноябре 2017 г. Однако вместо того, чтобы просить мира на условиях Пхеньяна, США развернули кампанию “максимального давления”, основным инструментом которой стали беспрецедентно жесткие секторальные санкции — фактически экономическая блокада КНДР. Саммиты Кима с Трампом в 2018 и 2019 гг., на которые в Пхеньяне возлагали большие надежды, имели нулевой результат. Санкции сохраняются по сей день.

В своих отношениях с США Ким в каком-то смысле повторил роковую ошибку японцев, которую те совершили в 1941 г., атаковав Перл-Харбор в расчете на то, что американцы предпочтут уйти из Восточной Азии. Но вместо отступления США, как мы знаем, начали тотальную войну против Японии.

США могли рано или поздно примириться с Северной Кореей, обладающей небольшим количеством ядерных зарядов и ракетами ограниченного радиуса действия. Но Вашингтону гораздо труднее признать — и оставить безнаказанной — Северную Корею, которая владеет МБР, способными нанести ядерный удар по основной территории Штатов. Даже Дональд Трамп, при всей своей внешнеполитической неортодоксальности, не мог пойти на это. Предыдущий лидер Севера Ким Ченир, очевидно, понимал это, что и объясняло его сравнительную осторожность в продвижении по ракетно-ядерному пути [там же: 192]. Минимальный ядерный потенциал, позволявший держать под прицелом Японию и Южную Корею, был вполне достаточен для целей стратегического сдерживания. В то же время Ким-старший был весьма искусен в сложных, многосоставных дипломатических играх с Южной Кореей и державами, имеющими интересы на Корейском полуострове. В отличие от отца молодой северокорейский лидер не стал заниматься неторопливой многоходовой дипломатией и решил разрубить гордиев узел. Запуски “Хвасонов” и термоядерное испытание должным образом впечатлили весь мир, но уничтожили кропотливые дипломатические конструкции Ким Ченира, резко сократив шансы достичь договоренности с США и их младшими союзниками — Южной Кореей и Японией.

Одним из последствий ракетно-ядерного прорыва Ким Ченына стало увеличение зависимости КНДР от Китая. Международные (введенные Советом Безопасности ООН) и односторонние (со стороны США, РК и Японии) санкции сделали практически невозможным экономическое взаимодействие Севера со всеми странами — кроме Китая. Сейчас на Китай приходится 95% объема всей внешней торговли КНДР⁶. И это без учета прямой экономической помощи Пекина Северу, прежде всего в виде поставок продовольствия, удобрений и нефтепродуктов. Для сравнения: в 2001 г. на Китай приходилось лишь 17% внешнеторгового оборота КНДР, а торговым партнером Пхеньяна номер один тогда была Япония (30%)⁷. О многом говорит и тот факт, что в течение 2018-2019 гг. Ким Ченын четыре раза посещал Китай для встреч с его

⁶ Wertz D. China — North Korea Trade: Parsing the Data. — *38 North*. 25.02.2020. URL: <https://www.38north.org/2020/02/dwertz022520/> (accessed 30.03.2021).

⁷ N. Korea's Trade Reliance on China Surges Fivefold Since 2001: Data. — *Yonhap*. 01.12.2019. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20191201001900325> (accessed 30.03.2021).

руководством, а в июне 2019 г. Си Цзиньпина с максимально возможными почестями принимали в Пхеньяне. Геоэкономическая зависимость северокорейского государства от Китая влечет риски и для политической самостоятельности, что не могут не осознавать в Пхеньяне. Снизить зависимость могло бы возобновление экономического сотрудничества с Югом и, возможно, с Японией, однако в отсутствие сделки с США по ядерной проблеме это вряд ли возможно, и пхеньянское руководство вынуждено искать выход из крайне неприятного для КНДР и чреватого рисками положения.

Ядерные кризисы на Корейском полуострове запустили в 2003 г. механизм Шестисторонних переговоров с участием КНДР, РК, КНР, США, России и Японии. Несмотря на то, что “шестисторонка” не собиралась с конца 2008 г., авторы убедительно доказывают, что этот формат оказался весьма удачным и остается актуальным. В том числе и потому, что был создан прецедент многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии и предложена работающая схема взаимодействия [там же: 255].

Авторы монографии идут еще дальше и предлагают визионерский “северотихоокеанский проект”. Он мыслится как институт сотрудничества ключевых игроков в Северо-Восточной Азии и северной части Тихого океана, включая США и их союзников, Китай, Россию и КНДР [там же: 261], в рамках которого можно было бы взаимодействовать не только по ядерно-стратегической проблематике, но и по всему кругу вопросов. Отметим, что некоторые элементы северотихоокеанского сотрудничества уже реально работают. В частности, с 2000 г. действует Форум береговых охран государств северной части Тихого океана (*North Pacific Coast Guard Forum*), объединивший Россию, США, Канаду, Японию, Южную Корею и Китай. Идея “концерта держав” в “северотихоокеанском проекте” хороша еще и тем, что представляет собой некую альтернативу концепту Индо-Тихоокеанского региона, который, во всяком случае в его нынешней интенции, направлен на сдерживание Китая и стратегическое господство США и их союзников.

Москва крайне заинтересована в денуклеаризации Корейского полуострова, в том числе и по той причине, что увеличение количества ядерных государств неминуемо девальвирует ядерный статус России — одну из основ ее великодержавного ранга в мирополитической иерархии. Ракетно-ядерные амбиции Пхеньяна никогда не вызывали симпатий в Кремле, одним из подтверждений чему служит поддержка Россией санкций Совета Безопасности ООН в отношении КНДР. Несмотря на все это, Россия демонстрирует понимание мотивов, которыми руководствуется Северная Корея. Вспомним хотя бы высказывание Владимира Путина о том, что северные корейцы будут “есть траву”, но не откажутся от ядерного оружия⁸.

В чем причина такой “геополитической эмпатии” России к своему проблемному соседу на Дальнем Востоке⁹? Отчасти такое отношение можно объяснить историей — Москва была напрямую причастна к созданию КНДР, которую СССР затем поддерживал на протяжении более четырех десятилетий. Но есть

⁸ Путин: в КНДР “траву будут есть”, но не откажутся от ядерной программы. — ТАСС. 05.09.2017. URL: <https://tass.ru/politika/4532288> (accessed 30.03.2021).

⁹ В литературе иногда используется термин “стратегическая эмпатия” (*strategic empathy*), но он обозначает умение распознавать и понимать мотивы своих противников. КНДР, конечно, не враг России, хотя и другом ее тоже назвать нельзя. Поэтому для описания эмоционального отношения России к Северной Корее предлагается использовать термин “геополитическая эмпатия”.

и другие, более актуальные и фундаментальные причины. Россию и КНДР, при всех их несомненных и очень существенных различиях, объединяет нечто общее. Это государства, для которых политический суверенитет является абсолютной ценностью. Они знают, что гарантировать сохранение суверенитета могут только военная мощь и ее главное современное воплощение — ядерное оружие. Отсюда “почти сакральное” значение ядерного оружия не только для Северной Кореи [там же: 183], но и, добавим, для нынешней России.

Россия — это великая держава, которая нечасто в истории отличалась экономическим процветанием, но почти всегда располагала значительной военной мощью и выступала самостоятельным, самодостаточным политическим игроком на международной арене. Примечательно, что КНДР тоже иногда характеризуют как “малую великую державу”, имея в виду стиль ее внешнеполитического поведения [Korhonen, Mōi 2019]. И Россия, и Северная Корея относятся к категории государств, которые Б. Бузан и О. Вэвер именуют “модерновыми”, характеризующихся классическим вестфальским типом государственности [Buzan, Waever 2003: 22-23]. Помимо прочего, таким политиям присущ приоритет прав государства над правами индивида: согласно официальной северокаорейской формуле, “права человека не могут существовать в отрыве от государственной власти”¹⁰. Не исключено, что многие в России подписались бы под этим тезисом.

Книгу А.В. Торкунова, Г.Д. Толораи и И.В. Дьячкова “Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет” отличает не только трезвый реалистичный анализ процессов на Корейском полуострове, но и доля геополитической эмпатии. Их монография — это заметный и значимый вклад в корпус политологической литературы о Корее и международных отношениях в Восточной Азии. Хотя она написана в расчете на отечественного читателя, ее версии на других языках (в первую очередь английском, корейском, китайском и японском), несомненно, были бы интересны зарубежной аудитории.

DOI: 10.17976/jpps/2021.03.12

RUSSIA AND THE KOREAN PENINSULA: POLITICAL REALISM AND EMPATHY

A.L. Lukin¹

¹ *Oriental Institute — School of Regional and International Science, Far Eastern Federal University. Vladivostok, Russia*

LUKIN, Artyom Leonidovich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Associate Professor and Vice Director, Oriental Institute — School of Regional and International Science, Far Eastern Federal University, email: artlukin@mail.ru

Lukin A.L. Russia and the Korean Peninsula: Political Realism and Empathy. — *Polis. Political Studies*. 2021. No. 3. P. 182-191. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.12>

Received: 25.03.2021. Accepted: 08.04.2021

Abstract. The political developments on the Korean Peninsula, which is situated, in fact, at the heart of North-East Asia, will largely determine the strategic situation in the Asia-Pacific region and globally. The monograph by Anatoly Torkunov, Georgy Toloraya and Ilya Diachkov “Modern Korea: The

¹⁰ Press Statement of Permanent Mission of the Democratic People’s Republic of Korea to the United Nations Office at Geneva and Other International Organizations in Switzerland with Regard to Anti-DPRK “Human Rights Resolution” Railroaded at the 46th Session of the United Nations Human Rights Council. 23.03.2021. URL: <http://www.mfa.gov.kp/ru/press-statement-of-permanent-mission-of-the-democratic-peoples-republic-of-korea-to-the-united-nations-office-at-geneva-and-other-international-organizations-in-switzerland-with-regard-to-ant/> (accessed 30.03.2021).

Metamorphosis of turbulent years” is aimed at the consideration of the situation on and around the Peninsula from 2008 to the present. The monograph explores several major interconnected subjects: the domestic processes in South and North Korea, the North-South relations, the nuclear issue of the Korean Peninsula and attempts to tackle the problem, the prospects for the formation of a multilateral security architecture in Northeast Asia, as well as Russia’s policy on the Peninsula and Russia’s relations with each of the two Korean states. Although some of the authors’ conclusions can be argued, the book, on the one hand, distinguishes a sober and realistic analysis of the processes on the Korean Peninsula, and, on the other hand, a sense of geopolitical empathy, allowing a better understanding of the motives that pushed North Korea on the nuclear and missile path. The authors of the monograph propose a visionary ‘North Pacific Project’ – an institution of cooperation of key actors in Northeast Asia and the North Pacific, in which it would be possible to interact not only on nuclear strategic issues, but also on a wide range of problems.

Keywords: Korean Peninsula, DPRK (North Korea), Republic of Korea (South Korea), Northeast Asia, nuclear issue of the Korean Peninsula, Russian-Korean relations.

References

- Bolton J. 2020. *The Room Where It Happened: A White House Memoir*. New York: Simon & Schuster, Buzan B., Waever O. 2003. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goldstein A. 2000. *Deterrence and Security in the 21st Century: China, Britain, France, and the Enduring Legacy of the Nuclear Revolution*. Stanford, CA: Stanford University Press. <https://doi.org/10.1017/s0003055402344344>
- Korhonen P., Mori. T. 2019. North Korea as a Small Great Power. – *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 01.03. URL: <https://apjif.org/2019/05/Korhonen.html> (accessed 30.03.2021).
- Suh J.J. 2004. Bound to Last? The U.S.-Korea Alliance and Analytical Eclecticism. – *Rethinking Security in East Asia: Identity, Power, and Efficiency*. Ed. by J.J. Suh, P.J. Katzenstein, A. Carlson. Stanford, CA: Stanford University Press. P. 131–171.
- Thucydides. 2017. *The Melian Dialogue*. URL: https://we.hse.ru/data/2017/12/29/1160703552/Meloskiy_dialog.pdf (accessed 30.03.2021).
- Torkunov A.V., Toloraya G.D., Dyachkov I.V. 2021. *Sovremennaya Koreya: metamorfozy turbulentnykh let (2008–2020 gg.)* [Modern Korea. Metamorphoses of Turbulent Years (2008–2020)]. Moscow: Prosveshchenie Publishers. 448 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Торкунов А.В., Толорая Г.Д., Дьячков И.В. 2021. *Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)*. М.: Просвещение. 448 с.
- Фукидид. 2017. *Мелосский диалог*. URL: https://we.hse.ru/data/2017/12/29/1160703552/Meloskiy_dialog.pdf (accessed 30.03.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА

Уважаемые авторы журнала “Полис. Политические исследования”!

Ввиду переполнения портфеля Редакции и серьезного усиления конкуренции между поступающими рукописями за место в текущем номере степень соответствия рукописи требованиям Редакции становится критически важной, во многом определяющей скорость ее прохождения редакционного цикла. Полагаем, осознание этого объективного обстоятельства должно побудить авторов более ответственно относиться к оформлению рукописей, выбору более компактных способов оформления исследовательских результатов и тщательному оформлению литературных источников.

Подробная информация о тематическом профиле журнала, редакционная политика и требования, предъявляемые к присылаемым в Редакцию рукописям, размещены на сайте журнала <http://www.politstudies.ru>. Рекомендуем ознакомиться с такими разделами, как *Система рецензирования*, *Этические принципы авторов журнала* и *Этические принципы рецензирования*. Не менее важным подспорьем при оформлении рукописей будет знакомство с соответствующими примерами оформления уже изданных статей журнала (в его книжках и в архиве сайта). Подать рукопись на рассмотрение можно через форму на сайте или электронную почту new-authors@politstudies.ru. Приветствуем указание идентификаторов автора: ORCID, SPIN-код, ResearcherID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID. Не забывайте указывать DOI всех источников из списка литературы, если они им присвоены. DOI должен быть представлен в виде рабочей гиперссылки в конце библиографического описания, например:

Hinich M., Munger M. 1997. *Analytical Politics*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 253 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174725>

ПОДПИСКА

Уведомляем о ликвидации АО Агентство “РОСПЕЧАТЬ”,

в связи с чем рекомендуем для подписки обращаться в следующие агентства:

- ООО “Урал-Пресс”. Тел.: 8 (495) 721-25-89; <http://www.ural-press.ru>
- ООО “Информнаука”. Тел.: 8 (495) 787-38-73; (499) 152-54-81; <http://www.informnauka.com>
- ООО “НПО “ИНФОРМ-СИСТЕМА”. Тел. 8 (499) 789-45-55; <http://www.informsystema.ru>

Электронные версии статей и выпусков журнала можно приобрести в интернет-магазине www.polismag.ru

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Страницы журнала всегда открыты для дискуссионных материалов, поэтому его содержание не обязательно отражает точку зрения Учредителей и Редакции.

© Полис. Политические исследования, 2021, № 3(183), 1-192 стр.

Сдано в производство: 25.02.2021. Подписано к печати: 28.04.2021. Дата выхода в свет: 26.05.2021.

Формат 70 x 100 1/16. Гарнитура “Ньютон”. Печать офсетная.

Печ.л. 12,0. Уч.-изд.л. 17. Тираж 610. Цена свободная. Индекс 70790. Заказ

Во всех случаях полиграфического брака обращаться в типографию-изготовитель

Адрес издателя журнала “Полис. Политические исследования”:

101100, Москва, Колпачный пер., д. 6, пом. II, комн. 5.

Адрес редакции журнала “Полис. Политические исследования”:

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корпус 5, оф. 208; телефон: 8 (495) 502-43-17.

Email: new-polis@politstudies.ru (для текущей переписки); new-authors@politstudies.ru (для авторов)

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ФГУП “Издательство “Наука” (Типография “Наука”)
121099, Москва, Шубинский пер., 6